

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Юй Исин

**Русский речевой этикет в свете
этики ответственности**

Специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук
профессор кафедры русского языка
Чернейко Людмила Олеговна

Москва – 2019

Оглавление

Оглавление.....	2
Введение.....	4
Глава I. Теоретическая основа исследования.....	13
1. Социально-философский аспект проблемы.....	13
1.1. Соотношение понятий «этикет» – «этика».....	13
1.2. Понятие «этика ответственности».....	15
1.3. Категория вежливости с точки зрения этикета и этики.....	21
2. Лингвистический аспект проблемы.....	24
2.1. Понятия «речевой акт», «речевой жанр» и их соотношение.....	24
2.2. Понятие «коммуникативная неудача».....	36
2.3. Лингвистические аспекты исследования речевого этикета.....	38
2.3.1. Лингвистическое исследование обращения.....	40
2.3.2. Лингвистическое исследование извинения.....	45
3. Основные выводы.....	48
Глава II. Речевой акт «обращение» как объект исследования.....	50
1. Лексический состав категории обращения.....	50
1.1. Имена собственные (онимы).....	52
1.2. Имена нарицательные.....	61
1.3. Имена прилагательные, местоимения, междометия.....	66
1.4. Формы обращения «на вы» и «на ты».....	68
2. Формы обращения и их вокативные функции.....	71
2.1. Формы обращения в бытовых речевых жанрах.....	73
2.2. Формы обращения в научных, деловых и публицистических речевых жанрах.....	88
2.3. Формы обращения в литературно-художественных жанрах.....	98
3. Коммуникативная неудача при выборе форм обращения в свете этики ответственности.....	121
4. Основные выводы.....	133
Глава III. Речевой акт «извинение» как объект исследования.....	136
1. Языковые средства реализации речевого акта «извинение».....	136

2. Извинение в разных речевых жанрах.....	143
2.1. Извинение в бытовых речевых жанрах.....	145
2.2. Извинение в публичных речевых жанрах.....	166
3. Классификация извинений по их мотивам.....	179
3.1. Реальные извинения (А).....	181
3.1.1. Извинения за действия (А1).....	181
3.1.2. Метаизвинения (А2).....	185
3.2. Квазиизвинения (Б).....	195
4. Ответственность говорящего в сфере извинения.....	205
5. Основные выводы.....	211
Заключение.....	213
Библиография.....	216

Введение

Обращение и извинение как базовые речевые этикетные формы довольно подробно изучены в русистике. Это лингвистически значимый объект исследования, поскольку и обращение, и извинение, будучи самостоятельными речевыми актами, имеют в русском языке варианты их наполнения (синонимы), употребление которых коррелирует с конкретными коммуникативными ситуациями, включающими такой важный социальный параметр, как взаимоотношения между коммуникантами, социально-психологическая дистанция между ними, что позволяет сферу лексических единиц и форм обращения представить как позиционно (конситуативно) распределенную систему языковых единиц, т.е. как парадигму.

Не менее актуальным является рассмотрение речевого этикета в рамках общих норм и правил общежития в аспекте прогнозируемых последствий сказанного и предупреждения возможных речевых неудач, что позволяет взять за основу речевого поведения личности ее ответственность за свои речевые действия, в частности за выбор формы обращения, адекватной коммуникативной ситуации, и за осознание мотива принесения извинения. Актуальность этого аспекта изучения обращения и извинения выводит проблему на междисциплинарный (лингвофилософский) уровень, поскольку прогнозирование личностью последствий своих действий, в том числе речевых, входит в сферу его ответственности.

Что касается мотивации извинительных высказываний и способа представления в них причины извинения, то эта проблема представляется лингвокультурологически значимой, но недостаточно изученной. Особый аспект этой проблемы – причина извинения и тип извинительного высказывания в разных сферах коммуникации: в обыденной речи и в речи публичной, включая и устную речь научной сферы.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных лингвистов и философов. Основные положения этики ответственности изложены по работам таких философов и лингвистов, как

Аристотель, М. Вебер, Х. Йонас, И. Кант, Ф. Ницше, Ц. Чжу; В.А. Канке, Г.А. Ткаченко, О.Е. Фролова. Особенности функционирования обращения и извинения в качестве речевых актов в различных речевых жанрах рассматриваются в свете работ Н.Д. Арутюновой, М.М. Бахтина, Т.Г. Винокура, Н.Д. Голева, В.Е. Гольдина, В.В. Дементьева, О.С. Иссерс, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, Т.В. Шмелевой; Г. Грайса, Дж. Лича, Дж. Остина, Дж. Серля, П. Стросона. В вопросах анализа семантики и прагматики обращения и извинения исследование опирается на идеи Л.Г. Бабенко, В.В. Виноградова, О.Ю. Дементьевой, О.Н. Ермаковой, Е.А. Земской, Т.В. Крыловой, Т.В. Лариной, Т.М. Николаевой, В.П. Проничева, Н.И. Формановской, Л.А. Хесед, Л.О. Чернейко, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелева, Т.В. Шмелевой, Т.Е. Янко.

Объектом данной диссертационной работы являются русские обращение и извинение, а **предметом** – лексический состав этих этикетных форм, их семантические и прагматические свойства, специфика функционирования в разных речевых жанрах и принципы их употребления с позиции коммуникативной ответственности. Особый предмет изучения извинения – это причина, вызвавшая данный речевой акт, формы ее языкового воплощения (эксплицитная и имплицитная) и процессы семантической «перезагрузки», активные в современной русской речи.

Материалом исследования послужили тексты разных жанров – это художественная литература, где широко представлены диалоги, кинофильмы с начала 20 века до нашего времени, материалы СМИ за последние 15 лет (газеты и журналы – «ЛГ», «МК», «Огонёк», «Эксперт», «Esquire» и др., радио- и телепередачи – «РИА Новости», «Эхо Москвы», «Радио Свобода», «Радио Маяк», «Вечер с Владимиром Соловьевым» и др.), записи устной речи за последние 5 лет (картотека Л.О. Чернейко и собственные наблюдения), а также данные Национального корпуса русского языка. В диссертации анализируются 694 контекста (в том числе 438 контекстов с обращениями и 256 контекстов с извинениями). Для исследования и

обращения, и извинения в качестве анализируемого материала привлекались тексты художественных произведений разных культурно-исторических периодов: драматургические произведения 18 века (пьесы Д.И. Фонвизина), 19 и начала 20 века (пьесы А.Н. Островского, пьесы и рассказы А.П. Чехова, романы Л.Н. Толстого), современная художественная литература (пьесы Н.В. Коляды, рассказы и повести В.С. Токаревой, В.М. Шукшина и др.). Главный критерий отбора материала в этом случае – наличие в тексте диалогов. В работе не ставилась специальная цель исследования избранных сфер этикета в диахронном аспекте. Важно было выявить зафиксированные в текстах формы обращения и извинения, их функции и текстопорождающий потенциал коммуникативной неудачи (если она обнаруживалась), связанной с выбором этих форм. Несмотря на временные различия в создании этих текстов (18-21 вв.), в диалогах выявляются определенные общие тенденции, характерные для использования этикетных форм двух избранных сфер в разные периоды развития русского социума. Это, например, частое использование пейоративно «отягощенной» нарицательной лексики в апеллятивной функции в речи 18 века (*Так тебе жаль шестой, **бестия**? Ну, еще слово молви, **стара хрычовка!*** Д. Фонвизин. Недоросль), 19 века (*Каких лимонов, **аспид**? А. Островский. Бесприданница; Ну, пойдём, **старик злосчастный**.* А. Чехов. Чайка) и нашего времени (*Помолчите, **жердины!*** *Замолчите, **клушки**.* Н. Коляда. Клуб брошенных жен).

При этом наблюдается и различие в употреблении речевых этикетных форм в разные исторические эпохи, например, обращение **любезный**, типичное для 19 века (*Ну, так вот, **любезный**, будешь прикладывать ей на голову холодный компресс и давай вот эти порошки по два в день* А. Чехов. Скрипка Ротшильда), в настоящее время употребляется исключительно как иронически окрашенное (*Но вам, **любезный**, будем строить козни.* Эхо Москвы, 21.11.2018); вариант извинения **виноват(а)** употребляется в современных обыденных ситуациях намного реже, чем в бытовых диалогах и полилогах 19 в. – начала 20 в.

Актуальность и научная новизна работы заключается в том, что в ней обосновывается необходимость выбора адекватного речевой ситуации варианта обращения с позиции коммуникативной ответственности говорящего, прогнозирующей возможные реплики-реакции адресата, предлагается вариант классификации извинений по их мотивам и функциям, а также выявляется семантическая «перезагрузка» извинения как тенденция его развития в современной русской речи.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней 1) анализируется понятие «ответственность» в связи с так называемой коммуникативной неудачей, которая может быть обусловлена неверным выбором формы обращения, а также стать поводом для извинительного высказывания – реальным или «фантомным»; 2) обсуждаются принципы, на основе которых варьируется выбор формы обращения в разных речевых жанрах; 3) вырабатывается модель описания речевого акта извинения по его мотивации в бытовых и публичных коммуникативных сферах. Работа имеет междисциплинарный характер, поскольку в ней проблемы этикета связаны с проблемами этики.

Практическая значимость результатов проведенного исследования заключается в возможности включения их в учебные курсы и спецкурсы по лексикологии, лексикографии, структурной и когнитивной семантике, прагматике, культуре речи, в особенности по русскому речевому этикету. Полученные данные могут быть востребованы при обучении русскому речевому этикету как русскоязычной, так и иностранной аудиторией.

Основными целями диссертационной работы являются: 1) рассмотрение семантико-прагматических особенностей форм обращения и извинения в различных речевых жанрах; 2) изучение роли понятия «ответственность» в выборе формы обращения и в сфере извинения.

Достижение поставленных целей потребовало решения таких исследовательских задач, как:

- 1) рассмотрение ключевых понятий «этика ответственности», «речевой

этикет», «обращение», «извинение», «речевой акт», «речевой жанр», «категория вежливости», «коммуникативная неудача»;

2) изучение лексического состава обращения и семантико-прагматических особенностей форм обращения в текстах разной жанровой принадлежности путем сопоставления лексико-семантических парадигм обращения по базовым параметрам коммуникантов и ситуаций;

3) исследование языковых средств воплощения мотивов извинения, а также особенностей функционирования форм извинения в бытовых и публичных речевых жанрах;

4) разработка классификации извинений по их мотивам и функциям;

5) рассмотрение употребления обращения и извинения в связи с коммуникативной неудачей с позиции этики ответственности.

В работе используются следующие **методы**: наблюдение за поведением форм обращения и извинения в разных коммуникативных ситуациях, выборка языкового материала из источников, их классификация и описание, ориентированное на обобщение полученных результатов и их интерпретацию (**описательный метод**), а также базирующийся на описании и на общих принципах построения лексико-семантических парадигм (ЛСП) **метод компонентного анализа** вариативных форм обращения. Особое значение в исследовании материала придается **дистрибутивному методу анализа**, заключающемуся в изучении (применительно к обращению) конситуативного распределения вариативных форм обращения, что дает возможность построения апеллятивных парадигм. Применительно к извинению использован **метод семантического анализа** извинительных высказываний, ориентированный на извлечение мотивов извинительного акта, что дает возможность построения типологии извинений.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Варианты **личных имен**, которыми располагает система русского языка, образуют лексико-семантические парадигмы обращения. Это значит, что весь реестр форм представляет собой позиционно распределенное по

типам коммуникативных ситуаций множество единиц. Такое множество рассматривается и в аспекте их словообразовательной структуры. Способность имени нарицательного использоваться в функции обращения во многом зависит и от его семантико-прагматических параметров, и от условий общения. Формы обращения варьируются в зависимости не только от ряда объективных факторов, таких, как характер ситуации, статус говорящего и адресата в социальной или родственной иерархии, тема разговора, сложившаяся в определенном социуме традиция, но и от субъективных моментов – эмоционально-оценочного отношения субъекта речи к лицу-адресату, а также от его воспитания, вкуса, симпатий и т.д.

2. Обращения могут быть разделены по их иллокутивным целям на два типа: вокативы и экспрессивы (оценки). Экспрессивы (оценки) подразделяются на такие подтипы, как обращения-контактивы (контактоподдерживающие средства, в том числе средства, используемые для осуществления других целей или других речевых актов – просьбы, приказа, упрёка и т.п.), обращения-характеристики и обращения-«деструктивы» (контакторазрушающие средства, но так интерпретируемые только с точки зрения «принципа кооперации»). Обращения выполняют как собственно апеллятивную (призывную) функцию, так и фатическую функцию (контактоустанавливающую и контактоподдерживающую), часто осложненную эмоционально-экспрессивными (аксиологическими) «добавками», выражающими субъективное отношение говорящего к адресату (*Что ж ты, ягодка, кушай со Христом*). Однако при заполнении позиции обращения именами нарицательными, выражающими пейоративную оценку, обращение становится контакторазрушающим средством, которое может превратиться в инвективу.

3. Современное состояние русской публичной речи характеризуется проникновением разговорных, просторечных и других стилистически сниженных вариантов обращения в публицистическую и официально-деловую функциональные сферы, что вызвано либерализацией и

демократизацией языка, но приводит к нарушению традиционного «принципа вежливости», к несоблюдению так называемой «социальной дистанции» и даже к вульгаризации русской речи.

4. В речевом общении текстопорождающий потенциал часто находится «в руках» у коммуникативной неудачи, которая может быть обусловлена неверным выбором формы обращения, провоцирующим микротекст вокруг ошибки, а также стать поводом для извинительного высказывания – реальным или «фантомным». Основное различие между механизмом текстопорождения в этих случаях сводится к тому, что неверный выбор формы обращения говорящим – причина реплики слушающего, тогда как метаизвинение – всегда следствие предшествующей речевой неправильности, допущенной самим говорящим. Во избежание коммуникативной неудачи в реальном речевом общении субъект речи должен выбирать определенную форму обращения из многочисленных вариантов не только исходя из узаконенных норм и правил русского речевого этикета, но и с позиции коммуникативной ответственности как одного из базовых факторов речевой деятельности, учитывающих и социальную дистанцию, и «принцип вежливости» как частный случай «принципа кооперации», а также редуцирующий нежелательные последствия, если говорить об извинении.

5. Собственно извинительный речевой акт нуждается в мотивации, что требует и от говорящего, и от слушающего осознания причины принесенного извинения. В противном случае в этикетной форме извинения происходит «перезагрузка» содержания. Если этикетными извинениями говорящий компенсирует причиненный в процессе общения ущерб и тем самым устраняет коммуникативную неудачу, то освобожденные от семантики этикета извинения («неэтикетные» – квазиизвинение и десемантизированное) дают информацию о говорящем. Пустой, освобожденный от семантики этикета извинительный акт оказывается прагматически насыщенным. Раскрытие причин извинительных высказываний в разных речевых жанрах способствует прояснению поведенческих правил в различных ситуациях и

пополнению их реестра.

6. По параметру «языковое представление причины извинения» все извинительные высказывания делятся на две группы: эксплицитные и имплицитные. Если говорить об эксплицитных извинениях, то оказывается важной форма выражения извинения (извините за то, что; извините, что...; извините, если...; извините, но...; прошу прощения у тех, кто...). По параметру «характер причины извинения» все извинительные высказывания в современном речевом общении могут быть разделены на две большие группы: 1) извинения за действия (извинения «по существу» и конвенциональные извинения), 2) извинения за речевые действия, или метаизвинения (семантически мотивированные и десемантизированные, наполненные субъективной модальностью). По параметру «реальность причины извинения» извинительные высказывания делятся на два типа: реальные извинения и квазиизвинения (за так называемый «фантомный вред», т.е. «вред», по-разному оцениваемый извиняющимся и адресатом извинения).

7. В публичной речи в большей степени, чем в бытовых ситуациях, извинение выходит за рамки этикетности, приобретая черты приема «ложной значительности» и даже обретая статус эквивалента модальных слов. Функционирование десемантизированных метаизвинений свидетельствует о семантической «перезагрузке» извинения как тенденции его развития в современной русской речи. Критерий разграничения квазиизвинений и извинений десемантизированных – это наличие иной, чем собственно извинительная, цели (в десемантизированных метаизвинениях) и наличие по-разному оцениваемой говорящим и слушающим причины (в квазиизвинениях). Квазиизвинения имеют место тогда, когда причина осознается говорящим (иначе извинительный акт не имел бы места), но может не быть очевидной для слушающего; а десемантизированные метаизвинения произносятся вовсе не ради извинения, а ради других целей, иногда не осознаваемых и самим говорящим. Поэтому десемантизированное извинение является квазиизвинением, но квазиизвинение как

мотивированное для говорящего не является десемантизированным.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были изложены в докладах на следующих конференциях: XXIV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2017» (Москва, 2017); Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: норма и вариант: VI Международная научная конференция (Симферополь, 2017); Международный научный форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2018» (Москва, 2018). По теме диссертации опубликовано 8 научных работ: 2 тезисов и 6 статей, 4 из них в изданиях, рекомендованных ВАК и включенных в список рецензируемых научных изданий МГУ.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографии.

Специфика шрифтового оформления текста работы:

- 1) понятия и термины – обычный шрифт, кавычки (понятие «этика ответственности»);
- 2) лексемы – шрифт Arial (извините);
- 3) значения, смыслы – обычный шрифт, марровские кавычки (‘прошу меня извинить’);
- 4) примеры употреблений – курсив (*извините за то, что...*);
- 5) лексико-семантическая сочетаемость в примерах – полужирный шрифт (***Уважаемые посетители, убедительно просим...***).

Глава I. Теоретическая основа исследования

1. Социально-философский аспект проблемы¹

Вопрос о функционировании русского речевого этикета в рамках этики ответственности освещается в социально-философском аспекте. Для изучения ее теоретической основы необходимо уделить внимание таким моментам, как связь понятий «этикет» и «этика» как в этимологическом, так и в социально-нравственном аспектах, семантические компоненты в слове **ответственность**, диалогический характер понятия «ответственность», проявляющий себя в социальных взаимоотношениях между членами общества; процесс становления этики ответственности в западном философском учении и отражение ее аналога в китайском конфуцианстве, а также категория вежливости на фоне рассмотрения этики и этикета.

1.1. Соотношение «этикет» – «этика»

«Лексикографические данные свидетельствуют о том, что слова **этика** и **этикет**, принадлежащие одновременно и общеизвестному современному русскому литературному языку, и его специализированным научным сферам, имеют разную историю их вхождения в лексикон языка» [Юй 2017e: 150]: **этикет** происходит от французского слова (*étiquette* ‘этикетка, надпись, этикет’ восходит к старо-французскому *estichier*), а **этика** восходит к греческому слову *ethos* (лат. *ethica* – ‘нрав, характер, обычай’), заимствованному через польский [Фасмер 1987: 523]. «Если возможное глубинное этимологическое родство слов **этикет** и **этика** нуждается в доказательстве, то семантическая связь этих единиц, рассматриваемых в статусе терминов, очевидна. Соотношения «этикет» и «этика» могут быть выведены на лингвофилософский уровень рассмотрения проблемы на основе базового понятия «ответственность», имеющего отношение к сфере социальных действий, включая коммуникативные» [Юй 2017e: 150].

По определению современного отечественного философа Р.Г. Апресяна,

---

¹ При написании параграфа использовались материалы статьи автора диссертации: **Юй Иснн. Формы русского речевого этикета в свете этики ответственности // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 2. С. 150-159.**

этикет как «знак групповой (сословной, клановой) идентичности» и как «совокупность правил, регулирующих безличные отношения между людьми» [Апресян 2001: 597], входит в этику как науку о нравственности на правах «малой этики», т.е. одного из предметов ее изучения. В «Словаре по этике» (СЭ) «этика» определяется как «философская наука, объектом изучения которой является мораль, в особенности самые практические нравственные проблемы, возникающие перед человеком в жизни» [СЭ 1981: 408], а «этикет» раскрывается как «совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям. В него входят те ... требования, которые приобретают характер строго регламентированного церемониала и в соблюдении которых имеет особое значение определенная форма поведения» [Там же: 416].

Н.И. Формановская дает следующее толкование термину «этикет»: «Этикет – сложная система знаков, указывающих в процессе общения (вербального и невербального) на отношение к другому человеку-собеседнику, оценку его и в то же время оценку самого себя, своего положения относительно собеседника» [Формановская 1984: 4–5]. Этикет (в отличие от этики), по мнению исследователя, предполагает использование системы условных знаков, как вербальных, так и невербальных. К невербальным этикетным знакам относят различные жестово-мимические знаки: рукопожатие, поклон, обнажение головы и т.д. К вербальным этикетным знакам относят формулы речевого этикета, которые были подробно изучены в работах Н.И. Формановской, В.Е. Гольдина и т.д.

Понятия «этика» и «этикет» очень близки между собой: и то, и другое выполняет регулирующую функцию, задавая нормы поведения в обществе. Нарушение этикета, как и нарушение этики, может расцениваться как серьезный проступок и караться обществом.

При всем сходстве понятий «этика» и «этикет» существуют принципиальные различия между ними: во-первых, этикет как «система формальных поведенческих актов» [Карасик 2002: 98] уделяет большее

внимание внешнему, формальному выражению поведенческих норм, а этика предполагает акцент на моральных принципах. Во-вторых, как отмечает Т.В. Крылова [Крылова 2006: 242], этикет, в отличие от этики, носит более частный характер. Этикет функционирует в виде разновидностей, которые различаются по типам социума, где установлены те или иные нормы поведения, например: дипломатический этикет, военный этикет, городской этикет, деревенский этикет и т.д., а также и по сфере использования, например: светский этикет и деловой этикет. В-третьих, этикету в большей степени свойственна прагматичность, т.е. использование правил этикета вообще ограничено характеристиками конкретной ситуации общения, обусловленными официальностью/неофициальностью сложившейся обстановки, социальным и ролевым статусом участников коммуникации и характером их взаимоотношений. В-четвертых, этикет, по сравнению с этикой, имеет значительно более яркую национальную специфику и отличается от этики своей ритуализованностью.

«Этикетная ситуация требует выражения социально-типизированных отношений, а именно отношения равенства или неравенства, отношения своих или чужих» [Гольдин 2009а: 81]. Таким образом, по Т.В. Крыловой [Крылова 2006: 244–246], для этикета чрезвычайно важными представляются два параметра: статусная («вертикальная») дистанция и межличностная («горизонтальная») дистанция. При этом под статусом понимается положение коммуниканта на шкале значимости, определяемое его положением в социальной, возрастной стратификации или гендерной иерархии. Статус коммуниканта обуславливает его права по отношению к партнерам по общению.

1.2. Понятие «этика ответственности»

«Отглагольное существительное “ответственность”, включенное в лексикографическую практику в 1834 г., первоначально было связано с процедурой юридического дознания, которое проводилось в форме призывания к ответу. Образованное от переносного значения глагола

«отвечать» имя сохраняет в своей внутренней форме семантику речи» [Фролова 2009б: 213].

«В семантике производящего и производного слов, по О.Е. Фроловой, можно выделить следующие семы глагола и имени: 1) диалогические отношения спрашивающего и отвечающего; 2) обязательство, взятое кем-л. или наложенное на кого-л. перед самим собой, общественным институтом, организацией или перед третьим лицом; 3) предварительное согласие человека, принявшего на себя ответственность за возможные отрицательные последствия неудачи какой-л. деятельности, предприятия или дела; 4) готовность принять вину, понести наказание или ущерб в случае неудачи дела; 5) несвобода в собственных действиях или поведении, на которую добровольно или вынужденно соглашается такой человек [Фролова 2009б: 215]. Кроме того, О.Е. Фролова [Там же: 217] отмечает, что ответственность предполагает, во-первых, связь нескольких участников, а во-вторых, заинтересованную включенность личности в жизнь общества» [Юй 2017е: 152].

О.Е. Фролова [Фролова 2009а: 139–152] выявляет связь понятия «ответственность» с поручением, обещанием и признанием вины, а также характер связи, обеспечивающей коллективную ответственность. Как показывают результаты исследования, глагол **отвечать** может выражать обещание (принятие на себя обязательств связано с обещанием, которое дает субъект ответственности и которое требует непременно выполнения); поручение; признание вины (признание вины и извинение могут быть интерпретированы как то, что вследствие действий субъекта развитие ситуации пошло «по неправильному руслу» и причинило ущерб кому-л); освобождение от ответственности (при обстоятельствах непреодолимой силы ситуация объективно «сильнее» субъекта ответственности, поэтому невозможно осуществление контроля над ситуацией). К тому же, понятие «ответственность» напрямую связано с субъектом ответственности (диалогичность ответственности предполагает взаимодействие между

людьми). Автор считает, что, благодаря ответственности, осуществляется связь внутри общества, обеспечивающая его единство. Характер этой связи может быть объяснен с помощью ключевого бахтинского термина «диалог». Вместе с тем диалогичность ответственности предполагает как индивидуальный, так и коллективный характер субъекта.

Считается, что истоки этики ответственности восходят к началу письменной истории человечества. Буквально во всех древних эпосах обнаруживается ряд таких понятий, как вина, заслуга, порицание, похвала, которые все вместе формируют некоторую концептуальную позицию, которую считают истоком понятия «ответственность». Первые шаги в обосновании теории сделал Аристотель [Аристотель 1984: 53–293]. По его мнению, должное воздается доброжелательному и недоброжелательному. Автор приходит к выводу, что вопрос об ответственности субъекта за совершенный поступок решается в зависимости от его статуса: был ли поступок добровольным или вынужденным. Если человек свободен в выборе, он ответственен за совершенный им поступок [Там же: 108].

В средневековье в системе этики ключевую позицию занимает категория совести, а ответственность пребывает в ее тени. В эпоху Возрождения ситуация начинает кардинально меняться. Со второй половины XV в. все чаще используется существительное **ответственность**, до этого обходились прилагательным **ответственный**. Однако вплоть до второй половины XIX в. термин «ответственность» используется крайне редко и, по сути, является в этическом отношении маргинальным [Канке 2009: 209]. В плане оценки истории этики ответственности показательна позиция И. Канта, который был одним из первых философов, использовавших уже в XVIII в. термин «ответственность». Он полагает, что «совесть должна мыслиться как субъективный принцип ответственности перед богом за свои поступки» [Кант 1965: 378], а объективная инстанция находится, как указывает В.А. Канке, в категорическом императиве. Причем первичен категорический императив, а ответственность вторична [Канке 2009: 209–

210]. Спустя век после И. Канта Ф. Ницше продемонстрировал новый взгляд на историю происхождения ответственности. Для него вся генеалогия морали скрыта в феномене ответственности. Мораль предполагает, что человек должен «распоряжаться будущим, сперва отделять необходимое от случайного, развить каузальное мышление, видеть и предупреждать далекое как настоящее, с уверенностью устанавливая, что есть цель и что средство к ней, и должен стать для этого прежде всего исчислимым, регулярным, необходимым, чтобы смочь, наконец, как это делает обещающий, ручаться за себя как за будущность» [Ницше 1996: 440].

Понимание фундаментальной значимости ответственности проявил в конце 1910-х гг. в работах М. Вебер. С его точки зрения, всякое этически ориентированное действие может подчиняться двум фундаментально различным, непримиримо противоположным максимам: оно ориентируется либо на этику убеждения, либо на этику ответственности. По его мнению, этика убеждения ограничивается сферой сознания, проявляя себя в вере в самоценность содержания самого убеждения, а этика ответственности уделяет большое внимание результатам поступков и предполагает способность индивида предвидеть и учесть их в своих действиях [Вебер 1990: 696–697].

После Второй Мировой войны тема ответственности стала предметом пристального анализа, в частности в работах В. Вайшеделя, Г. Пихта, Р. Ингардена, Г. Фингаретта, Г. Харта. В этот период были распространены в основном две концепции ответственности, одной из которых является ответственность как подотчетность. Она предполагает, что некто ответственен перед кем-то другим за свои деяния и начальство господствует над подчиненными. Гораздо более популярной являлась другая концепция – ответственность как отношения, при которой акцент переносится с инстанции ответственности на последствия поступков, а суть ответственности заключается не в категорических обязанностях, а в устройстве общества, в котором тот, кто действует, неизбежно несет

ответственность за свои деяния. Данная концепция предполагает укрепление intersубъективного в противовес индивидуальному [Канке 2009: 211–212]. В.А. Канке выделяет третью влиятельную концепцию – ответственность как консенсус. Ее слабость, по мнению исследователя, заключается в сужении этики ответственности до ее чисто когнитивной составляющей, когда без должного внимания остаются практические последствия поступков людей [Там же: 212].

После появления книги Ханса Йонаса «Принцип ответственности» (1979) этика ответственности стала продвигаться к пьедесталу моральной философии. Ханс Йонас [Йонас 2004: 153–233] утверждает, что в техногенную эпоху человечество должно осознавать свою совокупную ответственность и за себя, и за потомство, и за природу. Философ видит принцип ответственности человечества во всесторонней жизни общества: в сфере науки, техники, производства, воспитания, политики и т.д., проливает свет на различия между правовой и нравственной ответственностью, определяет понятие «ответственность» как каузальное вменение совершенных деяний и как взаимное отношение, выдвигая термин «этика будущего», первой обязанностью которой является формирование представления об отдаленных последствиях. Кроме того, Йонас выделил объективное и субъективное основание теории ответственности, как и любой этической теории: одно рациональное, основанное на обязующем долженствовании, другое психологическое, непосредственно связанное с ее «способностью приводить в движение волю» [Там же: 162]. Как полагает В.А. Канке, именно с Ханса Йонаса в этической теории начинается фигурирование подлинной этики ответственности [Канке 2009: 213].

В традиционной культуре Китая этические идеи выводились из естественных отношений между старшими и младшими в обществе, однако в применении к героям мифоистории был установлен институт «небесного повеления», отменяющий при необходимости существующую иерархию и ставящий выше всего лояльность по отношению к небу. Небу приписывается

поощрение альтруистического поведения индивидов даже в том случае, когда они действовали фактически против высших сил, но в интересах большинства людей поднебесной. Небо в этом отношении приобретало статус высшей моральной инстанции, оценивающей поступки людей по их возможным последствиям для большинства [Ткаченко 2000: 29].

Среди китайских ученых остается спорным вопрос о том, является ли конфуцианская этика этикой ответственности или этикой убеждения. Китайский специалист по данному вопросу Чжу Ц. считает, что конфуцианскую этику можно рассматривать как систематическую этику ответственности, главным ядром которой являются такие четыре цели, как «добиваться самосовершенствования», «содержать в порядке семью», «управлять государством» и «нести Поднебесный мир» [Чжу 2014: 21].

«В китайском языке слово **ответственность** имеет три основных значения: 1. Дело, которое кому-то положено сделать; 2. Вина и проступки, вызванные несовершенством положенного дела; 3. Дурные последствия, вызванные несовершенством положенного дела [ССКЯ 2012]. В Конфуцианском учении большинство словоупотреблений этого слова связано с первым значением» [Юй 2017e: 151].

Во Второй книге своего Четверокнижия («Дасюе») Конфуций отметил, что его великое учение состоит в постижении правителем высоких нравственных истин, в перевоспитании им народа и в достижении каждым человеком совершенства, что ложится в основу конфуцианской этики ответственности. Цель конфуцианской этики заключается в формировании гармонических отношений между членами социума и создании гармоничного общества. Онтология и гносеология конфуцианской этики являются не конечной, а исходной точкой своей главной идеи. Они, с одной стороны, закладывают прочную основу того, чтобы каждый член общества, находясь на своем месте, отвечал за свои обязанности, а с другой, определяют содержание и основные признаки конфуцианской этики ответственности.

Содержание конфуцианской этики ответственности в классическом

произведении Конфуция «Дасюе» кратко сводится к тому, что «человек должен внутри обладать выдающимся талантом и высокой нравственностью, присущими совершенному человеку; внешне умиротворять и стабилизировать страну» (цит. по [Чжу 2014: 24]). Китайский ученый Чжу Ц. из данного содержания выделил 4 смысловых уровня: 1) ответственность за себя; 2) ответственность перед семьей; 3) ответственность перед государством и народом; 4) ответственность за всю поднебесную [Там же].

В конфуцианской этике ответственности выделяются 4 параметра: 1) разнообразие оснований ответственности: религиозное, природное и социальное основание; 2) ответственность индивидуума – основа общественной гармонии; 3) постепенность социальных ответственностей, т.е. человек должен обращаться к реальным социальным ответственностям, а потом распространять концепции «ответственность» и «гуманистическая человечность»; 4) дифференциация ролевых ответственностей, т.е. для всех членов общества иерархический порядок обязателен, каждому надо запомнить свое социальное иерархическое место и сделать то, что положено, нельзя же делать того, что не включается в круг прямых обязанностей [Чжу 2014: 25–26].

1.3. Категория вежливости с точки зрения этикета и этики

Одна из самых классических концепций вежливости – предложенный Дж. Личем «принцип вежливости», который представляет собой взаимные расположения субъектов в структуре речевого акта и является основой речевого этикета. Дж. Лич, формулируя «принцип вежливости», выдвигает следующие максимы [Leech 1983]: 1) максима такта предполагает соблюдение границ личной сферы собеседника, уклонение от потенциально опасных тем (например, частной жизни, индивидуальных предпочтений и т.п.); 2) максима великодушия «предохраняет собеседников от доминирования в ходе речевого акта»; 3) максима одобрения предписывает позитивность в оценке других. Несовпадения с собеседником в векторе

оценок мира затрудняют возможность реализации говорящим собственной коммуникативной стратегии; 4) максима скромности предписывает неприятие похвал в собственный адрес. Реалистическая самооценка считается одним из условий успешности развертывания речевого акта; 5) максима согласия предписывает идеологический, мировоззренческий консенсус. Вместо обострения противоречия, возникшего в ходе общения, эта максима рекомендует поиск согласия для продуктивного завершения коммуникации; 6) максима симпатии является условием действия других максим, предохраняя речевой акт от конфликта.

Л.А. Хесед в своей диссертации рассматривает категорию «вежливости/невежливости» и ее знаковые характеристики в современном русском языке и в языке русских жестов, уточняя объем и содержание понятия «вежливость» («невежливость»), выделяя их общие и отличительные признаки. «Вежливость и невежливость как понятия являются не постоянными качествами человека, а ситуативно обусловленными характеристиками его поведения. Характеристика поведения человека в конкретной ситуации как вежливого или невежливого зависит от целого ряда языковых, социальных, исторических и культурных факторов» [Хесед 2013: 8]. Кроме того, вежливость и невежливость являются, по мнению автора, оценочными характеристиками поведения человека: «Оценка поведения человека как вежливого или невежливого свойственна не всем ситуациям, а только тем, для которых общество выработало представление о норме и правилах этикетного поведения» [Там же: 9]. Л.А. Хесед подчеркивает, что понятия «вежливость» и «невежливость» не являются полярными по отношению друг к другу. Если поведение человека в какой-то ситуации не оценивается как вежливое, то оно не является невежливым, и наоборот, отсутствие в поведении человека явных маркёров невежливости не означает, что его поведение является вежливым.

В упомянутом исследовании показано, как категория «вежливости/невежливости» отражается в семантике лексических единиц

русского языка. К центральным единицам, входящим в лексическое поле вежливости, Л.А. Хесед [Хесед 2013] относит слова вежливый, галантный, учтивый, любезный, деликатный и т.п. Ядерные единицы, входящие в лексическое поле невежливости, – это слова невежливый, грубый, дерзкий, хамский, невоспитанный, некультурный и т.д. Рассматриваемые слова из поля вежливости, а также слова из поля невежливости разбиваются на группы, в каждую из которых включаются единицы, объединенные общими смысловыми компонентами. Автор указывает, что все слова в соответствующей группе объединяет близость к полюсу категорий «вежливости»/«невежливости», а различаются они смысловыми акцентами, которые в каждом случае делаются на разных аспектах вежливого поведения.

Категория вежливости находится в тесной связи со сферой речевого этикета и проявляет себя в функционировании речевых этикетных форм обращения и извинения. Т.В. Ларина пишет, что извинение является экспрессивным речевым актом, основная функция которого заключается в восстановлении социального баланса или гармонии между коммуникантами. Хотя данный РА непосредственно связан с соблюдением дистанции, его следует, как она считает, рассматривать также в связи со стратегиями вежливого сближения, поскольку извинение – система знаков внимания и доброжелательности, его основное прагматическое назначение состоит в проявлении уважения к адресату и поддержании бесконфликтных отношений с ним [Ларина 2009: 347]. Что касается обращения, то оно, будучи контактоустанавливающим средством, связанным с речевым этикетом и с системой вежливости, в каждом языке является важным объектом исследования, так как единицы обращения «содержат существенную информацию о коммуникативных нормах и традициях, о характере социально-статусных отношений в рассматриваемой коммуникативной культуре, о системе вежливости» [Там же: 364].

Л.О. Чернейко относительно категории вежливости полагает, что вербальные оценки являются результатом осмысления форм социального

взаимодействия людей и основаны на общности межличностного опыта: «аксиологическая лексика включает оценку типа личности (крохобор, гуляка), ее поведения (канючить, мямлить), результатов деятельности (халтура, мазня), социальных контактов (грызня, бойня), ситуаций (показуха, беспредел). Семантическая и прагматическая информация, составляющие содержание этой лексики, находятся в сложных отношениях» [Чернейко 1996: 42]. Оценочные слова способны придать любой ситуации ту оценку, которая производна от мировоззрения говорящего. Л.О. Чернейко подчеркивает, что «один из принципов постулата вежливости – “Не обидь”» [Там же: 53]. Речевая ситуация конфликтна, когда в ней этот принцип нарушен, а это происходит, когда отрицательные оценочные слова, сопровождаемые сильными негативными эмоциями, имеют адресата. Л.О. Чернейко отмечает, что «идиолект личности формируется во многом в зависимости от того, каким говорящий видит себя. Оценка – это бумеранг. Опасна она вовсе не для того, кто является ее объектом, а для самого субъекта, говорящего, поскольку она способна передать больше, чем предполагает говорящий» [Там же].

2. Лингвистический аспект проблемы

Обращение и извинение в качестве важных речевых этикетных формул представляют собой и виды речевого акта, функционирование которых тесно связано со спецификой различных речевых жанров. Изучение обращения и извинения в свете этики ответственности охватывает факты коммуникативной неудачи, которые либо вызваны неверным выбором формы обращения, либо могут стать поводом для извинительного высказывания. Русский речевой этикет как объект лингвистического исследования рассмотрен как с коммуникативно-прагматической точки зрения, так и в лингвокультурологическом аспекте.

2.1. Понятия «речевой акт», «речевой жанр» и их соотношение

В теории речевых актов (далее ТРА) термин «речевой акт» (РА) в

отличие от термина «коммуникативный акт», который представляет собой диалог (т.е. обмен речевыми актами), выступает как «элементарное звено речевого общения», как «акт речи, состоящий в произнесении говорящим предложения в ситуации непосредственного общения со слушающим» [Кобозева 1986: 11]. Можно сказать, что речевой акт есть не что иное, как составная часть коммуникативного акта.

Ядром ТРА являются идеи, изложенные английским логиком Дж. Остином в курсе лекций под названием «Слово как действие». Затем эти идеи были развиты американским логиком Дж. Серлем в монографии «Речевые акты» и в ряде статей. Развитию идей Дж. Остина способствовал и английский логик П.Ф. Стросон. В работах Дж. Остина, Дж. Серля и П.Ф. Стросона отражается тот круг проблем и методов их решения, который можно назвать стандартной ТРА.

Дж. Остин [Остин 1986: 31–34] отличает высказывания перформативные от констативных, отмечая, что, во-первых, перформатив должен быть осуществлением какого-нибудь действия (заключение брака, пари, завещание, крещение и т.п.), а не просто говорением; а во-вторых, перформативу свойственно быть успешным или неуспешным, а не истинным или ложным. По мнению автора, необходимыми для успешного функционирования перформативов являются следующие условия: 1) должна существовать общепринятая конвенциональная процедура, приводящая к определенному конвенциональному результату и включающая в себя произнесение определенных слов определенными лицами в определенных обстоятельствах; 2) конкретные лица и обстоятельства в каждом данном случае должны соответствовать проведению той конкретной процедуры, к которой мы обращаемся посредством перформатива; 3) процедура должна выполняться всеми участниками правильно; 4) процедура должна осуществляться полностью; 5) если процедура установлена для выполнения лицами, движимыми определенными мыслями или чувствами, тогда каждое лицо, участвующее в процедуре, должно действительно испытывать эти

мысли и чувства и все участники должны иметь подлинное намерение совершать соответствующие поступки; б) все участники в процедуре должны на деле вести себя соответственно. По Дж. Остину, нарушение любого из правил 1–4 провоцирует неудачу осуществляемого акта (цель не будет достигнута, что можно назвать «осечками»), тогда как говорящий, не соблюдая пункты 5 и 6, все же достигает своей цели, хотя в этих случаях, например, при неискренности человека, достижение цели следует расценить как неправомерное использование процедуры (как «злоупотребление»).

Главное новшество трехуровневой схемы РА, выдвинутое Дж. Остином [Остин 1986: 92–93], представляет собой понятие иллокутивного акта (иллокуции). Локутивный акт в какой-то степени соответствует произнесению определенного предложения с определенным смыслом и референцией. В иллокутивном акте (информирование, приказ, предупреждение, начинание и т.п.) высказывания обладают конвенциональной силой. Перлокутивный акт позволяет вызвать что-то или достичь чего-то через посредство говорения, например, убеждать, вынуждать, устрашать и даже удивлять или вводить в заблуждение. Из вышеназванных трех типов речевых актов «только понятие иллокуции фиксирует такие аспекты акта речи и содержания высказывания, которые не улавливаются ни формальной семантикой, ни риторикой в ее традиционном понимании» [Кобозева 1986: 14]. Следовательно, именно разъяснению понятия иллокуции в ТРА уделяется главное внимание.

Дж. Остин [Остин 1986: 95–99] выделяет четыре важных момента в понятии иллокуции: конвенцию, обстоятельства, последствия, цель (намерение). Он считает, что, используя номенклатуру иллокуций, мы в действительности вводим обозначение не последствий локуций, а конвенций, связывающих иллокутивную силу с особыми обстоятельствами той ситуации, в которой произносится высказывание. Успешное и завершенное осуществление иллокутивного акта действительно приводит к своего рода последствиям или эффектам. Так называемые последствия и эффекты,

вызванные иллокуцией, по мнению автора, можно разделить на три основных типа: 1) «обеспечение усвоения» означает, что при благополучном выполнении иллокутивного акта слушатели слышат и воспринимают высказанные слова; 2) «вступление в силу» означает внесение изменений в течение событий в ходе говорения; 3) «возбуждение ответной реакции» означает, что многие иллокутивные акты (в силу конвенции) нуждаются в ответе или практическом последствии. Предполагаются различия между иллокуцией и перлокуцией, которые состоят в том, что иллокутивная сила, через которую цель достигается, проявляется в ходе говорения, а перлокутивный акт является достижением некоторых результатов с помощью говорения; кроме того, иллокутивные акты конвенциональны, тогда как перлокутивные акты неконвенциональны.

Дж. Остин [Остин 1986: 119–128] также предложил классификацию иллокутивных актов в соответствии с иллокутивной силой входящих в них высказываний: 1) вердиктив, который является реализацией оценочного суждения; 2) экзерситив – проявление влияния или осуществление власти; 3) комиссив, представляющий собой принятие обязательства или заявление о намерении; 4) бехабитив, являющийся выражением отношения; 5) экспозитив – разъяснение оснований, аргументов и сообщений. Однако Дж. Остин подчеркивает, что после выделения вышеуказанных групп остается возможность находить многочисленные пограничные или неудобные для классификации случаи или пересечения данных групп.

Дж. Остин не дает точного определения понятию иллокутивного акта, но его рассуждения и различные признаки иллокуций сведены П.Ф. Стросоном к четырем основным положениям, из которых самыми важными представляются первое и четвертое. Согласно первому положению, основным признаком, по которому иллокутивный акт отличается от локутивного, является признак целенаправленности. Согласно четвертому положению, основным признаком, по которому иллокутивный акт противопоставляется перлокутивному, является признак конвенциональности.

«В этих двух положениях отражается присущее высказыванию противоречие между двумя неразрывно связанными в нем моментами – субъективным (цель или намерение говорящего) и объективным (не зависящие от говорящего способы обеспечения распознавания этой цели слушающим)» [Кобозева 1986: 15].

П.Ф. Стросон [Стросон 1986: 145–146] пишет, что, совершая какой-либо речевой акт, человек намерен своим высказыванием вызвать определенную реакцию, он хочет, чтобы его намерение было опознано и чтобы это опознание стало основанием для данной реакции. В его намерения входит также и то, чтобы его высказывание было распознано в связи с конкретным социальным контекстом, в котором установленные правила и конвенции играют большую роль при произнесении высказываний и в котором необеспечение первичной реакции может спровоцировать те или иные последствия.

Дж. Серль в целях выявления необходимых условий для совершения иллокутивного акта и семантических правил для употребления выражения, в форме которого осуществляется высказывание как иллокутивный акт, выделяет три исходных понятия: правила, суждения и значение. Правила можно разделить на два типа: регулятивные правила, которые регулируют деятельность, существовавшую до них, и конститутивные правила, которые создают и регулируют деятельность, существование которой логически зависит от этих правил. Автор утверждает, что «семантику языка можно рассматривать как ряд систем конститутивных правил и что иллокутивные акты суть акты, совершенные в соответствии с этими наборами конститутивных правил» [Серль 1986б: 153–155].

Относительно суждений Дж. Серль отмечает, что при произнесении каждого предложения говорящий осуществляет референцию к конкретному лицу и предсказывает этому лицу действие, что в разных иллокутивных актах рассматривается как общее содержание и может называться пропозицией или суждением. При этом различаются в предложении пропозициональный

показатель и показатель иллокутивной функции. Показатель функции позволяет судить, какую иллокутивную силу должно иметь высказывание, т.е. какой иллокутивный акт совершает говорящий, произнося данное предложение. Разграничение между пропозициональным показателем и показателем функции помогает нам при анализе иллокутивного акта, поскольку одно и то же суждение может быть общим для всех типов иллокутивных актов, а показатель функции играет решающую роль в определении типа иллокутивного акта [Серль 1986б: 155–157].

При объяснении значений произнесенных звуков и написанных значков Дж. Серль уделяет внимание связи этих значений и намерению говорящего и придает важное значение понятию конвенции. Как он полагает, «связь между тем, что мы имеем в виду, когда говорим, и тем, что означает предложение в языке, на котором мы говорим, отнюдь не случайна, а конвенциональна. При анализе иллокутивных актов мы должны уловить как интенциональный, так и конвенциональный аспект и в особенности соотношения между ними» [Серль 1986б: 160].

Дж. Серль [Серль 1986а: 172–177] предлагает двенадцать значимых измерений, по которым варьируются иллокутивные акты. Среди этих факторов представляются наиболее важными первые три измерения, на которых построена его дальнейшая таксономия РА: 1) различия в цели данного типа акта; 2) различия в направлении приспособления между словами и миром; 3) различия в выраженных психологических состояниях (условие искренности).

Дж. Серль дает альтернативную классификацию РА, указывая на ее связь с остиновской:

1. Репрезентативы. Цель репрезентативов состоит в том, чтобы зафиксировать ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения; направление приспособления – «слова – реальность»; выражаемое психологическое состояние – убеждение. Этот класс содержит большую часть остиновских

экспозитивов и многие из его вердиктивов по той же причине, что они обладают одной и той же иллокутивной целью, а различаются по другим признакам иллокутивной силы, которые являются дополнительными к свойству иллокутивной цели [Серль 1986а: 181];

2. Директивы. Их иллокутивная цель заключается в том, что они представляют собой попытки говорящего добиться того, чтобы слушающий что-то совершил; направление приспособления – «реальность – слова»; условие искренности – желание. Пропозициональное содержание всегда состоит в том, что слушающий совершит некоторое будущее действие. В данный класс попадут многие остиновские бехабитивы и экзерситивы [Серль 1986а: 182];

3. Комиссивы. Дж. Серль в общем признает остиновское определение комиссивов приемлемым, однако считает, что некоторые из глаголов (*shall* 'должен (буду)', *intend* 'намереваться', *favor* 'относиться благосклонно' и т.д.), отнесенных сюда Остином, к этому классу не относятся. Цель актов данного класса заключается в том, чтобы возложить на говорящего обязательство совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения; направление приспособления – «реальность – слова»; а условие искренности – намерение, интенция. Пропозициональное содержание – в том, что говорящий выполнит некоторое будущее действие [Серль 1986а: 182–183];

4. Экспрессивы. Иллокутивная цель этого класса заключается в том, чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения дел, определенного в рамках пропозиционального содержания; экспрессивы не обладают каким-либо направлением приспособления, зато предполагают истинность выражаемого суждения. Определяемое в пропозициональном содержании свойство должно быть соотнесено либо с говорящим, либо со слушающим [Серль 1986а: 183–184];

5. Декларации. Декларации отличаются от остальных типов актов тем, что осуществление какого-либо акта из этого класса устанавливает

соответствие между пропозициональным содержанием и реальностью, а это и является общей целью актов данного класса. Условие искренности отсутствует. Автор подчеркивает, что «показатель иллокутивной силы в предложении действует над пропозициональным содержанием и указывает, кроме прочего, направление приспособления между этим пропозициональным содержанием и реальностью» [Серль 1986а: 186]. Некоторые элементы класса деклараций являются одновременно и членами класса репрезентативов, так как во многих случаях отсутствуют поверхностно-синтаксические различия между пропозициональным содержанием и иллокутивной силой.

Среди ученых, которые изучают речевые жанры (РЖ), самых блестящих достижений добился известный русский философ, культуролог и литературовед М.М. Бахтин. По его мнению, использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных и письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Он выделил три важных момента в различных высказываниях: тематическое содержание, языковой стиль (отбор словарных, фразеологических, грамматических средств языка) и композиционное построение, которые неразрывно связаны в целом высказывании и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. «Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [Бахтин 1979: 237].

М.М. Бахтин [Бахтин 1979: 240] обращает большое внимание на разнородность речевых жанров (устных и письменных) и существенное различие между первичными (простыми) и вторичными (сложными) речевыми жанрами. Как ему представляется, первичные речевые жанры – бытовые реплики, а вторичные – романы, драмы, научные исследования всякого рода, публицистические и общественно-политические жанры. В процессе своего формирования вторичные жанры вбирают в себя и

перерабатывают различные первичные жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения.

В разрезе стилистики всякое высказывание индивидуально и потому может отразить личность говорящего (пишущего), то есть обладает индивидуальным стилем. Тем не менее, «не все жанры одинаково благоприятны для отражения индивидуальности говорящего в языке высказывания. Наиболее благоприятны жанры художественной литературы: здесь индивидуальный стиль прямо входит в само задание высказывания, является одной из ведущих целей его. Наименее благоприятные условия для отражения индивидуальности в языке наличны в тех речевых жанрах, которые требуют стандартной формы, например, во многих видах деловых документов, в военных командах, в словесных сигналах на производстве и др.» [Бахтин 1979: 240–241].

Вместе с тем М.М. Бахтин отрицает изображение активных процессов речи у говорящего и пассивных процессов восприятия у слушающего в ходе речевого общения, подчеркивая, что «слушающий, воспринимая и понимая значение речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию: соглашается или не соглашается с ней, дополняет, применяет ее, готовится к исполнению и т.д.» [Бахтин 1979: 246].

Границы каждого высказывания как единицы речевого общения, по исследовательским результатам М.М. Бахтина [Бахтин 1979: 249–280], определяются тремя факторами: «сменой речевых субъектов», «специфической завершенностью» и «отношением к самому говорящему и к другим участникам речевого общения», которые являются конститутивными особенностями высказывания как единицы речевого общения, отличающими его от единиц языка. Каждому высказыванию, как считает М.М. Бахтин [Там же: 263–266], характерно прежде всего определенное предметно-смысловое содержание, которое в какой-то степени влияет на выбор говорящим языковых средств и речевого жанра. Второй фактор высказывания, определяющий его композицию и стиль, – экспрессивный момент, т.е.

субъективное эмоционально-оценочное отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию его высказывания.

В.Е. Гольдин анализирует соотношения имен речевых поступков, речевых событий и речевых жанров, полагая, что имена речевых поступков соотнесены с речевыми событиями опосредованно, на основе оценочных отношений, и субъектом оценки является какой-то наблюдатель, определяющий характер поступка прежде всего со стороны обстоятельств, ситуаций и с учетом связанных с данным речевым действием прагматических интерпретаций. А главная задача исследования жанра в этом понимании – определение закономерностей прагматической интерпретации речевых действий [Гольдин 1997: 32–33].

В.В. Дементьев дает свою типологию РЖ на основе предложенного Т.Г. Винокур противопоставления двух полярных речевых замыслов – фатика и информатики. Фатика понимается Т.Г. Винокур [Винокур 1993: 5–6] как вступление в общение, имеющее целью предпочтительно само общение. Главной фатической интенцией является удовлетворение потребности в общении – кооперативном или конфликтном, с разными формами, тональностью, отношениями между коммуникантами. Информатика понимается как вступление в общение, имеющее целью сообщение чего-либо.

РЖ делятся по замыслам на два типа: информативные и фатические. Причем В.В. Дементьев [Дементьев 1997: 39] выявляет пять основных отчетливо противопоставляемых разновидностей ЖФР (жанров фатической речи): 1) ЖФР, ухудшающие межличностные отношения в прямой форме: прямые обвинения, оскорбления, выяснения отношений, ссоры; 2) ЖФР, улучшающие межличностные отношения в прямой форме: доброжелательные разговоры по душам, признания, комплименты, исповеди / проповеди и т.п.; 3) ЖФР, ухудшающие отношения в косвенной форме, например, чтобы ответственность лежала на партнере: розыгрыш, издевка, похвальба, некоторые разновидности иронии; 4) ЖФР, улучшающие отношения в косвенной форме: флирт, шутка; 5) праздноречевые жанры, или small talk:

отношения не улучшаются и не ухудшаются, а сохраняются, степень косвенности – приблизительно 1/2.

Три подгруппы праздноречевых жанров описывает Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1992а: 55] (эмоциональный, артистический и интеллектуальный диалоги). С точки зрения исследователя, можно выделить три основные разновидности информативных речевых жанров: 1) информативный диалог, 2) прескриптивный диалог, 3) обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины (спор, дискуссия) [Там же: 53–55].

Понятие «речевой акт», выработанное Дж. Остином и Дж. Серлем, в какой-то степени сближается с концепцией речевого жанра М.М. Бахтина, но и во многом от него отличается, так что появилось немало работ, в которых описываются соотношения между РА и РЖ (см. [Вежбицка 1997], [Кожина 1999]).

По мнению А. Вежбицкой, в структурном аспекте речевой акт является «пересечением чисто грамматического понятия – “предложения” – с нерешительно и непоследовательно популяризируемым понятием вербальной интеракции людей – носителей языка», при этом РА «в действительности ... понимают по-прежнему: предложение» [Вежбицка 1997: 100]. С функциональной точки зрения речевые акты – это не только короткие, однофразовые формы, такие, как приказы, вопросы, ритуальные формы вежливости, но и совсем большие, такие, как манифест, выступление, заявление, ссора, дискуссия, а также биография, хроника, мемуары и т.д. [Там же].

М.М. Бахтин [Бахтин 1979: 261] указывает, что формы высказывания по композиционному построению и по их размеру (речевой длине) являются довольно разнородными – от однословной реплики до большого романа. В связи с этим речевые жанры оказываются несоизмеримыми и не могут быть расценены как единицы речи. По этой причине А. Вежбицка считает, что «для выхода из тупика в необыкновенно важной для языкознания теории речевых актов следует начать именно с перенесения акцента с понятия

“речевой акт” на бахтинское понятие “речевой жанр”» [Вежбицка 1997: 101].

М.Н. Кожина также отмечает, что понятие «речевой жанр» нередко соотносится с понятием «речевой акт» и рассматривается как отечественный аналог последнего [Кожина 1999: 52]. Причем, сопоставляя РЖ с РА, исследователь указывает на их общность, которая проявляется в трех аспектах: во-первых, в стремлении выйти за рамки абстрактной системы языка в живую практику его употребления в процессе речевого общения; во-вторых, в принципе изучения этой единицы – в контексте экстралингвистических факторов: говорящий, слушающий, передающееся содержание, цель общения, условия и обстоятельства производства РА или РЖ и т.д.; в-третьих, в динамическом статусе РА и РЖ, которые являются единицами в динамическом речевом потоке и элементами в процессе построения текста, дискурса [Там же: 53–54].

М.Н. Кожиной [Кожина 1999: 54–59] выявляется и ряд существенных различий между понятиями РА и бахтинского РЖ: 1) в ТРА остается «привязка» к грамматике языка, а М.М. Бахтин строго отличает понятие «высказывание» от «предложения»; 2) определение речевого общения и единиц РЖ дается на социологических позициях, а в ТРА они представлены на психологических; 3) в концепции бахтинского РЖ делается акцент на неразрывной связи стиля с жанром, а в ТРА стилистический аспект оставляется без внимания; 4) в концепции РЖ выделяется диалогическая природа высказывания как особая форма взаимодействия, тогда как при характеристике РА на первый план выдвигается воздействие говорящего на адресата; 5) М.М. Бахтин определяет «цель» не только как интенцию конкретного говорящего, как в ТРА, но и в более широком смысле – выражение в речи назначения в социуме определенной сферы общения; 6) бахтинский РЖ шире реплик бытового диалога, подразделен на первичные и вторичные, а вторичные РЖ могут расцениваться как множество речевых актов с видоизменяющимися конкретными целями.

На наш взгляд, речевой акт – «квант» речевой деятельности со своей

определенной целевой установкой (иллокутивной силой): это может быть обещание (комиссив), связанное с принятием говорящим на себя ответственности перед слушающим за определенное эвентуальное действие (в будущем); или директив, напротив, возлагающий на слушающего обязанность выполнить действие; или экспрессив, в котором говорящий выражает свои аксиологические пристрастия (оценки). Если принимать предложенное М.М. Бахтиным разделение жанров на первичные и вторичные, то первичные речевые жанры, будучи единицами непосредственного общения (диалога), адекватны речевым актам, поскольку включают как релевантный параметр интенцию говорящего (просьба, жалоба, оценка), т.е. субъективный фактор. Вторичные речевые жанры (ВРЖ) – это относительно устойчивый во времени тип текстов, определенный функциональный стандарт, сложившийся в разных сферах культуры и в разные исторические эпохи, объективный по отношению к индивидууму и задающий ему образец, норму создания текстов этой сферы. Вторичный речевой жанр может включать в себя разные речевые акты. Именно поэтому ВРЖ представляют собой достаточно устойчивые правила выбора РА и их комбинации (идея, которую Л.О. Чернейко сформулировала на своем спецкурсе «Теоретические проблемы языка и лингвистики»).

2.2. Понятие «коммуникативная неудача»

Под коммуникативной неудачей (далее – КН) понимается «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т. е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [Ермакова, Земская 1993: 31]. К КН относят и возникающие в процессе общения нежелательные побочные эффекты, такие, как, например, обида, оскорбление, раздражение и пр.

Причины, вызывающие КН, по мнению О.Н. Ермаковой и Е.А. Земской [Ермакова, Земская 1993: 33–60], можно разделить на три класса: 1) порождаемые устройством языка, 2) порождаемые различиями говорящих в каком-либо отношении, 3) порождаемые прагматическими факторами.

В частности, к КН, порождаемым свойствами языка, относятся такие КН, которые обусловлены неоднозначностью языковых единиц, неточным представлением говорящего о денотативной отнесенности и лексической семантике слов, разным пониманием эксплицитно не выраженных категорий «единичность/общность», «определенность/неопределенность», различиями в коде говорящего и слушающего. А КН, порождаемые различиями говорящих в каком-либо отношении, могут а) обуславливаться различиями в индивидуальных (психических и физических) свойствах говорящих, различием актуализируемой конситуации, разным пониманием форм выражения вежливости, неверным пониманием коммуникативного намерения говорящего слушающим, неадекватной передачей чужой речи и б) возникать в манипулятивных речевых актах. КН, порождаемые прагматическими факторами, включают в себя те КН, которые вызваны игнорированием одним из собеседников прагматического компонента в семантике, нарушением стереотипных связей между категориями смыслов, наличием стереотипов речевого поведения и мышления, а также и реакцией на фрагмент речевого акта, представляющийся слушающему неверным.

В учебнике «Культура русской речи» также дается толкование термина «коммуникативная неудача», который означает «недостижение инициатором общения коммуникативной цели и, шире, прагматических устремлений, а также отсутствие взаимодействия, взаимопонимания и согласия между участниками общения» [Граудина, Ширяев 2008: 38]. Авторы [Там же: 38–40] выделяют ряд причин, приводящих к КН: 1) дисгармония или дискомфорт, вызванные чуждой коммуникативной средой (в частности присутствием посторонних лиц); 2) нарушение правила равноправия общения, связанное с доминированием одного из участников разговора, и нарушение «принципа кооперации» собеседников, спровоцированное неуместным замечанием в адрес слушателя по поводу его личностных качеств или действий; 3) ритуализованность живого речевого общения и нарушение правила искренности, т.е. игнорирование говорящим ценности

своего высказывания по вниманию слушателя; 4) ряд обстоятельств, при которых коммуникативные ожидания слушателя не оправдываются, в том числе низкий уровень языковой компетенции говорящего.

Важным теоретическим основанием для освобождения от коммуникативных неудач служит «принцип кооперации», который предполагает, что коммуникативный вклад говорящего на определенном этапе диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель собеседников и конкретные постулаты общения, разработанные Г.П. Грайсом [Грайс 1985: 222–224], соблюдение которых в целом соответствует выполнению этого принципа: постулат качества, постулат количества, постулат отношения (постулат релевантности) и постулат способа. Постулат качества включает два более конкретных постулата: «не говори того, что ты считаешь ложным», «не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований». Постулат количества равен следующему правилу: «твое высказывание должно содержать не больше, да и не меньше информации, чем требуется». Постулат отношения (постулат релевантности) требует не отклоняться от темы. А к постулату способа Грайс относит один общий постулат – «выражайся ясно» – и несколько частных постулатов типа: «избегай непонятных выражений», «избегай неоднозначности», «будь краток (избегай ненужного многословия)» и «будь организован».

2.3. Лингвистические аспекты исследования речевого этикета

Для анализа норм речевого этикета Н.И. Формановская предлагает свою классификацию речевых актов: а) сообщающие информацию; б) выражающие мнение, оценку и отношение; в) запрашивающие информацию; г) побуждающие к действию; д) устанавливающие, поддерживающие и прерывающие контакт соответственно нормам речевого этикета [Формановская 1987: 31]. При этом подчеркивается, что нормы речевого этикета пронизывают любой РА. А формулы речевого этикета, реализуясь в той или иной ситуации, типизированно отражают эту ситуацию и ее компонент в семантической и грамматической структурах единиц,

а также в стилистических коннотациях.

Согласно определению, предложенному Н.И. Формановской, речевой этикет – «регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных, стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [Формановская 1987: 9]. Причем перечисляются четыре основные специализированные функции речевого этикета: контактоустанавливающая функция, к которой относится апеллятивная подфункция; функция ориентации на адресата, включающая категорию вежливости; регулирующая функция, к которой принадлежат подфункция волеизъявления (от «я») и подфункция воздействия (к «ты»); эмоционально-модальная функция [Там же: 12–15].

И.А. Стернин [Стернин 1996: 4–5] выделил четыре признака речевого этикета, отличающего его от других видов общения: 1. Ситуативность. Речевой этикет отражает определенное отношение говорящего только к конкретному собеседнику в конкретной ситуации, в момент общения, в данном месте общения; 2. Регулятивность. Речевой этикет регулирует отношения между участниками общения. Он распределяет коммуникативные роли, устанавливает статус собеседников и определяет тональность общения. 3. Согласованность. Этикетные нормы выполняются согласованно всеми участниками общения; 4. Наличие коммуникативной рамки. Как правило, этикетные речевые акты предполагают стандартное начало и стандартное завершение.

По мнению Л.П. Крысина, уровни владения языком охватывают не только собственно лингвистический, национально-культурный, энциклопедический, но и ситуативный уровень [Крысин 1989а: 125–133]. А ситуация общения состоит из таких компонентов, как (1) говорящий и его социальная роль, (2) слушающий и его социальная роль, (3) отношения

между говорящим и слушающим, (4) тональность общения (официальная – нейтральная – дружеская), (5) цель, (6) средство общения (стиль или подсистема языка, параязыковые средства – мимика, жесты и др.), (7) способ общения (устный/письменный, контактный/дистантный), (8) место общения [Там же: 130]. Выделенные Л.П. Крысиным «ситуативные переменные» служат важными параметрами, по которым варьируются формы обращения, а также определяется необходимость принесения извинения.

2.3.1. Лингвистическое исследование обращения

Пристального внимания заслуживает тематическая группа речевого этикета – обращение, обозначающее грамматическое средство организации направленности речи. В узком смысле под термином «обращение» понимается вокатив, иначе говоря, звательный падеж. Звательный падеж, наименование которого происходит от латинского слова *vocativus*, употребляется для того, чтобы идентифицировать лицо (объект), которому адресовано обращение. В древнерусском языке звательные формы отмечаются в памятниках письменности: *братие и дружино!* («Слово о полку Игореве»). Считается, что «приблизительно в XIV–XV вв. звательная форма была утрачена» [Иванов 1983: 287]. В качестве звательной формы или обращения теперь употребляется форма именительного падежа.

Н.И. Формановская [Формановская 2002: 86–90] пишет, что обращение непосредственно входит в общение, в коммуникативный акт, представляет собой речевое действие, отсюда его отдельность от других слов в предложении и его интонированность. Мотив и цель говорящего – привлечение внимания собеседника для вступления в общение. Следовательно, обращение следует изучать с точки зрения теории речевых актов. Вместе с тем обращение является важным элементом речевого этикета, так как с его помощью говорящий устанавливает и поддерживает речевой контакт с собеседником, регулирует представления партнеров о ситуации, о характере коммуникативных ролей коммуникантов и о типе их статусных и межличностных взаимоотношений. Лексический состав обращений

составляют многочисленные собственные имена, ЛСГ наименований родства, номинаций профессии, положения, кличек, прозвищ и т.д.

По мнению Н.И. Формановской [Формановская 2002: 90–91], обращения нужно рассматривать и в зависимости от позиции, от того, является оно свободным или несвободным относительно текста (пре-, интер-, постпозиция). Как отмечает автор, свободное обращение реализует контактоустанавливающую или апеллятивную функцию. Несвободное обращение (интерпозитивное, постпозитивное), как правило, выступает только в функции ориентации на адресата и при этом придает высказыванию дополнительную вежливость.

Н.И. Формановская выдвигает идею, что разнообразное и богатое семантическое поле обращения требует анализа с точки зрения социолингвистики, считая целесообразным обратиться к парадигматике обращений (или правилам выбора) и синтагматике обращений (или правилам сочетаемости). Социолингвистические правила парадигматики сводятся к: 1) знанию социальных коннотаций каждой номинации-обращения; 2) знанию социальных разрешений/запрещений к употреблению; 3) учету: а) социальных параметров адресата относительно адресанта, в том числе симметрии/асимметрии ролевых позиций, б) степени их знакомства и характера взаимоотношений, в) официальности/неофициальности обстановки общения [Формановская 2002: 91].

В.Е. Гольдин отмечает, что за термином «обращение» скрывается несколько научных понятий [Гольдин 2009а: 114–115]: во-первых, обращение – это функция служебной лингвистической единицы, заключающаяся в подчеркивании направленности текста в целом и отдельных его частей адресату, а также в установлении соответствий между представлениями адресанта и адресата о характере социально типизированных отношений между ними в процессе создания и восприятия текста. Во-вторых, обращение – это слово или выражение, находящееся в позиции вокатива, выполняющее апеллятивную функцию. Причем разные ЛСП обладают неодинаковой

приспособленностью к функционированию в позиции обращения. В-третьих, важную часть содержания термина «обращение» составляют и обращения-регулятивы с регулятивным лексическим значением, отличным от номинативного.

В.С. Савельев, рассматривая летописные обращения (в речи героев «Повести временных лет»), отмечает [Савельев 2018а, 2018б], что обращение выполняет разнообразные функции, такие, как 1) апеллятивно-вокативная функция (при использовании обращения в препозиции по отношению к первым речевым шагам в инициальной реплике для привлечения внимания собеседника), 2) псевдоапеллятивно-вокативная функция (употребление обращения в реактивной реплике, сигнализирующее о переходе к новому коммуникативному эпизоду), 3) номинативная функция (уточнение субъектной перспективы высказывания при назывании адресата), 4) характеризующая функция (употребление обращения в качестве единицы, содержащей скрытую предикацию), 5) фокусирующая функция (усиление фокуса внимания при произнесении важного сообщения), 6) сегментирующая функция (средство сегментации речи на разных уровнях ее организации), 7) иллокутивная функция (уточнение или выполнение иллокутивной функции высказывания при помощи обращения), 8) дискурсивная функция (использование обращения как средства реализации рече-поведенческой тактики), 9) жанровообразующая функция (использование обращения в качестве одного из средств, оформляющих определенный речевой жанр). При этом, как подчеркивает исследователь, «обращение является языковой единицей, которой <...> свойственна полифункциональность: произнося обращение, говорящий может использовать его одновременно в нескольких функциях» [Савельев 2018б: 57].

Т.Е. Янко [Янко 2011] выделяет факторы, влияющие на выбор лексемы в роли обращений: 1) две вкативные функции (а) обращений, иницирующих контакт, и (б) обращений, поддерживающих контакт; 2) прагматические условия общения, например, пространственная,

психологическая и социальная дистанция между коммуникантами; 3) культурная традиция; 4) специальные вокативизирующие средства, которые превращают «плохие» обращения в «хорошие»; 5) определительные группы в качестве мощного вокативизирующего контекста для слов с низким вокативным потенциалом; 6) контекст контраста, который нарушает многие семантические законы согласования смыслов в рамках речевого акта и возвращает лексемам, включающим в толкование сему 'национальность', вокативную функцию; 7) получение вокативного статуса любыми именными и даже не именными группами в качестве прозвища; 8) включение профессионального признака в конкретный сценарий жизни, которое может придать имени профессии вокативную способность.

Предлагается следующая классификация имен лиц и других нарицательных имен по возрастанию их вокативного потенциала [Янко 2011: 247–253]: 1) имена таксономических классов людей, которые можно назвать именами-«таксонами» (*узбек, студент*); 2) оценочные имена (*предатель, сумасброд*); 3) ролевые имена (*докладчик, свидетельница*); 4) реляционные имена (*шеф, земляк*); 5) онимы (*Вася, Василий*). Т.Е. Янко утверждает, что лексемы, формирующие таксономические классы, в том числе национальности и профессии, служат «плохими» идентификаторами, поскольку у них слабая идентифицирующая функция. Для поддержания общения они тоже не употребляются, так как в их семантической структуре отсутствует идея положительного отношения говорящего к адресату, которое необходимо для общения. Однако в реальной русской речи обнаруживается, что и у имен-«таксонов» возможна вокативная функция, например: *Вот скажи мне, американец, в чем сила?* (к/ф «Брат 2»); *Слушай, грузин, а не пойти ли нам кофейку попить?* (из разговора); *Ну что, студент, как дела?* (из разговора); *Это хорошо, солдат. Это хорошо, что вы меня понимаете* (В. Шукшин. Экзамен).

Оценочные имена также могут быть использованы для поддержания общения, но поскольку ни положительные, ни отрицательные оценочные

имена не имеют идентифицирующей функции, они и не выступают в призывной функции, логически главной для идентификации адресата и иницирующей контакт. Релевые имена – это типичные средства зова, так как они хорошо отвечают требованиям идентификации слушающего в коммуникативном пространстве. Однако для поддержания общения релевые имена не используются. Реляционные слова также являются важным вокативным средством благодаря их сильной идентифицирующей функции и одновременно возможности играть роль средства для поддержания коммуникации. Данный класс слов отражает социальную стратификацию, возрастную или родственную иерархию, а потому служит богатым источником устойчивых (закрепившихся в культуре) обращений. У имен собственных максимальный вокативный потенциал. С точки зрения языка они служат идеальными идентификаторами и прекрасно поддерживают уже начатое общение.

При изучении обращения необходимо учитывать одно из главных смыслоразличительных средств языка – интонацию, которая «складывается из определенного сочетания движения тона, силы звука, тембра, длительности» [Брызгунова 1963: 158]. Данное сочетание компонентов интонации выполняет не только синтаксическую, смыслоразличительную, но и стилистическую, эмоционально-экспрессивную функцию [Иванова-Лукиянова 2004].

Для обращения, как показывают результаты его фонетического изучения, характерна звательная интонация, противопоставляющая этот компонент общей мелодике предложения. Обращение произносится со слабым логическим ударением, повышенным тоном и чуть протяжнее, чем обычный второстепенный член. После обращения делается небольшая пауза [Дзюба https://allbest.ru/otherreferats/literature/00703327_0.html]. При наличии звательной интонации разграничиваются подлежащее (*Женя мыл руки?*) и обращение (*Женя, мыл руки?*), выраженные одной и той же словоформой.

В живой разговорной речи обращение и приложение различаются

интонацией: если обращение оформляется нисходящей интонацией (ИК-2 с модальными вариациями), то приложение – восходяще-нисходящим тоном (ИК-1 с вариациями). Например, номинатив *дура* – приложение, когда он относится не к адресату, а к третьему лицу (ср.: *Как же это, любезный, – обращается к нему Хрептюгин, – у тебя беспорядки такие! Воду из рук мужички рвут! – Уж извините, сударь! Работница, дура, оплошала.* М. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки), если же его относят к адресату, то он выступает как обращение-оскорбление в препозиции (*Дура, подойди сюда!*) и как ослабленное оскорбление в постпозиции (*Пойди сюда, дура!*), где функции обращения и приложения сливаются. Но поскольку главным объектом исследования в настоящей работе является не устная звучащая речь, а текст, при рассмотрении конкретных единиц обращения внимание не будет уделяться их интонационному оформлению.

2.3.2. Лингвистическое исследование извинения

В русском лингвокультурологическом пространстве извинение изучено довольно подробно (Е.В. Артамонова, А. Вежбицка, М.Я. Гловинская, Р. Ратмайр, Н.И. Формановская, Л.О. Чернейко, А.Ю. Чернышева, Л.Н. Чинова, И.А. Щербакова и др.), но главным образом применительно к разговорному языку, в бытовых и деловых ситуациях, а традиционный объект изучения – языковые средства (лексика и грамматика), оформляющие извинительный речевой акт. Однако внимания заслуживает и такая немаловажная его составляющая, как мотивация, т.е. причины извинения. Недостаточно изученным в «извинительном» аспекте представляется и публичная речь как особая функциональная сфера языка.

Прагматическим вопросам, связанным с извинением, отдает много сил австрийский лингвист Р. Ратмайр. В ее монографии «Прагматика извинения» [Ратмайр 2003: 43] говорится о том, что извинение является речевым актом с тремя обязательными компонентами: человек, причинивший ущерб, который в типичном случае является также и говорящим, произносящим извинительное высказывание, пострадавший, которому был нанесен ущерб, в

типичном случае являющийся также и адресатом извинения, и причиненный ущерб. Помимо данных трех компонентов определяющими для высказывания извинения является характер ситуации и время, прошедшее с момента причинения ущерба до извинения.

Р. Ратмайр, изучая лексические поля и функциональные дифференции разных форм языковой реализации извинения в русском языке, уделяет особое внимание репликам, предшествующим извинению и следующим за извинением. Значительным вкладом, сделанным автором в развитие исследования извинительного высказывания, является классификация извинений по вызывающим их причинам. Р. Ратмайр разделяет извинения на три группы: по существу (за причиненный ущерб), конвенциональные (за нарушение установленных правил поведения) и метакоммуникативные (за слова). Но в некоторых случаях метакоммуникативные извинения могут быть и извинениями по существу [Ратмайр 2003: 74–212].

Дж. Остин рассматривает речевой акт «принесение извинения» с философской точки зрения, а точнее, в свете этики. Согласно его концепции, ситуация, требующая извинения, это такая ситуация, в которой некто обвиняется в совершении того или иного плохого, недостойного, неуместного, неподобающего – говоря обобщенно, неудачного поступка. Дж. Остин [Остин 2006: 201] выводит два способа справиться с такой ситуацией: 1) брать на себя ответственность, но отрицать негативную оценку произошедшего; 2) признавать нечто в содеянном неудачным, но принимать на себя не всю тяжесть ответственности или вовсе ее не принимать. Итак, по мнению Дж. Остина, «цель принесения извинений чаще всего определяет желание уйти от ответственности, по крайней мере, от полной ответственности» [Там же: 206], а «обычное принесение извинений лишь переводит нас из огня в полымя, так что ситуация сохраняет некоторую неловкость» [Там же: 202–203]. Посредством извинения, ссылаясь на свою неуклюжесть, нетактичность или непреднамеренность, мы не можем снять с себя ответственность целиком, нам не помогает и указание на отсутствие выбора в данной ситуации.

В лингвистическом аспекте изучения извинительного акта, согласно концепции Дж. Остина, выделяются три составляющих: 1) прояснение норм речевого поведения (исследование речевого акта извинения, обусловленного «нарушением нормального хода вещей», «помогает многое прояснить относительно самой нормы» [Остин 2006: 205]); 2) выявление ситуаций, в которых приносятся извинения; 3) исследование «выражений, в которых мы это делаем» [Там же: 212].

Л.О. Чернейко на основе исследовательских результатов Р. Ратмайр указывает, что «метакоммуникативные причины речевых актов извинения (по поводу самой речи, в первую очередь ее формы, адекватности означающего речевой ситуации) представляются особой сферой лингвистики извинений» [Чернейко 2014: 250]. Причем изучение извинительных речевых актов в различных коммуникативных ситуациях является условием для их типологического описания, которое может быть использовано в качестве научной базы для разработки практических рекомендаций. Как показывают наблюдения Л.О. Чернейко, в публичной речи извиняются за «пафос», «высокий слог», «простоту», «термины», «метафору»; лингвисты извиняются за «уже однажды читанный доклад», за вкрапления в научную речь обиходных слов [Там же: 250, 253–254]. Кроме того, выделяются извинения, выражаемые имплицитно, например, в форме оправдания выбора слова в устойчивом обороте «если хотите», а также в формуле «иначе как Х-ом У не назовешь». Л.О. Чернейко отмечает, что «в сферу ответственности говорящего за свои слова входят все языковые способы ее снятия. Проблема снятия речевой ответственности связана с проблемой имперсональности речи» [Там же: 251].

Помимо способов «обезличивания» речи автор приводит оценочные суждения метатекстового характера. Вместе с тем анализируются имплицитные смыслы формулы «иначе как Х-ом У не назовешь», которые отличают ее от прямого аксиологического суждения. Учитывая небезопасность пейоративных аксиологических суждений, субъект оценки

прибегает к языковым средствам для освобождения от нежелательных последствий. Таким образом, из обозначений (имен), соответствующих разным точкам зрения на указанное положение дел, субъект оценки выбирает семантически (и прагматически) наиболее адекватное референту высказывание. «В этом прагматически сложном аксиологическом суждении говорящий берет на себя ответственность за содержание (за основание, за мотив) оценки, поскольку разделяет отрицательное мнение, к которому присоединяется, и редуцирует свою ответственность за категоричность оценки, облакая ее в вежливую форму» [Чернейко 2014: 252], например: *Его во Франции еще при жизни иначе как кровавым чудовищем не называли* (Ночной ковбой с улицы Робеспьера // Криминальная хроника, 2003. НКРЯ); *И наведение порядка армейскими средствами после провалов мирного урегулирования иначе как трагедией не назовешь* (Его Украина // Русский репортер, 2014. НКРЯ).

Подчеркивается, что извинение за слово или выражение часто приходит в противоречие либо с самим словом, либо с ситуацией, что дает информацию о самом говорящем, в частности о его отношении к адресату. «Метаизвинения, для которых нет ни лингвистических, ни логических, ни этических оснований, входят в круг тех извинений, в которых проявляется прием “ложной значительности”» [Чернейко 2014: 253]. Об этом говорит и Р. Ратмайр [Ратмайр 2003: 50], выделяя два типа причин извинительного речевого акта, по которым принесение извинения считается неуместным в силу либо незначительности, либо, напротив, очень высокой степени причиненного ущерба.

3. Основные выводы

1. Одной из самых важных форм речевого этикета является обращение, которое обладает контактоустанавливающей функцией и функцией поддержания коммуникации. В русскоязычном культурном социуме говорящий обращается к собеседнику в соответствии с его социальным статусом – возрастом, полом, профессией, а также с учетом параметров

речевой ситуации: ее официальности/неофициальности, социальной дистанции, изучаемой достаточно новой дисциплиной под названием «проксемика».

2. Извинение приносится либо за слова, либо за нарушение установленных правил поведения, либо за причиненный физическим действием ущерб. Изучение средств и причин извинения позволяет выявить неписанные нормы речевого поведения, но управляющие им, описать ситуации, где извинение обязательно, а где избыточно. Рассмотрение извинения с такой лингвистической точки зрения, как его мотивация, способствует прояснению семантических и прагматических компонентов самого извинительного высказывания.

3. В реальной русской речи использование форм речевого этикета – обращения и извинения – в определенной степени связано с возникновением коммуникативной неудачи, которая может быть обусловлена неверным выбором формы обращения, а также может стать поводом для извинительного высказывания – реальным или «фантомным».

4. Сходство этикета и этики, состоящее в регулирующей межчеловеческие отношения роли, позволяет рассмотреть речевой этикет, в том числе обращение и извинение, в свете этики ответственности. 'Обязательство', 'несвобода', 'предварительное согласие человека, принявшего на себя ответственность за возможные негативные последствия какой-нибудь неудачи', 'готовность принять вину и понести наказание (ущерб)' и некоторые другие семантические элементы, заключающиеся в имени **ОТВЕТСТВЕННОСТЬ**, служат теоретической базой для изучения случаев неудач, связанных с использованием форм обращения и извинения.

Глава II. Речевой акт «обращение» как объект исследования

1. Лексический состав категории обращения

По поводу квалификации обращения в теории речевых актов нет единого мнения: так, обращение как отдельный коммуникативный тип высказывания впервые исследовано Д. Вундерлихом. Ставя его в один ряд с директивом, комиссивом, декларативом и др., он расценивал обращение как первичный речевой акт, который можно считать перформативом в силу его особой коммуникативной функции – привлечь или поддержать внимание адресата, побудить его к ответному действию. Как отмечает исследователь, вокатив зависит от текста в целом, от логической последовательности в нем других речевых актов: он начинает текст, следует за другими речевыми актами или стоит внутри высказывания – занимает в тексте разные позиции, а также передает право на говорение и распределяет роли в процессе говорения [Wunderlich 1976].

«Речевой акт обращения может быть самостоятельным или входить в состав речевого акта другого типа на правах внеструктурного элемента» [Янко 2001: 43]. «Установление коммуникативной направленности дискурса составляет содержание вокативной функции обращения, по сути самой основной и первостепенной, поскольку именно эта функция определяет его коммуникативную сущность и обуславливает его место в тексте» [Рыжова 1982: 126]. Исследованный материал дает основание поддержать правомерность таких точек зрения. Обращение может являться целостным, законченным речевым актом и даже самостоятельным высказыванием, но не в вокативной, а в других иллокутивных функциях – с целью выражения радости, восторга, удивления, сомнения, обиды, упрека, приказа, просьбы, предупреждения и т.п. А некорректное обращение имеет большой текстопорождающий потенциал.

Локуцией обращения является сам факт произнесения вокатива, его иллокуция – поведенческий смысл произносимого (позиция говорящего, его интенция), а перлокуция обращения – воздействие на адресата (речевой

эффект, позиция слушающего, его перцепция). Конвенции коммуникативного сотрудничества определяют набор правил, которые обеспечивают успешность речевой деятельности членов социума. Правила адресации играют одну из главных ролей в процессе коммуникации, поскольку с обращения начинаются многие речевые акты, а форма обращения не только задает вектор речи, но и может повлиять на ее исход. Именно поэтому так велика ответственность говорящего за выбор лексической формы обращения (апеллятива). Обращение обеспечивается обширным кругом лексических единиц языка (хотя и не составляет особой номинативно-предметной сферы лексикона).

Являясь важным языковым средством для идентификации и адресации личности, обращение обладает богатым и разнообразным лексическим составом. Анализ лексического состава (т.е. лексем) обращения основан на описании и классификации слов, которые представлены в лексикографической практике (в словарях Н.Ю. Шведовой [Русский семантический словарь 2002], Л.Г. Бабенко [Словарь-тезаурус синонимов русского языка 2017]), и на результатах исследования Т.Е. Янко по вокативному потенциалу имен существительных, обозначающих лицо [Янко 2009, 2010, 2011].

По частеречной принадлежности лексемы обращения разделяются на следующие классы:

- 1) имена собственные (онимы);
- 2) имена нарицательные;
- 3) имена прилагательные и причастия;
- 4) местоимения;
- 5) междометия;
- 6) предложные словосочетания.

Имена собственные выполняют идентифицирующую функцию через присвоение человеку личного имени и возможности его многократного употребления. Имена нарицательные и прилагательные в форме обращения

эмоционально насыщены в большей степени, чем имена собственные, и подчеркивают отношение говорящего (или пишущего) к адресату. Местоимения второго лица **ТЫ** и **ВЫ** могут являться важной составляющей частью обращения-пейоратива. Междометия, предложные словосочетания в качестве второстепенных форм привлечения внимания собеседника служат обращением, стилистически маркированным как сниженное языковое средство.

Что касается грамматики обращения, то в «Русской грамматике» предельно четко сформулировано общее для русского языка правило и сводится оно к тому, что обращение, будучи распространителем предложения, связано с его составом так, что «любое предложение, сообщающее о действии или состоянии определенного субъекта и имеющее в качестве сказуемого глагол в форме 2 л., с абсолютной регулярностью может распространяться обращением» [РГ 1980/1: 163]. Но с такой же регулярностью распространяется обращением и предложение, содержащее глагол в повелительном наклонении 2 л., оформляющее директивный речевой акт.

1.1. Имена собственные (онимы)²

Большую часть обращений составляют имена личные, которые являются разновидностью имен собственных. Английский логик Джон Стюарт Милль [Милль 2011: 81–86] отмечает, что собственные имена – лишь знаки, указывающие на означаемые ими предметы и помогающие отличать их друг от друга, но не обладающие значением. В собственных именах не заключается никаких признаков референта.

По мнению В.И. Болотова, имена собственные противопоставляются нарицательным и по своему назначению, и по значениям. Наиболее существенным для имен собственных считается энциклопедическое знание,

---

² При написании параграфа использовались материалы статьи автора диссертации: Юй Исин. Парадигма личного имени в структурном и функциональном аспектах // Ономастика Поволжья: материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 50-летию первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора В.А. Никонова / под ред. С.В. Рябушкиной и др. Ульяновск: «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017. Том 2. С. 188-193.

под которым понимается сумма конкретной информации о референте (денотате) имени: «Имя собственное не обладает необходимой для языкового знака двусторонностью – единством означаемого и означающего, присущей именам нарицательным, а чтобы имя понять, необходимо определить его ономастическое поле» [Болотов 1972: 333–334]. Из ряда имен собственных предлагается выделить социальное поле, которое обязательно для личных имен, что «определяется единством времени, профессии, местожительства денотатов и сообщает именам определенную эмоциональную окрашенность, стилистическую отнесенность и идеологическую насыщенность» [Там же: 334].

«Для личного имени характерна идентифицирующая функция, которая заключается в выделении из поля знания и восприятия того объекта, о котором идет речь» [Юй 2017г: 188]. В коммуникативном акте личное имя используется в функции идентификатора лица-адресата наряду с местоимениями. Важно отметить, что личное имя может совмещать две функции обращения – апеллятивную («звательную») и эмоционально-экспрессивную. Варианты личных имен регулярно выполняют прагматическую функцию и используются как средства выражения эмоционально-оценочного отношения говорящего к объекту именованию. Личное имя «называет, адресует, подзывает, дает добавочную характеристику» [Суперанская 1972: 353].

Н.А. Петровский [Петровский 1966: 15–16] предлагает разделить русские личные имена на пять групп: документальное имя – имя по паспорту (*Василий*); разговорная форма имени, образовавшаяся в сфере разговорной речи (*Катерина* от *Екатерина* при сравнительно небольшой фонетической модификации апеллятива); просторечная форма имени (*Василей* от *Василий*); народная форма имени – производная форма от документального имени, образовавшаяся в сфере живой разговорной речи (*Аксинья* от *Ксения* – звуковые изменения по сравнению с исходной формой могут быть довольно значительными); старая форма имени – старая каноническая форма,

первоначальная по отношению к современной документальной форме того же имени (*Иоанн – Иван*).

«Во многих случаях для именованного одного и того же лица применяются две или более форм, которые выступают вариантами личного имени, что создает возможность выбора личного имени с учетом характера коммуникативной ситуации. Варьирование определяется не только характером социального поля (семьи, учреждения и т.д.), с которым связана официальность/неофициальность ситуации, но и взаимоотношениями типа “высший – равный – низший”, “старший – равный – младший”, обусловленными как статусом лица-адресата и лица-субъекта в определенном социальном поле, так и их возрастом (иногда эти два параметра связаны), а также предметом разговора, целью обращения, семейными и местными традициями, симпатией и антипатией, вкусом и даже настроением субъекта речи» [Юй 2017г: 190].

Как отмечает А.В. Суперанская, «в различных местностях и в различные исторические периоды использовались разные словообразовательные средства для образования имен, выражающих аналогичные отношения», в чем заключается «избирательное отношение к средствам, предоставляемым языком» [Суперанская 1972: 355]. «В коммуникативном пространстве русской культуры для обозначения лица широко представлены личные имена в их общепринятых вариантах: имя, имя-отчество, отчество, фамилия в их сочетаниях, а также уменьшительно-ласкательные разновидности официального (паспортного) имени человека» [Юй 2017г: 190].

В качестве официального обращения в русской культуре принята двухкомпонентная форма «имя-отчество», которая соответствует паспортной идентификации человека: *Нина Георгиевна, зайдите, пожалуйста, через... десять минут* (В. Шукшин. Печки-лавочки). Отчество, называемое А.Б. Пеньковским «патронимическим именем» [Пеньковский 1976] как образованное от имени отца с помощью суффиксов *-ович, -евич, -овна, -евна,*

вошло в активное употребление в бытовых и деловых ситуациях. Оно, «присоединяясь к апеллятиву, употребляется с погашенным антропонимическим значением, становится прежде всего знаком определенной антропонимической модели. В то же время отчество оказывается и этнонимизирующим знаком, знаком принадлежности объекта культурному миру русского этноса» [Там же: 88].

«Словарь русского речевого этикета» [Балакай 2001: 207–208] определяет обращение по имени-отчеству как самую распространенную в России XIX–XX вв. форму вежливого, уважительного обращения к взрослому человеку. Данная форма используется в составе формул представления при знакомстве. Кроме того, «имя-отчество» является формой приятельского, преимущественно мужского приветствия, которое употребляется исключительно в устной форме при контактном общении. Эта же форма применяется и в качестве подписи, заключающей письмо к малознакомому или незнакомому адресату. Имя и отчество принято писать полностью, чтобы адресат при ответе не затруднялся в обращении.

В современном русском речевом этикете эта форма функционирует и как официальное («полное») обращение говорящего к известному ему или малоизвестному лицу (важнейший фактор выбора полной формы), и как знак уважения и признания достоинства лица, напротив, хорошо известного говорящему и в неофициальной ситуации общения. Тем не менее, форма «имя-отчество» прочно связана в первую очередь с официальностью коммуникативной обстановки, определяющей значительную социальную дистанцию коммуникантов по причине их разного социального статуса либо возраста (иногда эти параметры связаны).

Личные имена без отчества используются как наиболее распространенная форма обращения, например: *Не путай, **Нина**, – это в другой раз* (И. Грекова. На испытаниях). При этом в рамках русского речевого этикета вырабатывается достаточно разветвленная система апеллятивов: полные личные имена наряду с их сокращенными, редуцированными, а также

уменьшительными формами, которые представляют собой неофициальные варианты личного имени и его словообразовательные дериваты. Они чаще всего употребляются в неформальной или дружеской коммуникативной ситуации как ласковое или в некоторых случаях грубовато-фамильярное обращение: *Ты, Ванька, поменьше теперь ори – не дома* (В. Шукшин. Из детских лет Ивана Попова); *Не берет никто, Коля! Я уж давно собралась* (В. Шукшин. Нечаянный выстрел); *Садитесь, Елизавета Григорьевна. Вова, помоги девушке* (З. Юрьев. Смертельное бессмертие // Наука и жизнь, 2007. НКРЯ).

Примечательно, что, при всем разнообразии допускаемых русским языком вариантов личных имен, «неполное» (сокращенное) употребление (а оно возможно и без отчества – *Таня*, и с отчеством – *Таня Михайловна* – как нелитературный вариант обращения) является наиболее нейтральным в неофициальной ситуации общения (*Володя – Владимир, Саша, Саня, Шура – Александр, Люда – Людмила, Ира – Ирина, Таня – Татьяна*) и от таких сокращенных имен образуются формы окрашенные, коммуникативно и экспрессивно отмеченные, «ненейтральные» (*Сашенька, Шурочка, Володенька, Люсенька, Ирочка, Танечка*). Рассмотрим правила и специфику словообразования «неполных имен» в нижеприведенной таблице:

Полное имя	Разговорные варианты от полного имени	Сокращенное имя	Эмоционально окрашенные варианты от сокращенного имени
Александр	Александрюшка; Алексюша; Алексюха	Саша; Саня	Сашка, Сашенька, Сашуха, Сашун(л)я, Сашура, Шура; Санка, Санюша, Санюха, Санюра
Василий	Василька; Васильюшка; Василёк; Василько	Вася;	Васяк, Вася(ю)ша, Вася(ю)ха, Васюня, Васюра, Васяй
Владимир	Владимирушка; Влада; Владя;	Володя; Вова	Володя(ю)ка, Вовус(л)я, Вовуша
Фёдор	Федорка	Федя;	Федюка, Федяйка, Федюша, Федюха, Федюня; Дюня, Дюся, Дуся

Лариса	Лариска; Ларисочка	Лара(я);	Ларка, Ларочка
Людмила	Людмилка	Люда; Люся; Мила	Людка, Людочка; Люська, Люсенька; Милка, Милочка
Мария	Марийка; Мариша;	Маша; Маня; Маря; Мася	Машка, Машенька, Машуха, Машура; Манюша, Манюха, Манюся; Марюня, Маруся, Марюша; Масята
Наталия	Натальюшка	Наташа; Ната	Наташка, Таша, Наша; Натул(н)я, Натаха, Натуся, Туся, Таля

Комментарий: в словообразовании «ненейтральных» (народных, разговорных, просторечных, уменьшительно-ласкательных и др.) вариантов личных имен участвуют разнообразные диминутивные суффиксы (-очк-, -ечк-, -оньк-, -еньк-, -ушк-, -юшк-, -юш-, -яш-, -уш-, -ул-, -ун-, -ус-, -к-, -х- и т.п.). Применение диминутивной формы имени зависит от эмоций и чувств, испытываемых говорящим по отношению к именуемому. Разнообразные диминутивные формы личного имени в русском языке обладают субъективной модальностью и при этом позволяют выражать в речи широкий спектр эмоциональных красок.

Формы имени, образованные при помощи суффикса -к- (*Людка, Сашка, Марийка*), несут в себе оттенок пренебрежения, умаления достоинства именуемого. Однако среди простого народа при общении равных по социальному положению людей или внутри семьи эта форма имени, как правило, не имела такого оттенка, свидетельствуя лишь о простоте обращения и очевидной близости адресата и адресанта. Тем не менее, подобные формы имени в современном русском языке считаются стилистически сниженными (разговорными или просторечными). Имена с суффиксами -очк-, -ечк-, -оньк-, -еньк- (*Ларисочка, Танечка, Федосонька, Люсенька*) являются уменьшительно-ласкательными формами имени, при помощи которых выражается теплое и ласковое отношение говорящего к

именуемому. Суффиксы *-ушк-*, *-юшк-*, *-юш-*, *-яш-*, *-уш-*, *-ул-*, *-ун-*, *-ус-* вместе с основами имен образуют их народные и просторечные формы, которые оказываются социально маркированными и употребляются чаще в речи неинтеллигентных лиц. Кроме вышеназванных суффиксов применяются и преувеличительно-огрубляющие суффиксы *-х-*, *-ах-*, *-ух-*, *-юх-*, *-ин-*, *-ян*, при помощи которых образуются фамильярные и даже грубые формы имен (*Лёха*, *Натаха*, *Машуха*, *Федюха*, *Толина*, *Васян*).

Для некоторых личных имен (*Антон*, *Максим*, *Марина*, *Нина*) нейтральные сокращенные варианты отсутствуют, но есть эмоционально окрашенные варианты от полных имен: *Максимка*, *Максимушка*, *Мариночка*, *Мариша*. Однако такие формы имени вместе с теми формами, у которых имеется ряд сокращенных вариантов (*Александрик*, *Александрюшка*, *Иванок*, *Иванушка*), для современного узуса в целом не характерны, поскольку «формы такого рода нередко имеют характер отмеченный и стилистически ограниченный – устарелое, народно-традиционное, просторечное, художественно-беллетристическое» [Червинский 2012: 10].

П. Червинский [Червинский 2012: 11–19] уделяет внимание одной из самых выразительных, активных разновидностей сокращения (или редукции) форм личного имени – усечению, которое происходит главным образом 1) с добавлением флексии *-а* к основе: *Ольга* – *Оля*, *Сергей* – *Серезжа*, *Владимир* – *Вова*, *Николай* – *Коля*; 2) без добавления флексии по аналогии с иноязычными вариантами того или иного русского имени: *Сергей* – *Серж*, *Павел* – *Поль*, *Мария* – *Мари*, *Екатерина* – *Кэт*; 3) с материально выраженной суффиксацией *-ш(а)*: *Мария* – *Маша*, *Андрей* – *Андрюша*, *Сергей* – *Сергуша*, *Георгий* – *Гоша*. Следует отметить, что одни из данных форм имени при аналогичном строении являются нейтральными, например, *Оля*, *Саша*, *Серезжа*, а другие коммуникативно или эмоционально окрашены: *Сергуша*, *Серж*, *Гога*, *Маруся*, *Кэт*. По мнению П. Червинского, «это вопрос узувального выбора, хотя не вполне случайного» [Там же: 20].

Вместо звательной формы, которая была утрачена в XIV–XV вв., в

современной русской речи в качестве обращения употребляется форма именительного падежа. Примечателен тот факт, что «русский язык развил и своеобразную новую звательную форму, представляющую собой нечто вроде усеченного именительного падежа» [Иванов 1983: 287]: *Мам!, Коль!, Пан!, Вань!, Серёж!* В.В. Иванов считает, что «подобные факты никак не связаны в своем происхождении с древнерусской звательной формой и являются новообразованиями, возникшими в живой русской речи относительно позднего исторического времени» [Там же]. Специфика такой новой звательной формы (вокатива), по мнению Е.В. Клобукова, «заключается в ограниченности сферы его употребления (разговорная речь), в функциональной, формальной и смысловой вторичности по отношению к номинативу» [Клобуков 1986: 105].

Одной из форм обращения служит отчество без личного имени, которое может рассматриваться как упрощенный вариант уважительного обращения, осложненного невольным желанием привлечь внимание собеседника и расположить его к себе. Поскольку по сложившейся русской культурной традиции носители русского языка склоняются «величать по батюшке» собеседника, самостоятельное отчество оказывается сокращенным вариантом официальной формы обращения «имя-отчество», экономящим мускульную энергию говорящего, но сохраняющим уважение и почтение к адресату. Обращение по отчеству без личного имени в ходу между давно знакомыми и много общающимися, равными по статусу людьми, но может использоваться и по отношению к вышестоящему лицу: *Олеговна, как с отпечатками пальцев?* (О. Новикова. Каждый убивал // Сибирские огни, 2012. НКРЯ); *Я, Сергеевна, за столом. Помогите* (В. Шукшин. Бессовестные). Причем надо отметить, что в реальном речевом общении так друг к другу обращаются преимущественно немолодые люди. И такой вариант обращения является разговорным, если не сказать просторечным.

В телесериале «Людмила Гурченко» есть диалог между героиней и ее отцом, который советует ей в фильме «Старые стены», где Л. Гурченко

исполняет главную роль (директора фабрики), обратиться к подчиненной ей работнице по отчеству без имени: *Я пришел на фабрику к директору, т.е. к тебе, с открытым сердцем. Я не должен тебя бояться. Понимаешь, к людям надо относиться по-человечески. Они же родные люди для тебя. Ну-ка, пойдём, пойдём. Порепетируем. Вот если сказать «Наталья Федоровна, квартиру-то мы тебе дадим». Вот так не надо. Совершенно не надо. Скажи так: «**Федоровна**, квартиру-то мы тебе дадим». И успокой ее так – руку положи.* В этом контексте представлен значимый факт наивного метаязыкового сознания, а именно оценка носителями языка самой формы обращения и адекватности этой формы речевой ситуации.

В некоторых ситуациях функционирует обращение по фамилии. Такая форма обращения используется там, где статусные различия и/или социальная дистанция достаточно велики, например: *Молодец, **Комелькова**. Не замерзла?* (Б. Васильев. А зори здесь тихие); *Вот что, **Журавлёв**, пишите-ка вы заявление об уходе* (В. Токарева. Неромантичный человек); ***Мельников**, проводи ее до прокурора, – сказал начальник* (В. Шукшин. Материнское сердце). В других ситуациях, особенно в деловой сфере, употреблять обращение по фамилии не принято, поскольку этот вариант обращения предполагает попытку говорящего поставить себя намного выше собеседника, которая может вызвать у последнего недовольство и быть воспринята как оскорбление. А вместо отдельно взятой фамилии в общении, в деловых или бытовых сценариях принято использовать форму обращения «статус/звание + фамилия» (ср.: *инспектор Петров, профессор Сидоров, товарищ Кайгородов*) или форму «имя-отчество». Но в реальной русской речи обнаруживается и такой случай, когда обращение по фамилии используется по отношению к очень близким людям, например, переводчица из фильма «Осенний марафон» в исполнении Г. Волчек к своему коллеге иначе как по фамилии *Бузыккин* не обращалась.

«Вариативность личных имен в функции собственно обращения (апеллятивной) позволяет представить их как лексико-семантическую

парадигму, т.е. как класс позиционно (конситуативно) распределенных единиц, объединенных вокруг «единого центра» (подробнее о парадигме в [Чернейко 2002б, 2003, 2017а: 19–20]) – в данном случае официального (паспортного) имени лица» [Юй 2017г: 190–191]. «Парадигма, складывающаяся из различных вариантов личного имени, позволяет рассмотреть составляющие ее элементы как со структурной (официальное полное имя, официальное неполное, неофициальные формы и морфемы, их создающие), так и с функциональной точек зрения, т.е. в аспекте позиционного распределения вариантов по типам коммуникативных ситуаций» [Там же: 192].

1.2. Имена нарицательные

Если имена собственные, как отмечает Н.Д. Арутюнова, семантически ущербны, их наполнение обуславливается свойством уникальной референции вне зависимости от условий коммуникации, то имена нарицательные обладают полной семантической структурой, формирующейся на основе некоторого понятия (коннотации, сигнификата, десигната, концепта), образованного общими признаками класса реалий, и конкретного содержания, создаваемого свойствами денотата (референта). Именно поэтому у имен собственных идентифицирующая функция является постоянной, а денотативная возможность имен нарицательных обуславливается их характеризующей функцией [Арутюнова 1976: 327–328].

Имена нарицательные по вокативной способности во многом уступают именам собственным, однако в живой речи активно выступают в качестве обращения. И имена нарицательные так же, как и имена собственные, могут выполнять две функции обращения: контактоустанавливающую (апеллятивную) и контактоподдерживающую (эмоционально-экспрессивную), которую можно считать разновидностью «фатической».

Имена нарицательные, обладающие способностью выполнять вокативную функцию, Т.Е. Янко предложила разделить на три группы: оценочные имена, имена с ролевым значением и имена с реляционным

значением, которые по вокативному потенциалу перечисляются в порядке возрастания [Янко 2011: 239].

Вокативные оценочные имена выполняют функцию поддержания либо разрушения начатого общения, через которую выражается определенное эмоционально-оценочное отношение. В этот класс слов включаются четыре подгруппы субстантивов:

1) имена, содержащие ласковый эмоциональный компонент, в том числе а) метафорическое употребление абстрактных существительных (прелесть, радость, душа, душенька, душечка); б) использование переносных значений конкретных существительных (золотко, звездочка, лапушка, сердечко, сокровище, солнышко), в том числе именованья флоры и фауны (голубка, голубчик, голубушка, зайныка, касатик, рыбка, цветочек, ягодка);

2) имена, характеризующие внутренние качества или внешние свойства человека (умница, умник, красавица, крошка, миляга, очаровашка, бродяга, трепач, лысый, очкарик);

3) имена, включающие в свой смысл снисходительное, насмешливое и/или ироническое отношение (чертяка, глупыш, глупышка, дуралей, дурачок, дурашка, дуреха);

4) обозначения лица, принадлежащие к бранной лексике (болван, варвар, гад, дурак, зараза, негодяй, паразит). Такие имена-пейоративы имеют отношение к контакторазрушению вплоть до конфликта: *А ты, козел, стой здесь! – За «козла» ты мне еще ответишь!* (Из разговора).

Вокативные имена с ролевым значением не совпадают в полной мере ни с именованьями профессиональной деятельности, ни с обозначениями определенного занятия. Ролевые отношения могут быть обусловлены не только или не столько социально, но и ситуативно. Приобретение вокативной функции словами, обозначающими роли людей, довольно условно, связано со стандартным жизненным сценарием, под которым, по мнению Т.Е. Янко, «мы понимаем сложившиеся в культуре ситуации и процессы с хорошо

разработанным ритуалом» [Янко 2011: 251].

Имена с ролевым значением способны дифференцировать и идентифицировать адресата речи в определенной коммуникативной ситуации, однако для поддержания начатого контакта они не годятся. По наблюдениям Т.Е. Янко, роль участника в ситуации идентифицируется только по отношению к другому участнику, которому противопоставлен первый. В сфере сервиса (ресторан, отель, такси и т.п.) такие обозначения роли завсегдаев, как посетитель, клиент, для идентификации не используются. А имя **БОЛЬНОЙ** может стать обращением в любом медицинском учреждении: **Больной, одевайтесь** (из разговора). Другое дело, что подобное обращение чревато негативными последствиями как безответственно выбранная врачом форма и может вызвать ответную реплику типа *Никакой я не больной*.

Идентифицирующую роль играют обозначения обслуживающего персонала (сестричка-медсестра, няня-нянечка, официант, метрдотель, швейцар, курьер, водитель и т.д.), которые могут служить обращениями клиента данной сферы в начале коммуникации, т.е. выполняют лишь призывную (собственно апеллятивную) функцию, инициирующую коммуникацию: – *Сестричка, от сухости ничего нет? – Могу предложить диету: суток пятнадцать в карцере* (А. Савельев. Аркан для букмекера. НКРЯ); *Погоди-ка, санитар, не уходи* (В. Шукшин. Миль пардон, мадам!); – *Официант! – позвал я* (А. Кирилин. Нулевой километр // Сибирские огни, 2013. НКРЯ); *Брр! Швейцар! Что это за неприятный запах?* (Коллекция анекдотов: официанты (1970-2000). НКРЯ); *Что ж это вы, товарищ водитель, нарушаете?* (И. Романчева. Кому нужны эти штрафы // За рулем, 15.04.2004. НКРЯ).

Обращает на себя внимание тот факт, что возможность имен с ролевым значением играть роль вокативного средства зависит от норм и правил в определенном микросоциуме. Например, в русском коммуникативном пространстве слово **уборщица** как обращение не употребляется. Что касается слов **продавец** и **кассир**, их употребление возможно в

ограниченных ситуациях: *Кассир! Вернитесь за кассу* (из разговора); *Продавец, пожалуйста, подойдите* (из разговора).

Т.Е. Янко следующим образом дает объяснение отличия лексемы **водитель** от лексем с близким значением **шофер** и **таксист**: «Таксист и шофер концептуализуются в русском языке как называющие постоянный признак человека – его профессию. Между тем водитель может обозначать не только профессию, но и роль. Водитель – это тот, кто в текущий момент времени сидит за рулем конкретного транспортного средства, поэтому лексема **водитель** способна быть “хорошим” обращением, а **шофер** и **таксист** нет» [Янко 2011: 253].

Имена с реляционным значением также являются важным вокативным средством в силу их сильной идентифицирующей функции и одновременно возможности играть роль средства для поддержания коммуникации. Данный класс слов отражает социальную стратификацию, гендерную, возрастную или родственную иерархию, а потому служит богатым источником устойчивых (закрепившихся в культуре) обращений. Они могут быть подразделены на два подкласса:

1) имена с характеристиками лица по полу и возрасту, например, бабушка (баба, бабка, бабуля), дедушка (дед, дедуля), няня (нянечка, нянька), отец, мать, папа, мама, тятя (тятенька, тятка), мамаша, папаша, барышня, дама, мадам, мисс, матушка, девушка, девочка, молодой человек, дядя (дяденька), тетя (тетенька), зять (зятек), тесть, малый, мальчик, парень, юноша, браток, братишка, братец, сестренка, сынок, мужик, старик и т.д. В данном подклассе слов отражается в основном гендерная, возрастная или родственная иерархия. Надо подчеркнуть, что по русской культурной традиции супруги друг к другу обычно обращаются по имени; лексемы **свекровь**, **сноха** в качестве обращения не употребляются, равно как и лексемы **зять**, **теща**. Тем не менее, существует и исключение в отдельных случаях либо по речевой привычке говорящего, либо с целью подчеркивания родственных отношений между лицом-субъектом и лицом-

адресатом: *Жена, поди сюда!* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *Жена, не полно ль тебе врать?* (Д. Фонвизин. Бригадир); *Нет, дорогой зять, как мы, так и жены наши, все в руке создателя* (Д. Фонвизин. Бригадир); *Читай, зятек, почитай – я и тебе скажу: проугрюмися всю жизнь, глядь – помирать надо* (В. Шукшин. Письмо);

2) имена, содержащие смысловой компонент, связанный с социальной стратификацией: господин, госпожа, дамы и господа, гражданин, гражданка, граждане, товарищ, мистер, пан, сэр, шеф, босс, сударь, сударыня, барон, княгиня, командир, ваше превосходительство, ваше сиятельство, начальничек, батюшка, батенька, друг, дружок, приятель, друзья, ребята, коллеги, хозяин, бабуля, папаша, браток, братец и др. Имена родственных отношений легко соединяются с диминутивами, что придает соответствующему обращению дополнительный стилистический оттенок: папаша, мамаша, дедуля, бабуля, братец, братишка. При этом «первичное родственное или другое значение, как правило, выветривается» [Янко 2011: 253].

По мнению Т.Е. Янко, «обозначения высокого места в социальной иерархии вследствие того, что говорящий по политесным соображениям склонен позиционировать слушающего как старшего, могут пополнить класс этикетных обращений» [Янко 2009: 575]. Дифференцирующую функцию обычно выполняет лицо старшее или играющее ведущую роль в специальной области. В функции вокатива нередко встречаются названия лиц по профессии или званию – имена профессор, доктор, генерал и полковник: *Не успел, профессор* (В. Шукшин. Экзамен); *Прощайте, доктор. Благодарю...* (А. Чехов. Чайка); *Возьмите, полковник. Когда-нибудь прочтете от скуки* (А. Чехов. Три сестры); *Помилуйте, генерал, да смею ли я!* (Л. Толстой. Война и мир). Понятие, стоящее за именем доктор, в отличие от понятия, стоящего за лексемой врач, предполагает не только умение лечить людей, но и восприятие обществом доктора как человека ученого. И хотя оба имени – профессор и доцент – обозначают ученого, профессор по

званию и статусу в учебном заведении выше доцента. Вместе с тем понятия, стоящие за лексемами полковник и генерал, отличаются от понятий, стоящих за именами солдат и боец, тем, что полковник и генерал в сравнении с рядовыми воинскими чинами занимают более высокий статус в армии и по этой причине пользуются большим почтением. Вот почему слова профессор, доктор, генерал и полковник – стандартные обращения, а слова доцент, врач, солдат и боец в стандартных коммуникативных ситуациях использовать как обращение не принято.

1.3. Имена прилагательные, местоимения, междометия и предложные словосочетания

Имена прилагательные, входящие в лексический состав обращения, такие, как уважаемый, дорогой, милый, несут в себе смысловой оттенок уважительности, теплоты, сердечности. Обращения с прилагательным уважаемый часто употребляются в бытовых разговорах и в официальных высказываниях типа объявлений, публичных выступлений: *Эх вы...Как же так получается, уважаемая?* (В. Шукшин. Как заяц летал на воздушных шариках); *Уважаемые пассажиры, будьте взаимно вежливы...* (из объявления Московского метрополитена), тогда как обращения с прилагательными дорогой, милый используются преимущественно в кругу семьи или между близкими, друзьями: *Известно ли вам, дорогой друг, что ваш отец в последнее время увлекался греческой мифологией?* (В. Белоусова. Второй выстрел. НКРЯ); *Сестрица, милая, ну скажите мне, скажите, пожалуйста, что я говорила, выходя из наркоза?* (И. Грекова. Перелом).

Нужно отметить, что, помимо вышеназванных употребительных слов, в русском языке существует достаточное количество имен прилагательных с большой вокативной способностью, которые могут не только служить компонентом формы обращения, но и функционируют как вокативная единица без имени существительного (с личным местоимением **МОЙ (МОЯ)**, либо самостоятельно), т.е. как субстантивированные прилагательные, например: *Дорогая моя, ненаглядная, возлюбленная моя, наконец-то я на*

свободе! (А. Морозов. *Прежние слова // Знамя*, 2002. НКРЯ); *Милая моя, золотая, я из тебя такую красоту сделаю!* (В. Железников. *Чучело*. НКРЯ); *Спи спокойно, мой родимый, спи, дорогой!.. Единственный мой, желанный...* (И. Вольнов. *Повесть о днях моей жизни*. НКРЯ); *Живи, мой сердечный, живи, живи с другой в счастье, в радости...* (П. Мельников-Печерский. *В лесах*. НКРЯ). По мнению В.И. Супруна, «в качестве вокатива могут употребляться практически все прилагательные с положительной семантикой» [Супрун 2010: 51]. Однако в реальной русской речи обнаруживается, что не все подобные прилагательные могут выступать в роли обращения, например: ***Великоленный!** *Давно не виделись.*

В качестве обращения функционируют и субстантивированные местоимения, например, определительное местоимение **весь**, неопределенное **кто-нибудь**, указательное **такой-сякой**, личные местоимения **ты/вы**: *Здравствуйте все! Расписывайтесь и вносите по пятьдесят копеек!* (Э. Рязанов, Э. Брагинский. *Служебный роман*. НКРЯ); *Эй, кто-нибудь, кто-нибудь!* (К. Симонов. *Живые и мертвые*); *Повтори, говорю, повтори, такой-сякой, что ты сказал!* (А. Чехов. *Унтер Пришибеев*); *Эй, ты, ступай своей дорогой!* (Н. Гоголь. *Шинель*); *Эй, вы, отзывайся, имя и отчество* (В. Шаламов. *Колымские рассказы*).

Вокативной возможностью обладают и междометия. В качестве обращения используются в основном два междометия – **эй** и **алё** (алло), которые вместо стандартного обращения применяются для привлечения внимания адресата (собеседника) и носят в большей степени просторечный и фамильярный оттенок: *Эй, да погоди ты, постой* (Ю. Коваль. *Ножевик*. НКРЯ); *А главное, тут абсолютно нету мужиков... Алё! Ты слышишь?!* (С. Довлатов. *Заповедник*. НКРЯ). Между тем, в русской речи существует такая фраза, как *Алё! Гараж!*, которая впервые прозвучала в советском фильме «Волга-Волга», в котором персонаж И.И. Бывалов звонит по телефону и командным голосом надменно произносит эту фразу: *Алё, гараж? Заложите кобылу!* Эта фраза носила в фильме сатирический характер,

а теперь употребляется как обращение для привлечения внимания собеседника только в разговорной речи в кругу низкообразованных людей и звучит грубо, невежливо.

При этом нужно подчеркнуть следующее: если слово **алё** (**алло**) в начале телефонного разговора и **эй** при наличии довольно большого расстояния между говорящим и слушающим звучат нейтральными, то его употребление при нахождении обоих коммуникантов в едином пространстве и недалеко друг от друга оказывается грубоватым и даже невежливым. Обращения-междометия данного типа относятся к той категории слов, которые «опасны вовсе не для того, кто является их объектом, а для самого субъекта, говорящего, поскольку они способны передать больше, чем предполагает говорящий» [Чернейко 1996: 53]. Они характеризуют в первую очередь того, кто их произносит, как невоспитанного и коммуникативно безответственного человека, который при использовании данных обращений не учитывает последствий, а именно того, как он будет выглядеть в глазах окружающих.

Вокативной способностью обладают и предложные словосочетания, которые субстантивированы и функционируют как название адресата речи по его единственному признаку – по местоположению – в случае, когда говорящий и слушающий находятся на объектах, противопоставленных друг другу в определенном пространстве, например: *Эй, на берегу!* (Л. Кабо. Повесть о Борисе Беклешове. НКРЯ); *Эй, внизу! Посмотри!* (К. Серафимов. Экспедиция во мрак. НКРЯ); *Эй, на мостике! Питание на брашпиль!* ([Г. Владимов. Три минуты молчания. НКРЯ); *Эй, на пароходе! Становь баржу на якорь!..* (В. Шишков. Угрюм-река. НКРЯ). Такие обращения носят очевидно фамильярный характер и употребляются только в разговорной речи.

1.4. Формы обращения «на вы» и «на ты»

Наиболее распространенным разграничением категорий официального и неофициального обращения являются две формы обращения – «вы» и «ты», которые служат важным маркером официальности/неофициальности в

конкретном высказывании в дополнение к самой форме обращения. В современном русском языке официальное обращение к конкретному лицу сопровождается употреблением местоимения второго лица множественного числа: *Владимир Васильевич, а почему Вы держитесь за «классику», не снимете ее с производства?* (П. Меньших, В. Каданников. В Тольятти придут инвесторы... // За рулем, 15.05.2003. НКРЯ).

Как отмечается в «Словаре русского речевого этикета» [Балакай 2001: 92–93, 527], употребление местоимения «вы» по отношению к одному лицу высокого положения (господину, князю) встречается уже в памятниках русской письменности XI–XVI вв., что связывается с византийской речевой традицией. Однако в петровскую и послепетровскую эпоху придворная знать, а позднее и другие слои общества переняли западноевропейский обычай, в частности немецкий и французский речевой этикет. В XIX в. обращение на «вы» стало нормативным с точки зрения светской речевой учтивости по отношению к лицам привилегированных сословий, затем получило распространение вежливое обращение на «вы» к одному лицу, высшему или равному по положению. После революции 1917 года обращение на «вы» значительно сузило сферу своего распространения как «недостаточно демократичное», уступив разговорно-просторечному обращению на «ты». В наше время форма «вы» используется при обращении к юридическому лицу в официально-деловой обстановке, к незнакомому или малознакомому физическому лицу, к знакомому в служебной обстановке в присутствии других лиц, к старшему по возрасту, высшему по статусу в неофициальной ситуации.

Неофициальное обращение оформляется в русской речи местоимением второго лица единственного числа, например: *Мишенька! Ты живой?* (С. Козлов. Как Ежик с Медвежонком спасли Волка // Мурзилка, 2003. НКРЯ). Обращение на «ты» в современном русском языке применяется к родственникам, знакомым, друзьям в обиходно-бытовых ситуациях. Оно может быть использовано также при обращении высшего по статусу к

низшему либо взрослого к незнакомому ребенку, подростку.

Употребление обращения на «ты» имеет долгую историю: исконно русское обращение «ты» до XVIII в. было единственным и потому стилистически нейтральным в любой речевой ситуации. Вежливость, ласку, дружелюбие передавали в речи другие обращения в сочетании с местоимением «ты»: *ты, батюшка; ты, мать моя; ты, мой друг; ты, мой голубчик* и т.п. В петровскую эпоху вежливость начала закрепляться в обращении на «вы», которое употреблялось по отношению к старшему по возрасту и высшему по положению. А «ты» как единственная форма обращения к равному, старшему и младшему сохранялась в крестьянском речевом обиходе до середины XIX в. [Балакай 2001: 527].

Внимания заслуживает переход обращения с «вы» на «ты», которое происходит, по наблюдению А.Г. Балакай, в следующих случаях [Балакай 2001: 529–530]: 1) в общении знакомых, лиц одного пола с взаимного согласия перейти на неофициальные, дружеские отношения; причем инициатива перехода на «ты» принадлежит старшему по возрасту и/или высшему по положению: *Черт возьми, давайте выпьем, Андрюша, давайте выпьем на «ты»* (А. Чехов. Три сестры); 2) в общении знакомых лиц разного пола при дружеском или интимном сближении; при этом инициатива перехода на «ты» принадлежит, как правило, женщине: *Знаете что? – сказала вдруг Сонечка, – я с одними мальчиками, которые к нам ездят, всегда говорю ты, давайте и с вами говорить ты. Хочешь?* (Л. Толстой. Детство); 3) при намеренном обострении конфликтной ситуации (в ответ на невежливое «ты»): – *Молчать, я сказал! Слушай, что я буду говорить. – Совсем не хочу слушать, что ты, ты будешь говорить* (Л. Толстой. И свет в тьме светит). А несанкционированный переход обращения с «вы» на «ты» нередко вызывает недовольство собеседника: *Раза два Моря с ним общался, инженер ему нравился. – Здравствуй! – сказал Моря. – Здравствуй! – не сразу откликнулся инженер. И глянулся на Моря неодобрительно: наверно, не понравилось, что с ним на «ты»* (В. Шукшин. Упорный).

2. Формы обращения и их вокативные функции в разных речевых жанрах

Русская речь – предмет лингвистического изучения с достаточно недавней историей. Некоторые исследователи [Китайгородская, Розанова 1999] предлагают разделить русскую речь на три разновидности: кодифицированный литературный язык в его устной форме (КЛЯ), литературную разговорную речь (РР) и просторечие, т.е. речь малообразованных носителей языка, которые не вполне владеют нормами литературного языка. Носители литературного языка пользуются двумя разновидностями языка – КЛЯ и РР – в зависимости от ряда условий. КЛЯ обслуживает сферу официального общения (личного и публичного), РР – сферу неофициального, неподготовленного, личного общения.

Следует отметить, что за каждой сферой общения закреплена соответствующая функциональная разновидность языка: просторечие, РР и часть КЛЯ, обслуживающая сферу официального, но личного общения, характерные для бытовых речевых жанров; часть КЛЯ, служащая сфере публичного общения, является главной составляющей речевых жанров, требующих стандартности выбираемых и используемых языковых единиц. Это жанры научные, деловые, публицистические. А такие сложные речевые жанры, как художественно-литературные, «возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения» [Бахтин 1979: 239]. Именно их М.М. Бахтин назвал «вторичными речевыми жанрами», поскольку в них смешиваются различные первичные жанры, формирующиеся в процессе непосредственного речевого общения.

Формы обращения варьируются в зависимости от регистра, детерминированного параметрами ситуации общения, включая вид коммуникативного акта, тип ролевых отношений, характер обстановки, специфики поля общения, в связи с которыми формируются определенные темы, которые реализуются в разных формах (устной или письменной) и в разных жанрах (бытовых, научных, деловых, публицистических,

художественных и т.д.). А жанровое членение текстов в большой мере соотносится с их тематическим разграничением. «В сфере актуальной (по преимуществу целеориентированной) коммуникации тематические доминанты, задаваемые темой-ситуацией, определяют и жанровый репертуар» [Китайгородская, Розанова 1999: 34].

Понятие «культура речи» включает в себя две ступени освоения литературного языка: «правильность речи, т.е. соблюдение литературных норм, <...> и речевое мастерство, т.е. <...> умение выбирать из сосуществующих вариантов наиболее точный в смысловом отношении, стилистически и ситуативно уместный и выразительный и т.п.» [Языкознание 1998: 247]. При этом для этикета наиболее актуально противопоставление социальной и персональной дистанции (обе они относятся к сфере межличностной дистанции). Как отмечает В.И. Карасик, «общение на персональной дистанции требует искренности и допускает определенную спонтанность в проявлении желаний» [Карасик 2002: 80], между тем «общение на социальной дистанции требует формального соблюдения приличий и сдержанности» [Там же: 81]. И владение языком состоит в умении использовать его стилистические регистры, т.е. адекватно ситуации выбирать предлагаемые системой языка варианты, причем в это умение по необходимости включается ответственность за сделанный выбор.

Как отмечает Л.П. Рыжова, «семантические функции вокативных компонентов коммуникативного акта определяются отношением номинации в позиции обращения к своему референту-адресату речи. Идентифицирующие (денотативно-референтные) и характеризующие (сигнификативные) наименования в вокативной функции имеют референтный характер, т.е. соотносятся с конкретным адресатом в рамках конкретного коммуникативного акта» [Рыжова 1982: 127]. В речевом акте обращения язык как раз выполняет такую коммуникативную функцию, которую Р.О. Якобсон назвал фатической – контактоустанавливающей (апеллятивной). Но, помимо контактоустанавливающей функции, у обращения есть и

контактоподдерживающая функция, которая и обнажает характер социальных отношений между собеседниками, и опирается на него.

2.1. Формы обращения в бытовых речевых жанрах³

В бытовых речевых жанрах представлен определенный набор жанровыделяющих параметров, в соответствии с которыми конкретные высказывания (речевые акты) классифицируются. Ниже перечислены пять основополагающих параметров, по которым формируются различные коммуникативные ситуации, в рамках которых варьируются формы обращения:

- 1) социальное поле («внутри семьи» / «вне семьи»);
- 2) тип ролевых отношений партнеров коммуникации (в определенной социальной группе/в определенной ситуации общения – пол, возраст, статус, степень знакомства);
- 3) характер ситуации (официальность – неофициальность – непринужденность – фамильярность);
- 4) тональность общения (холодность – доверительность – дружелюбие – интимность – шутливость – грубость);
- 5) коммуникативная цель/намерение (хвалящая, запрещающая, торопящая, упрекающая, просительная и т.д.).

Как наиболее употребительные речевые средства в бытовой речи, вокативные формы личного имени варьируются в зависимости от объективной обстановки и личного вкуса говорящего: *Меня как только не называют: Жора, Юра, Гоша, Гога, Георгий...* (к/ф «Москва слезам не верит»). Проведенный анализ функционирования различных вариантов обращения в бытовых диалогах двух персонажей пьесы А.П. Чехова «Три сестры» (Андрей Сергеевич Прозоров, Ольга Сергеевна Прозорова)

---

³ При написании параграфа использовались материалы статей автора диссертации: **Юй Исин**. Направление развития современного русского обращения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия "Русская филология". 2017. № 4. С. 58-67. **Юй Исин**. Парадигма личного имени в структурном и функциональном аспектах // Ономастика Поволжья: материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 50-летию юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора В.А. Никонова / под ред. С.В. Рябушкиной и др. Ульяновск: «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017г. Том 2. С. 188-193.

подтверждает сказанное. «Согласно данным «Словаря русских личных имен» [Петровский 1966] имя *Андрей* имеет такие производные формы, как *Андрейка, Андря, Андрюха, Андрюша, Андрюня*. А производные формы имени *Ольга* – *Ольгуня, Ольгуся, Ольгуша, Оля, Олюля, Люля, Олюня, Люня, Олюха, Олюша, Оляша, Оляня, Олена, Леля, Ляля*. От мужского имени *Сергей* могут сформироваться отчества *Сергеевич, Сергеевна* и разговорная форма отчества *Сергеич*. При обращении к лицу говорящий имеет возможность создавать из исходной формы имени его варианты на основе имеющихся словообразовательных моделей» [Юй 2017г: 191].

По социальному параметру вышеназванные личные имена могут быть разделены на две группы, первая из которых функционирует «внутри семьи»: *«Андрей – Андрюша, Андрюшанчик; Ольга – Оля, Олюшка, Олечка*. Контексты: *Ты, Андрюша, что делаешь?; Андрюшанчик, отчего ты молчишь?; Андрей, поди сюда!; Ах, милая моя Ольга, милая моя; Помнишь, Оля, у нас говорили: «влюбленный майор»; Феранонта позвала бы, Олюшка, а то не донесу...; Тебя выберут, Олечка*. Личные имена второй группы используются «вне семьи»: *Прозоров, Андрей Сергеевич (Андрей Сергеич), Андрюша; Ольга Сергеевна*. Контексты: *Прозоров* (самопредставление Андрея при знакомстве с Вершининым); *Я, Андрей Сергеевич, уже говорил раз десять; Андрей Сергеич, бумаги-то ведь не мои, а казенные; Андрюша, давайте выпьем на «ты»; Сейчас уходим, Ольга Сергеевна»* [Юй 2017г: 191].

В обоих типах социального поля («внутри семьи» и «вне семьи») варианты личного имени выбираются говорящим с учетом специфики типа ролевых отношений между партнерами коммуникации. При этом выделяются два безусловных параметра – это «поколение (возраст) и/или статус внутри семьи» и «статус и/или возраст вне семьи». «Официальная форма «имя-отчество» (*Андрей Сергеевич, Ольга Сергеевна*) связывается в первую очередь с официальностью коммуникативной ситуации («вне семьи»), определяющей значительную социальную дистанцию коммуникантов по причине их разного социального статуса либо возраста» [Юй 2017г: 192].

«Эмоционально окрашенные варианты официального имени (*Андрюша, Олюшка* и т.д.) могут использоваться в связи с неофициальностью ситуации общения как знаки «короткой» социальной дистанции между равными по социальному статусу партнерами, а также для выражения такой доверительной или дружелюбной тональности, как умиление, симпатия, любовь, но только между близкими, друзьями. В противном случае их употребление приобретает оттенок панибратства, на которое у говорящего нет социального права» [Юй 2017г: 192]. Обращает на себя внимание тот факт, что и среди производных уменьшительно-ласкательных вариантов есть такие, которые обозначают не просто «короткую» социальную дистанцию, но и близкие отношения, например, Наташа обращается к мужу *Андрюшанчик*. Есть и социально-маркированная уменьшительно-ласкательная форма *Олюшка* (обращение няни к Ольге), которая характерна для народной речи.

«Фамилия (*Прозоров*) является средством сугубо официального представления при знакомстве» [Юй 2017г: 192], которое также может считаться вариантом обращения, так как самопредставление обычно производится исходя из интереса и потребности слушающего, дает ему возможность выбрать из представленных сведений говорящего самую подходящую форму обращения.

«Полные личные имена *Андрей* и *Ольга* в неофициальной ситуации общения считаются наиболее нейтральными» [Юй 2017г: 192]. Существуют и такие личные имена, чьи полные варианты в функции обращения в бытовых и деловых ситуациях в XIX в. без отчества и фамилии не употреблялись. При самостоятельном употреблении использовались соответствующие сокращенные имена: *Саша* или *Шура* (от *Александр*), *Володя* (от *Владимир*), *Катя* (от *Екатерина*). Их полные формы применялись только вместе с отчеством или в особых ситуациях типа «строгого родительского отношения»: *Александр, ты уроки не сделал!* (из разговора); *Ты, Катерина, маленько не умеешь жить* (В. Шукшин. Письмо).

«В современной русской речи за формой обращения “имя-отчество”

скрываются дополнительные прагматические смыслы, например, некоторая ирония при обращении старшего к младшему, особенно к ребенку: *А в понедельник утром гляжу: вторая койка, что пустовала в моей палате целую неделю, занята. Лежит на ней мальчик лет семи. Лежит себе и помалкивает. «Звать-то тебя как?» – спрашиваю. Митей. – А по батюшке? – Иванович. – Пойдем тогда завтракать, Дмитрий Иванович. – Идемте, – говорит* (URL: http://studopedia.ru/10_231137_prodolzhenie---.html – дата обращения 12.03.2017), а также недовольство старшего (в производственной иерархии) младшим, к которому старший по обыкновению обращается по имени, что приводит к увеличению социальной дистанции и к отстранению говорящего от собеседника. В качестве примера можно привести рассказ-воспоминание о знаковости смены формы обращения: *Когда заведующая обращалась ко мне Людмила Олеговна, я понимала, что мне надо было срочно «делать ноги»* (Л.О. Чернейко)» [Юй 2017в: 59–60].

Яркими примерами, иллюстрирующими вариативность личных имен как обращений в бытовых коммуникативных ситуациях, служат и диалоги в фильме «Отчий дом», где парадигму личного имени героини Татьяны Павловны Скворцовой в качестве обращения составляют следующие формы: *Татьяна Павловна, Таня, Танюша, Танечка*. Все эти четыре формы обращения функционируют и «внутри семьи»: *Кушанье давно прохлаждаем, Татьяна Павловна; Танечка, Таня, ты ведь нас не бросишь! Танюша, ты не поедешь на Кавказ? Я все понимаю, Танечка. Мать ведь я тебе, какая-никакая, под сердцем тебя носила...*, и «вне семьи»: *А вы что-нибудь собираетесь сделать, Танечка? – Очень приятно, Нюра. – Таня; Я, конечно, беспокою вас, но видите, какое дело, просто негде взять людей, а, Танюша? Здравствуйте, дети. Садитесь. Меня зовут Татьяна Павловна*. Следует отметить, что «внутри семьи» уменьшительно-ласкательные формы личного имени являются стандартными обращениями, а форма «имя-отчество» оказывается нестандартной: ее применение отцом по отношению к дочери связано не только с ситуацией (завтрак уже весь готов, отец голоден и торопится на

работу, а дочь еще аккуратно причесывается), с шутливой тональностью общения, но и с коммуникативным намерением или целью говорящего (поторопить дочь на завтрак).

«Вне семьи» уменьшительно-ласкательные формы имени употребляются в основном между близкими и друзьями и обычно сочетаются с обращением на «ты». В названном фильме вокативные средства *Танечка*, *Танюша* используются с обращением на «вы», что можно объяснить разницей в возрасте (говорящий старше слушающего), более высоким социальным статусом говорящего, дружелюбной тональностью, которая сокращает коммуникативную дистанцию между партнерами общения, и одновременно желанием говорящего (мужчины) выразить уважение к слушающему (молодой девушке).

По отношению к герою по имени *Сергей Иванович* используются два варианта обращения – *Сергей Иванович*, *Иваныч*, которые функционируют «вне семьи»: *Сергей Иванович*, как же сдержат с бачком? Ой, господи, *Сергей Иванович*, мы подумали, что ты попозже заночуешь. Вот дочка уложила; Вот одно, понимаешь, *Сергей Иванович*, пироги какие...; *Сергей Иванович*, можно вас на одну минуточку? *Сергей Иванович!* Я же думаю, что придется уехать, попрощавшись с вами; *Иваныч, Иваныч*, подожди-ка, нельзя так сердцу волю давать. В форме «имя-отчество» (*Сергей Иванович*) эксплицируется статус адресата обращения – председатель колхоза. В перечисленных контекстах наблюдается нарушение правила обращаться на «вы» при использовании вокативного варианта «имя-отчество», что объясняется давним знакомством партнеров по коммуникации, непринужденностью обстановки и доверительной тональностью общения. Из фильма можно узнать, что тот, кто обращается к Сергею Ивановичу по имени-отчеству и одновременно на «ты», живет с ним в одном селе и принимает его за «своего».

А обращение в форме «отчество без имени» (*Иваныч*) коррелирует с образом говорящего, который желает уговорить своего собеседника сдержать

эмоцию в неподходящей ситуации (на работе) коротким напоминанием об их давнем знакомстве и дружеских отношениях, вследствие чего обращение *Иваныч* обладает просительной коннотацией. С обращением «по отчеству» связана, таким образом, не только очевидная вокативная функция, но и такие прагматические смыслы, как включение адресата в круг очень близких людей, которых стараются предостеречь от опрометчивых поступков не рекомендацией, не советом, а настоятельной просьбой. За этим просторечным обращением стоит в русской народной культуре участие в судьбе другого.

Привлекает к себе внимание и варьирование форм обращения к колхознице Степаниде: *Степанида*, *Стеша*, *Стеш*. За этими конситуативными вариантами обращения стоят разные обстоятельства жизни. Мы можем разделить контексты на два блока по статусу говорящих. Блок (А) включает высказывания другой колхозницы Наталии Авдеевны: *Ну, Степанида, зачем ты их неправильно портишь? Ах, Стеш, Стеша, зачем ты это?* А в блоке (Б) содержатся высказывания председателя Сергея Ивановича: *Степанида! Что, уже наработалась? Стеша, что с тобой? Обидел кто?* Можно сказать, что в блоке высказываний (А) полная форма личного имени в первую очередь свидетельствует об упреке со стороны говорящего, тогда как использование усеченных и эмоционально окрашенных форм имени указывает на сокращенную дистанцию между коммуникативными партнерами и подчеркивает просьбу говорящего. В блоке (Б) применение полной формы имени *Степанида* коррелирует с высоким статусом говорящего по сравнению со слушающим и увеличенной дистанцией между ними. Употребление сокращенной формы *Стеша* связано с интимной тональностью общения и переменой типа ролевых отношений обеих сторон общения, обусловленной раскрытием говорящим давно скрытой любви к слушающему. Так характеризуется особенность функционирования обращения в тексте, которое можно рассматривать как служебный компонент текста с прагматическим значением (сильным интенциональным смыслом), уточняющий «его направленность к адресату

речи» и выполняющий свою «коммуникативно-интенциональную функцию» [Рыжова 1982: 71].

Отмечено, что обращение нередко участвует в осуществлении других речевых актов, приобретая определенные прагматические смыслы и «подчиняя свою иллокутивную силу иллокутивной силе акта сообщения, приказа, просьбы и т.д.» [Кожухова 2007: 82]. Можно заметить, что в повторяющейся форме обращения, образованной усеченными, стилистически маркированными формами личного имени, употребляющимися исключительно в кругу близких, выражается определенная интенция – просьба, например: *Лен, а Лен, а винные куда?* (Ф. Искандер. Бедный демагог. НКРЯ); *Володь, а Володь, послушай мои вопросы к тебе* (Т. Луговская. Я помню. НКРЯ); *Ой, Люсь, Люсь, гляди-ка, тут и массаж!* (Н. Садур. Немец. НКРЯ); *Маши, понеси меня немножко, а Маши* (Л. Улицкая. Медя и ее дети). Следует отметить, что формула обращения такого типа используется и у имен нарицательных: *Теть, а теть, зачем вы ее купили?* (Ю. Друнина. Алиска. НКРЯ); *Дядь, а дядь, у тебя печенки есть?* (Е. Замятин. На куличках. НКРЯ); *Дядь, а дядь! Стрельните!* (Ю. Казаков. Ночь. НКРЯ); *Там в коридоре веник стоит, гляди не убейся!.. Дед, а дед! Чем занимаешься в настоящее время?* (М. Мишин. Ступеньки. НКРЯ); *Баба, а баба, слышь? Они выезжают!* (В. Быков. Знак беды. НКРЯ).

В бытовых речевых жанрах функционируют не только обращения в формах личных имен, но и различные вокативные средства, в качестве которых выступают имена нарицательные, имена прилагательные и междометия, например: *Дядя, а кто был глупее, Маркс или Энгельс?* (С. Довлатов. Иная жизнь); *Я, бабуля, пойду спать. И тебе надо спать* (А. Сокуров. Александра. НКРЯ); *И все на свете в силах, Скажи, мой друг, скажи, мой милый...* (В. Маканин. Отдушина); *Эй, ты что, разве учитель?* (А. Геласимов. Ты можешь. НКРЯ).

Имена нарицательные со значением родственных отношений папа (папочка), мама (мамочка), дядя (дяденька), тетя (тетенька), бабушка

(дед, дедуля), бабушка (баба, бабуля), брат (браток, братец), сестра (сестричка, сестрица), дочь (доченька), сын (сынок), внук, внучка и т.п. могут употребляться в полном соответствии с поколением (возрастом) и/или статусом адресата «внутри семьи»: *Иду, иду, **папочка*** (к/ф «Отчий дом»); *Давай, **мать**, еще наливай, добавку мне!* (О. Павлов. Дело Матюшина); ***Дорогая сестра**, позволь мне поздравить тебя с днем твоего ангела и пожелать искренно, от души здоровья и всего того, что можно пожелать девушке твоих лет* (А. Чехов. Три сестры); *Ой, молчи, **дед**, ничего ты не понимаешь* (к/ф «Отчий дом»); *Он далеко живет, **доченька*** (В. Шукшин. Как заяка летал на воздушных шариках); *Не плачь, **сынок*** (В. Шукшин. Критики); *Ну, прощай, **внученька**, не забывай нас теперь. Пиши чаще, мы ждать будем* (к/ф «Отчий дом»).

Особого внимания заслуживает широкое употребление в обыденном речевом общении «вне семьи» форм обращения со стилистически сниженным оттенком, в том числе имен нарицательных с реляционным значением и междометий, таких, как эй, бабуля, дедуля, батюшка (батенька), папаша, мамаша, девонька, парень, малый, сынок, друг, дружок, браток, приятель, мужик, старик и т.д. Ниже приведена сводная таблица характеристик единиц обращения по их базовым апеллятивным дифференциальным параметрам (сокращения: м = мужской пол, ж = женский пол, н/м = апеллятив по данному параметру является немаркированным).

Дифференциальный параметр Единица обращения	Пол	Возраст	Степень знакомства (знакомство/ незнакомство)	Характер ситуации
Эй <i>Эй, держись! Держи-ись!</i> (В. Шукшин. Сильные идут дальше)	н/м	н/м	н/м	неофициальная (фамильярная)
Парень (паря) <i>Послушай, парень, у тебя ног- то нет</i> (В. Высоцкий. Жил я с матерью и батей)	м	молодой (17-35 лет); адресат младше говорящего или его ровесник	незнакомый	неофициальная
Детка <i>Поди-ка, детка, сюда, напои бабушку водичкой</i> (В. Куропатов.	н/м	малолетний (до 13 лет)	н/м	неофициальная (непринужденная)

Завтра в Чудиновом Бору. НКРЯ)				
Малый <i>Пиши, малый, записывай...</i> (С. Довлатов. Чемодан)	м	юный (13-21 год), адресат моложе говорящего	незнакомый	неофициальная
Сынок <i>Ты чего тут, сынок? Это моя могилка-то</i> (В. Шукшин. На кладбище)	м	юный или молодой (13-35 лет); адресат моложе говорящего	н/м	неофициальная (фамильярная)
Девонька <i>Ну что, девонька, плохо дело?</i> (Е. Попов. Голубая флейта. НКРЯ)	ж	юный или молодой (13-35 лет); адресат моложе говорящего или его ровесник	н/м	неофициальная (фамильярная)
Сестренка <i>Не стоит, сестренка. Иначе все разрушится, растает</i> (Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть. НКРЯ)	ж	молодой (17-35 лет); говорящий – нестарый мужчина (до 60 лет)	незнакомая	неофициальная (фамильярная)
Друг <i>А не сменил ли ты, друг, ориентацию здесь?</i> (С. Носов. Грачи улетели. НКРЯ)	м	н/м	н/м	неофициальная (дружеская)
Дружок <i>Ну, давайте же, дружок, не будем затягивать, позднее время, плюс к тому не мне объяснять в солидной аудитории правильный режим сна</i> (Л. Леонов. Пирамида. НКРЯ)	н/м	молодой (17-35 лет); говорящий считает адресата намного моложе себя	н/м	неофициальная (дружеская)
Дружище <i>Будем надеяться, дружище, что завтра ты проспишь в чемодане всю важную встречу</i> (Дина Рубина. Белая голубка Кордовы)	м	н/м	н/м	неофициальная (непринужденная)
Приятель <i>Ну, спасибо, приятель. Без тебя мне, пожалуй, пришлось бы плохо</i> (В. Короленко. Убивец. НКРЯ)	м	н/м	незнакомый	неофициальная (дружеская)
Брат (Братец) <i>Я, брат, завтра уезжаю, может, никогда не увидимся, так вот тебе мой совет</i> (А. Чехов. Три сестры)	м	адресат младше говорящего или его ровесник	н/м	неофициальная (дружеская)
Браток <i>Эй, браток, держись, сейчас тебя сдует вместе с этой тайной!</i> (В. Аксенов. Новый сладостный стиль. НКРЯ)	м	нестарый (до 60 лет); ровесник или младше говорящего	н/м	неофициальная (фамильярная+дружелюбие)
Братишка <i>Но ты, братишка, с ними поостроже. А то набегут</i>	м	молодой (17-35 лет)	н/м	неофициальная (фамильярная+)

(А. Геласимов. Степные боги. НКРЯ)				дружелюбие)
Батюшка (Батенька) <i>Э, для нас, батюшка, все равно, были бы денежки</i> (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны. НКРЯ)	м	н/м	н/м	неофициальная (фамильярная)
Батя <i>Артист ты, батя! Шестнадцать тонн глюкозы двинул!</i> (С. Довлатов. Виноград)	м	пожилой (свыше 55 лет); говорящий младше адресата	н/м	неофициальная (непринужденная+ почтительность)
Земляк (Землячок) <i>Дай, земляк, своего фрака надеть, мой-то, видишь ты, пообтерся немного...</i> (И. Гончаров. Обломов)	м	н/м	н/м	неофициальная (фамильярная+ дружелюбие)
Мужик <i>Чего-то тебе, мужик, другого надо: малый мой как помер, так и кончился</i> (А. Платонов. Чевенгур)	м	н/м	незнакомый	неофициальная (фамильярная+ пренебрежение)
Старик (старичок) <i>Можешь ли ты, старик, достать мне лошадей до Жадрина?</i> (А. Пушкин. Метель)	м	Немолодой (свыше 60 лет)	н/м	неофициальная (фамильярная)
Дядя (Дяденька) <i>Дай, дай прикурить, дядя!</i> (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича)	м	Зрелый или пожилой (35-60 лет)	н/м	неофициальная (фамильярная)
Тетя (Тетенька) <i>Тетенька, свесьте мне гуляш. Двести грамм!</i> (М. Аромштам. Мохнатый ребенок. НКРЯ)	ж	Зрелый или пожилой (35-60 лет)	н/м	неофициальная (фамильярная)
Дедуля (Дедушка) <i>А ваше мнение, дедушка, меня не интересует</i> (к/ф «Отчий дом»)	м	Немолодой (свыше 60 лет)	н/м	неофициальная (непринужденная)
Бабуля (Бабушка) <i>Бабуля, ты всю сводку криминальную прочитала за неделю?!</i> (Н. Коляда. Клуб брошенных жен)	ж	немолодой (свыше 60 лет)	н/м	неофициальная (непринужденная)
Отец <i>Век тебя не забуду, отец</i> (В. Шукшин. Охота жить)	м	немолодой (свыше 60 лет)	н/м	неофициальная

Мать <i>Дело даже не в нас, мать, ты пойми</i> (В. Шукшин. Материнское сердце)	ж	немолодой (свыше 60 лет)	н/м	неофициальная
Папаша <i>Вы, папаша, помните, как в мирное время было?</i> (В. Гроссман. Жизнь и судьба)	м	пожилой (свыше 55 лет)	н/м	неофициальная (непринужденная+ фамильярность)
Мамаша <i>Знаете, мамаша, если вам так дороги эти люди...</i> (В. Астафьев. Пролетный гусь)	ж	пожилой (свыше 55 лет)	н/м	неофициальная (непринужденная+ фамильярность)
Матушка <i>Тебе, матушка, все тяжело. Не молодая, да и сердечная</i> (И. Грекова. Летом в городе)	ж	пожилой (свыше 55 лет)	н/м	неофициальная (+уважительность)

Комментарий: обращение старик было таким, каким оно представлено в таблице, но в современной речи оно может употребляться и по отношению к молодому собеседнику, например, в студенческой среде. Та же тенденция наблюдается в связи с употреблением обращения **мать**: в современной речи это вполне нормальное обращение к молодой женщине в неформальной обстановке. Слово **земляк** (**землячок**) может быть использовано по отношению как к уроженцу одной с говорящим местности, равному или низшему по положению, когда оба (говорящий и слушающий) находятся вдали от родного места, так и к незнакомому мужчине в качестве дружеского и фамильярного обращения: *Земляк, нет ли закурить?* (А. Новиков. Причина происхождения туманностей. НКРЯ). Сегодня оно может применяться как фамильярное обращение к соотечественникам своего социального круга: *Ну, здорово, земляк! Зазнался, что ли?* (О. Павлов. Дело Матюшина).

Кроме того, заслуживает упоминания стилистически нейтральное обращение – имя нарицательное **няня** (**нянька**, **нянечка**), которое функционирует и «внутри семьи» как обращение, указывающее на статус и/или роль адресата в семье – женщина или девушка, занимающаяся уходом за ребенком, за детьми (*Нянечка, дай ему пирога.* А. Чехов. Три сестры), и

«вне семьи» в качестве обращения к санитарке/уборщице в лечебном учреждении (*– И так тесно, ребенку дышать нечем, а она этакую нечисть в дом притащила! – Да что вы, нянечка, они чистенькие!* Е. Ильина. Четвертая высота).

Носители современного русского языка не склонны использовать «внутри семьи» формы обращения дядя (дяденька), тетя (тетенька). Если раньше эти обращения (часто и в сочетании с личным именем) применялись либо к старшим лицам по родственной линии (*дядя Ваня*), либо к другу (подруге) родителей (*тетя Таня*), то сегодня они употребляются с ограничениями: можно сказать, что в соответствующих ситуациях *дядя Вася* является стилистически нейтральным вариантом обращения племянника к дяде, *Вася* – интеллигентной формой, а *дядя* оказывается просторечным (ср.: *Я, тетенька, не злопамятен.* А. Островский. Бесприданница). Теперь вместо дяди и тети используется личное имя «внутри семьи», которое сочетается с обращением на «ты», и форма «имя-отчество» или просто имя «вне семьи», сочетающиеся с обращением на «вы». При незнании говорящим имени собеседника принято использовать безличное обращение типа «извините...», «простите...», «будьте добры...», «скажите, пожалуйста» и т.д.

Можно заметить, что в современной русской речи применение форм обращения дядя (дяденька), тетя (тетенька) часто связано с иронией и/или пренебрежением, которые находят свое отражение в следующих контекстах: *Молодые, те даже подсмеиваться стали. – Ты, дядя... шибко уж на слезу жмешь. Ты б чего-нито повеселей. – Жиганье, – обиженно говорил Ганя. – Много вы понимаете!* (В. Шукшин. В воскресенье мать-старушка); *Здравствуй, здравствуй, дядя мордастый* (Н. Коляда. Клуб брошенных жен). Усиленная насмешка и пренебрежение могут выражаться не только в обращении, но в простом наименовании. Так, сотрудница Госдумы РФ, которая, по свидетельству студента-практиканта, управляла голосованием депутатов, во время которого три четверти депутатов отсутствовали на своих местах, а оставшиеся играли в карты и в айпад, обозначена следующим

образом: *В стране все решает **толстенькая тетенька в красном**...Поэтому на вопрос «Где ваши деньги?» знайте, что их зажала эта **тетенька в красном**, по указке которой все поправки на повышение были завалены* (ТВ. 05.06.2011).

Нередко наблюдается негативный отклик на эти обращения, в особенности со стороны женщин: *...никогда не забуду...сын одной знакомой называл меня **тетя Наташа**, и все было нормально, пока он маленьким казался, к слову, разница в возрасте у меня с этим мальчиком 7 лет. Я только родила, а Толик за год вырос почти до 2-х метров и приобрел абсолютно мужской бас. Иду, значит, с коляской, гуляю, как догоняет меня этот «детинушка» и заорет своим басом на всю улицу: «**Тетя Наташа, здравствуйте!**» Я сначала испугалась, а потом так стыдно стало, что этот уже мужик называет меня **тетя*** (URL: https://deti.mail.ru/forum/nashi_deti/ot_chetyrjoh_do_semi/obrashhenie_tetja_djadja_ili_prosto_po_imeni_vashe_mnenie/ – дата обращения 18.12.2017); *А еще меня иногда коробит, когда мамы деткам говорят: «Смотри какая **тетя!**»* (URL: <https://www.stranamam.ru/post/454761/> – дата обращения 18.12.2017). Можно сказать, что в наши дни дядя (дяденька), тетя (тетенька) как формы обращения в устах ребенка звучат нейтрально, а взрослыми употребляются с определенной целью, в особенности когда говорящий в родственной связи со слушающим не состоит и племянником ему не приходится. Таким образом, выбор этих форм говорящим (если он не имеет определенной интенции) чреват текстопорождающими последствиями, т.е. ответной репликой обиженного собеседника, вызванной коммуникативной безответственностью говорящего.

Вместе с тем широко применяются формы обращения, выделяющие более высокий в сравнении с лицом-субъектом социальный статус лица-адресата, например: *Ну и ружья у тебя, **хозяин**, из такого ружья по динозаврам бить, да и то в упор* (С. Довлатов. Солдаты на Невском); – *Не надо акта, Иван Петрович, сами разберемся. – Очень хорошо, **председатель***

колхоза (к/ф «Отчий дом»); *Каких людей мы теряем попусту, начальник!* (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. НКРЯ); *Если вы, шеф, не торопитесь, то я пойду закажу кофе* (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. НКРЯ). Уместно отметить, что в обращениях, подчеркивающих высший социальный статус или профессионально-должностное положение собеседника, не только отображается скромный и вежливый имидж говорящего, но и наблюдается «защита статусных прав партнера» [Крылова 2006: 397].

Итак, широкое употребление разнообразных стилистически сниженных вариантов обращения, ориентированных на сокращение межличностной дистанции, и живое функционирование вокативных средств, соблюдающих статусную дистанцию, позволяют признать, что в русской коммуникативной культуре «защита территории партнера не играет такой решающей роли, как защита его статусных прав» [Крылова 2006: 397]. В силу этого требуется соблюдение социальной дистанции при обращении к вышестоящему по социальному статусу лицу, тогда как «забота о неприкосновенности территории партнера не входит в разряд типов позитивного отношения, расцениваемых в русском наивном этикете как принципиально важные для успешного социального контакта» [Там же: 398], что приводит к частому безвредному вторжению в личную сферу даже при обращении к собеседнику в обыденных коммуникативных ситуациях.

В бытовой речи нередко используются вокативные имена нарицательные с оценочным значением, например: *Завидую. Можешь это понять, светлая голова?* (к/ф «Отчий дом»); *Вылезай, трусиха* (О. Некрасова. Платит последний); *Не выходи; тебя, дуся, никто не неволит...* (А. Чехов. Вишневый сад); *Но, зайчик, хотя это все и крайне печально, нет худа без добра, как говорится* (А. Рыбин. Последняя игра). В вокативных словах с оценочным значением заключены и иллокутивная цель, и эмоциональное состояние говорящего. При помощи таких слов (наряду с интонацией, инверсией) производится эмоциональное воздействие

на адресата, основанное на его одобрении или порицании.

Субъект речи выбирает из своего арсенала аксиологических единиц самую подходящую в соответствии со своим эмоционально-оценочным отношением (ласковым, дружеским, умиленным, шутливым, ироническим и др.) к слушающему, которое формируется в определенной коммуникативной обстановке. Употребление данных слов в качестве обращения может рассматриваться как фатическое речевое поведение, которое «получает типологическое значение как речевая деятельность особого рода, совершающаяся в рамках установленных правил поведения; как специфического рода занятие, но занятие не профессиональное, провоцируемое когнитивными интенциями, а занятие социальное, провоцируемое этикетно-коммуникативными интенциями и осуществляющееся в жанровоограниченных ситуациях» [Винокур 1993: 10].

Класс имен нарицательных в функции обращения с дополнительным оценочным значением можно отнести к тем жанрам, которые Н.Д. Арутюнова назвала «праздно-речевыми» [Арутюнова 1992а]. По мнению Н.Д. Арутюновой, «праздно-речевая деятельность соответствует разным вариантам фатической коммуникации. Она не имеет непосредственной цели, но очень важна как регулятор психического состояния людей, их взаимоотношений; она развивает художественные задатки, тренирует интеллектуальные способности» [Там же: 55]. Однако совершенно особое место в этих жанрах занимают слова с ярко выраженной пейоративной оценкой, поскольку осложнение обращения отрицательной оценкой представляет собой не только безответственное, но и социально опасное речевое поведение, а речевой акт с такой экспрессивной окраской квалифицируется как оскорбление.

2.2. Формы обращения в научных, деловых и публицистических речевых жанрах⁴

При изучении функционирования разновидностей русского литературного языка нельзя игнорировать сферу использования устной речи публичного характера, т.е. речи, которую мы слышим на деловых или научных собраниях, конференциях, по радио или телевидению, иначе говоря, речи, развертывающейся в официальных ситуациях, предписывающих употребление речевых стандартов. Однако, как пишет О.А. Лаптева, «задачи направленности этой речи в адрес широкой аудитории и факторы содержательного плана делают ее интеллектуализированной и потому в высокой мере соотносительной с соответствующим письменным текстом – научным, публицистическим, деловым и т.д. Устная же форма осуществления требует ее соотнесенности со звучащей речью бытового содержания, где в полной мере реализуются особенности спонтанного, линейно организованного во времени речевого потока» [Лаптева 1978: 24].

Для анализа форм обращения, функционирующих в публичной речи (в научных, деловых, публицистических речевых жанрах), необходимо учитывать такие факторы, как личность говорящего, степень его профессиональной компетенции, уровень общей культуры, возрастное соотношение говорящего и аудитории, их социально-профессиональную неоднородность и, конечно же, тему публичного выступления. Все это непосредственным образом влияет на язык, на отбор речевых средств, на выбор конкретной формы речи, в том числе формы обращения.

Пристального внимания заслуживают изменения, произошедшие с обращениями товарищ, гражданин, гражданка и господин, госпожа, дамы и господа, которые с большой частотностью функционировали или функционируют в официальных ситуациях. В дореволюционной России

---

⁴ При написании параграфа использовались материалы статьи автора диссертации: **Юй Исин**. Направление развития современного русского обращения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия "Русская филология". 2017. № 4. С. 58-67.

слово **господин** было формой вежливого или официального обращения к мужчине привилегированного сословия, которая применялась преимущественно низшими по положению по отношению к незнакомому мужчине: *Господин, позвольте вас попросить с дороги* (Л. Толстой. Война и мир). А слово **госпожа** употреблялось как почтительное и официальное обращение к даме, но чаще в сочетании с фамилией: *Успокойтесь, госпожа Терновская. Я убежден, что Николай жив* (Л. Андреев. К звездам). После Октябрьской революции обращения **господин**, **госпожа**, **дамы** и **господа** вытеснились и стали активно использоваться обращения **товарищ**, **гражданин**, **гражданка**, которые имеют в своем значении идеологический оттенок. В перестроечные годы, т.е. с начала 90-х годов прошлого века, обращение **товарищ** постепенно исчезает из речи носителей русского языка, а **гражданин** и **гражданка** остаются только в речи, звучащей в правовой обстановке. Обращения **господин**, **госпожа**, **дамы** и **господа** снова стали применяться в определенных ситуациях (в основном в публичной речи). М.А. Кронгауз считает, что «следует говорить не о замене одних обращений другими, а о замене одной системы обращений на другую [Кронгауз 1999: 127].

Отмечено, что формы обращения в ситуациях официального общения оказываются более однородными, чем в неофициальных, бытовых ситуациях. В научных, деловых и публицистических речевых жанрах в качестве обращения чаще всего встречаются имена нарицательные с реляционным значением, обозначающие коллектив (**коллеги**, **дамы** и **господа**, **друзья** (**мои**), **уважаемые граждане**), имена нарицательные множественного числа с ролевым значением (**посетители**, **покупатели**, **пассажиры**, **радиослушатели**, **абоненты**, **туристы**), которые служат формами обращения не самостоятельно, а с «вокативизирующими средствами» – политесными прилагательными **уважаемые**, **дорогие**, **милые** и др., из которых слово **уважаемые** больше всего подходит к официальной обстановке: *Уважаемые посетители, убедительно просим вас бережно*

относиться к имуществу торгового центра! (объявление торгового центра «Виктория Плаза», 2014); *Уважаемые жильцы!* Уведомляем о том, что завтра утром, с 8 до 11, в вашем доме будет осуществляться проверка отопительного оборудования. Убедительная просьба находиться в данное время дома (URL: <http://www.prodaznik.ru/article/ubeditelnaya-prosba-kak-sostavit-khoroshee-obyavlenie> дата обращения – 22.12.2017); *Уважаемые абоненты,* в связи с переходом на новую биллинговую систему произошли изменения в настройках доступа к Интернету (URL: <https://refdb.ru/look/2725875.html> дата обращения – 22.12.2017).

Слово **граждане** в современной публичной речи может выступать в качестве обращения самостоятельно, наглядным примером является стандартный призыв: *Граждане, будьте бдительны!* Однако это слово как обращение используется чаще в сочетании с прилагательным **уважаемые**: *Уважаемые граждане!* Сообщаем, что 30.01.2017 будет производиться прием документов в комиссию по признанию иностранного гражданина носителем русского языка по адресу... (URL: <https://92.мвд.пф/news/item/9359193> дата обращения – 22.12.2017). По мнению Т.Е. Янко, «вокативизирующие средства языка превращают “плохие” обращения в “хорошие”, снимают многие ограничения и запреты на употребление именной группы в вокативной функции», они употребляются «не только тогда, когда слушающий действительно мил и дорог говорящему или уважаем (глубоко уважаем) им» [Янко 2011: 243]. Но форма **уважаемые граждане** все равно звучит как-то «по-милицейски». В научных и деловых ситуациях в качестве обращения к коллективу принято использовать слово **коллеги**. Форма **друзья (мои)** содержит дружелюбный смысловой компонент.

Словосочетание **дамы и господа** в качестве общего обращения к группе людей разного пола рассматривается многими как коммуникативно и стилистически нейтральный вариант, подходящий к использованию в любых официальных ситуациях. Однако П.А. Клубков считает, что лучше не использовать обращение **дамы и господа**. Это неудачная калька, буквальный

перевод с английского. Английское “Ladies and gentlemen!” и французское “Mesdames et messieurs!” как обращение к разнополой аудитории неизбежны, потому что леди не входят в число джентльменов, а мадам ни в коем случае нельзя назвать месье. По-русски же слово *господа* в равной степени соотносится с формами единственного числа *господин* и *госпожа*. “Госпожа” входит в число “господ” точно так же, как студентки входят в число студентов» [Клубков 2004: 165]. Из этого следует, что слово **господа** можно рассматривать как наиболее общепринятый вариант обращения к разнополой аудитории, например: *И в этой ситуации даже просто приезд в Москву кого-то из вас, господа, значительно облегчил бы эту задачу* (РИА Новости, 05.12.2017).

Можно заметить, что в настоящее время в публичной речи в качестве обращения к индивидууму используется как форма «имя-отчество» (*Наталья Владимировна, если Вы не возражаете, мы начнем с Вашего выступления* – Запись дискуссии 2008), так и слова **господин/госпожа** в сочетании с фамилией, званием, наименованием должности или рода занятий: *Так что не отчаивайтесь, господин Улюкаев, берегите здоровье* (Эхо Москвы, 16.12.2017); *Уважаемый господин Председатель!* (С. Лавров. Выступление на сессии ОИК // Дипломатический вестник, 2004. НКРЯ); *Господин директор, моя борода не отросла за два дня, я уже давно ношу бороду такой длины* (РИА Новости, 14.12.2017).

Особого внимания заслуживает тот факт, что в настоящее время происходит постепенное отклонение в использовании форм обращения в публичной речи от выработанной узусом нормы. В официально-деловых речевых жанрах – в деловых разговорах, на деловых совещаниях, в деловых письмах и т.п. – обычно обращаются друг другу по имени-отчеству. Однако сегодня в деловых ситуациях нередко обращаются к слушающему или представляют себя по имени, но без отчества, например: *Дмитрий, Вы понимаете, что государство все свои обязанности взвалило на плечи бизнеса* (Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым, 2010-2011).

НКРЯ); *Алла, вы же психолог, должны понимать, что существует целый ряд как объективных, так и субъективных критериев развития личности...* (Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым, 2010-2011. НКРЯ); *Очень приятно, меня зовут **Николай*** (самопредставление сотрудника турагентства), ***Ольга, называть меня можно только **Ольга***** (самопредставление русской женщины, служащей в Русском культурном центре в Пекине).

Уместно отметить, что слушающий, который владеет этикетными нормами, может и не принять такого обращения или самопредставления. Как пишет Н.И. Формановская, «величание по отчеству – возвеличивание с помощью демонстрации уважительного отношения. Убирая отчество из именованного человека, мы как будто снимаем элемент уважительности и еще что-то неуловимое» [Формановская 2004: 73]. Вместе с тем «в современной речи как в деловых ситуациях, так и в СМИ употребляются без каких бы то ни было ограничений такие формы личных имен, как *Надежда, Константин, Владимир* и т.п.» [Юй 2017в: 60–61]. «Еще пятнадцать лет назад невозможно было вообразить себе ситуацию, что человека без всякой иронии в разговоре назовут Александром или Константином <...> Это было бы претенциозно, чопорно и даже жеманно» [Кронгауз 2012: 230].

В отличие от научных и деловых речевых жанров, формы обращения в публицистических жанрах – в программах по радио и на телевидении, в дискуссиях и репортажах, размещенных в газетах и журналах, в публичных объявлениях и рекламе – функционируют с гораздо большим разнообразием и в большей степени уклоняются от установленной нормы. Во-первых, в современных СМИ часто наблюдается нарушение правил употребления формы «имя-отчество», когда отчество исключается из называния официального лица. В СМИ существуют ситуации, когда обращаются к собеседнику или представляют себя только по имени (возможно, уменьшительному): – *Добрый вечер, **Макс!*** – *Добрый вечер, **Александр*** (Эхо Москвы, 30.11.2017); ***Светочка, дорогая. Мы лично не знакомы, но я***

несколько раз видел Вас по телевизору в храме Христа Спасителя, где Вы стоите со свечкой такая набожная, молодая, интеллигентная и красивая (Радио Свобода, 02.10.2017), а также когда происходит несанкционированный переход с официальной формы обращения на неофициальную, например, в рубрике «Диалоги» журнала «Esquire» (декабрь 2017, с. 73–76) ведущий в начале разговора обращается к собеседнику по форме *Ксения Анатольевна*, затем заменил ее на одно имя *Ксения* без разрешения адресата. Подобный случай в публичных диалогах нередко происходит «особенно в отношении адресата косвенного, вторичного, опосредованного, каковым является масса телезрителей, радиослушателей, читателей газет» [Формановская 2004: 73].

«При этом Н.И. Формановская считает вполне оправданным обозначение официального лица без отчества при условии, что это лицо хорошо известно социуму [Формановская 2004: 74], например, *Владимир Маяковский, Марина Цветаева, Михаил Горбачев, Борис Ельцин, Владимир Путин*. Однако при обращении к официальному лицу в диалоге или полилоге может использоваться только официально принятое обращение, т.е. по имени-отчеству» [Юй 2017в: 60]. Что касается способа самопредставления, то в официальном пространстве наблюдается форма «имя без отчества»: так, одна из участниц антифашистского марша 2014 г. представила себя в интервью таким образом: *Меня зовут **Наталья*** (Радио Свобода, 19.01.2017). «Можно заметить, что такое самопредставление, хотя и не соответствует официальности ситуации общения, представляющей собою публичный диалог, тем не менее оно возможно» и не имеет ненужных коннотаций «при одном условии: если говорящий является достаточно молодым человеком» [Там же].

Во-вторых, «в последние десятилетия некоторые формы обращения со стилистически сниженным оттенком из разговорной речи входят в сферу публицистических речевых жанров. Можно привести следующие примеры: *Потерпите, мужики, до воскресенья* (Радио Свобода, 13.11.2014); *Дорогие люди, срочно помогите решить химию!!! Очень надо!!*

(URL: <http://znaniya.com/task/8279374> – дата обращения 28.10.2014). Имена мужики и люди как формы обращения к некоторому коллективу имеют просторечный и фамильярный оттенки. Они употребляются в сегодняшних новостях и рекламе, играют важную роль в усилении воздействия на чувства зрителей, слушателей и читателей» [Юй 2017в: 62].

Кроме того, в публицистических жанрах распространяются обращения, в которых присутствуют непринужденный, дружеский и даже шуточный оттенки: *Через весь этот сюжетный ряд идет вопрос: **парень**, чего там тебе было надо?* (В условиях реального времени // Культура, 15.03.2002. НКРЯ); *Да ну что Вы, извольте, **батенька**, да ну почему же вы думаете, что от вашего бюллетеня что-то зависит...* (Запись «LiveJournal», 2004. НКРЯ); ***Старик**, ты же понимаешь, где мы работаем* (Радио Свобода, 07.12.2011). Следует уделить особое внимание и тому факту, что в сегодняшней публичной речи наблюдается использование вокативного средства *Эй*, которое, как отмечалось выше, придает апеллятиву довольно фамильярный, просторечный (возможно, иронический) оттенок: ***Эй, россияне**, ну-ка назад, быстро все, вместе с оружием, оружие сдайте обратно в военторги* (Эхо Москвы, 12.12.2017); ***Эй, дорогие одноклассники и выпускники синегайской школы!** Давайте находитесь, откликайтесь, расшифровывайтесь* (URL: <https://proshkolu.ru/user/ivancovanina/blog/305789/> – дата обращения 24.12.2017). Но в пылу «творческого», непринужденного применения формул русского обращения журналисты нередко «игнорируют этические и эстетические табу, пренебрегая содержательным замыслом» [Ляпун 1998: 48], что ведет к вульгаризации публичной русской речи.

Внимания заслуживает и употребление некоторых «слов с низким вокативным потенциалом» [Янко 2011: 242]: *Здравствуйте, **Клиент**, интернет-магазин «Купи-продай» поздравляет вас с Новым 2018 годом* (Эхо Москвы, 15.12.2017); ***Чиновники, психологи**, вы вообще с темой знакомы или просто очковтирательством и имитацией бурной деятельности заняты?* (Огонёк. 2017, № 48. С. 7). Обращениями в приведенных высказываниях

оказываются названия лица/лиц по роли, роду занятий, профессии (*клиент, чиновник, психолог*), которые функционируют как обращения обычно с политесным прилагательным или с другими определениями. Такое отклоняющееся от нормы употребление вокативных средств связано с прагматическими установками, такими, как прямое выражение искреннего пожелания слушающим, в которых видят потенциальных клиентов, в первом случае и демонстрация пренебрежительного отношения и негативной оценки по отношению к адресату во втором.

Считается, что, «когда языковые единицы обогащаются экспрессивными, эмоциональными и оценочными компонентами, которые дополняют соответствующий семантический потенциал, реализуется экспрессивная функция языка и стилистическая функция речевых единиц» [Пахомова 2008: 73]. Можно утверждать, что имена, не предназначенные для обращения, но выполняющие эту функцию окказионально, непременно выражают негативные интенции говорящего (самая безобидная из них – ирония), которые хорошо распознаются слушающими (ср.: *Товарищи учёные! Доценты с кандидатами!* В. Высоцкий). Отрицательная оценка в данном примере выражается далее – разновидностью репрезентатива: *Замучились вы с иксами, запутались в нулях.*

В-третьих, сферы употребления в составе обращения таких прилагательных, как *уважаемый, дорогой, милый, любимый*, и их смысловые оттенки в последние десять лет заметно изменились. Так, «*уважаемый* теперь может использоваться самостоятельно в качестве единицы обращения. В некоторых ситуациях это обращение до какой-то степени теряет уважительный оттенок, обусловленный его внутренней формой, что приобретает шуточный, а нередко и иронический оттенок: *Уважаемый, здесь идет серьезная работа, во избежание разного рода провокаций, пожалуйста, пойдите домой, отдохните, протрезвеете, если захотите, подключитесь к нам* (Радио Свобода, 29.11.2004)» [Юй 2017в: 62]; *Уважаемый, – говорят этому сумасшедшему, – может быть, вы не будете*

терпеть? Да сколько можно? Ваше сердце сжимается в железное кольцо. Решите эту проблему! Сбросьте с себя это ужасное иго. Вставайте. Двигайтесь (Эхо Москвы, 27.10.2017).

«“Интимные” прилагательные **дорогой, милый, любимый** вошли в активное употребление в разного рода текстах публицистических жанров речи, например, в афишах, рекламе, газетных объявлениях, теле- и радиопередачах и т.д.: *Если бы мой друг был членом движения за развитие суверенной демократии В.В. Путина, то аренду за его маленькую двухкомнатную квартиру в Париже оплачивали бы ваши налоги, **дорогие мои патриоты-соотечественники**, а квартира у него была бы другая и в другом районе* (Радио Свобода, 09.08.2014)» [Юй 2017в: 62–63]; *Прошу вас, **дорогие владыки и отцы**, с усердием возносить на каждой Божественной литургии молитву о мире на Украине и призывать к прошению о том же и в домашнем молитвенном правиле ваших прихожан* (РИА Новости, 21.12.2017).

Как отмечает М.А. Кронгауз, «под влиянием английского *dear*, которое наиболее нейтрально, но переводится на русский именно как “дорогой”, последнее стало вытеснять “уважаемый”» [Кронгауз 2012: 249]. «Обращения **милый** и **любимый** содержат в себе более дружеский и интимный смысловой оттенок, но они, как и **дорогой**, теперь возможны и “на публике”» [Юй 2017в: 63]: ***Милые девушки!** С праздником! Мы приготовили для вас подарки и... скидки...* (Эхо Москвы, 15.12.2017); ***Любимый!** Передаю тебе привет от всех нас! Радио «Романтика», поставьте, пожалуйста, для Константина песню Ньюши “Чудо”* (Радио, 29.03.2015)» [Там же].

В-четвертых, «поскольку в английском языке в форме личного местоимения второго лица единственного числа *you* разница между **вы** и **ты** отсутствует, под влиянием американской и английской этикетных культур носители русского языка в бытовой обстановке часто не строго разграничивают **вы** и **ты**» [Юй 2017в: 63]. Поэтому теперь как в публицистических, так и в деловых речевых жанрах можно нередко услышать обращение к адресату на «ты».

«Показателен пример из полилога радиопередачи «Эхо Москвы» (Эхо Москвы, 12.03.2017). Один из трех ведущих данной программы обращался несколько раз к собеседнику на «ты»: (1) *Нет, Нарышкин, тогда ты не понял, почему была такая позиция у Голландии;* (2) *Ты переворачиваешь то, что я сказал;* (3) *Алеша, ты вопрос задал слушателем?* И при этом говорящий называл адресата речи либо фамилией, либо уменьшительной формой полного имени. Также обращает на себя внимание и такой контекст из интервью, которое берет корреспондент у лица, старшего по возрасту (Радио Свобода, 12.03.2017): дающий интервью человек сразу просит обращаться к нему на «ты», говорит, что пускает к себе только друзей, а с друзьями «выкаты» невозможно, вследствие чего корреспондент в последующей беседе обращался к нему на «ты»: *Почему ты живешь не в доме, а в хозяйственной постройке? Ты собирал какие-нибудь материалы для этого несостоявшегося музея?»* [Юй 2017в: 63–64].

«В большинстве случаев при помощи «несанкционированного переключения с социальной дистанции на персональную или интимную» [Крылова 2006: 252] говорящий стремится перейти границы «свой» и «чужой», причислить к «своим» адресата речи и тем самым приобрести у последнего расположение и поддержку» [Юй 2017в: 64]. Как отмечает Е.Е. Корнилова, «эффективное воздействие на разум и чувства зрителя, завоевание его доверия, <...> преодоление социально-психологических и коммуникативных барьеров в телепрограммах невозможно воплотить за рамками культуры речи» [Корнилова 1998: 44].

Считается, что «общение на “ты” или на “вы” – это вопрос личного выбора, и тут все может быть очень по-разному» [Левонтина 2016: 182]. Для кого-то лучше заменить «пустое “вы” сердечным “ты”» [Там же], а по мнению других, переход с «вы» на «ты» не имеет никакого значения. При этом можно заметить в сегодняшней бытовой речевой коммуникации наличие «асимметричной ситуации» [Там же], когда один «тыкает», а другой «выкает». Это специфичное явление, которое наблюдается и в публичной речи. «В ...

примере из радиопередачи «Эхо Москвы» в ответ на «тыкание» собеседника двое других ведущих в ходе целой программы обращались к нему только на «вы», что может объясняться тем, что говорящий, который «тыкает», либо ожидает от собеседника ответного панибратства, либо по возрасту старше адресата и/или по положению в студии выше. Он вне ситуации программы «тыкает», принимая собеседника за младшего брата и/или новичка, а потом так и повелось даже в эфире, хотя в официальном публичном диалоге социальную дистанцию следует соблюдать» [Юй 2017в: 64].

Причины зафиксированных в современной русской речи отклонений от устоявшихся норм и правил в выборе и употреблении этикетных формул (в частности, форм обращения) состоят, по мнению исследователей, в следующем [Юй 2017в: 64–65]: во-первых, «демократизация общества повлекла за собой отказ от определенных форм цензуры, <...> что обусловило сближение книжной и разговорной речи в эфире, демократизацию языка, невозможность “чистки” ошибок в интервью» [Корнилова 1998: 45]; во-вторых, после распада СССР усилилась внешняя открытость России, и «под влиянием распространения в России английского языка и западноевропейской культуры русский речевой этикет в какой-то степени подвергается воздействию американской и английской этикетных культур» [Ван 2008: 31–32]; в-третьих, это тенденция «развития презумпции коммуникативного равенства адресанта и адресата» [Федосюк 1998: 3], которая воплощается в разновидностях публицистического стиля, где произошло «заметное сокращение частоты употребления целого ряда риторических фигур, в том числе риторического обращения, которые придавали речи оттенок торжественности и тем самым противопоставляли адресанта адресату» [Там же].

2.3. Формы обращения в литературно-художественных жанрах

М.М. Бахтин обращает внимание на «крайнюю разнородность речевых жанров» и «существенное различие между первичными (простыми) и вторичными (сложными) речевыми жанрами» [Бахтин 1979: 239], полагая,

что «первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям» [Там же]. К числу типичных вторичных речевых жанров можно отнести литературно-художественные произведения, в том числе романы, повести, рассказы, драмы, пьесы и т.д. Реплики бытового диалога в прозе сохраняют свою форму и значение лишь в плоскости содержания прозы, входят в реальную действительность только как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни.

При этом в своей статье «Как я понимаю рассказ» В.М. Шукшин пишет, что «нельзя, наверно, чтобы писатель-рассказчик отвлекался от своего житейского опыта в сторону “чисто” профессиональную. В стороне “чисто” профессиональной легче запутать следы, скрыть, что тебе, собственно, нечего рассказать <...> Человеческие дела должны быть в центре внимания рассказа <...> Дела же человеческие, когда они не выдуманы, вечно в движении, в неуловимом вечном обновлении. И, стало быть, тот рассказ хорош, который чудом сохранил это движение, не умертвил жизни» [Шукшин 2017: 8–9].

Обращение, как отмечает Е.В. Клобуков, «называет адресата речи. Номинативная, именующая функция обращения признается одним из его конститутивных признаков и соединена с функцией модальной, акто-речевой» [Клобуков 1986: 88]. По результатам исследования Е.В. Клобукова, номинатив обладает широким спектром значений диктального и модального типов, которые осуществляются в соответствии с определенными закономерностями позиционного распределения [Там же: 94]. В силу этого можно заметить, что номинатив может служить «строевым компонентом текста» [Там же: 102], в частности 1) в инициальной позиции некоторых видов текстов в качестве апеллятива: *Войди, Аполит, войди!* (А. Островский. Не всё коту масленица); 2) в качестве вкраплений в текст повторяющихся именованных адресата, в которых содержится фатическое акто-речевое значение, с целью интимизации коммуникации: – *С двора-то его сбить, а*

там режься, сколько душе угодно! – Нет, дяденька, эти шутки надо вам оставить; у нас с вами всурьез пошло (А. Островский. Не всё коту масленица). А в художественных текстах возможна «псевдоадресация с целью экспрессивности текста» [Там же: 103]: *О вы, почтенные, старые тени, которые носитесь в ночную пору над этим озером, усыпите нас, и пусть нам приснится то, что будет через двести тысяч лет!* (А. Чехов. Чайка)

В исследовании и моделировании коммуникативных стратегий А.П. Чехова А.Д. Степанов выделяет две коммуникативные цели фатики: первая из них – это «общение ради общения, обмен словами, который способствует общности людей и не преследует иных, практических целей» [Степанов 2005: 292]. Вместе с тем «“общение” может способствовать либо улучшению, либо поддержанию, либо ухудшению отношений собеседников» [Там же]. Вторая цель – это «установить, а затем либо продлить, либо прервать общение, то есть проверить, работает ли канал связи, а также для того, чтобы привлечь внимание собеседника и удержать его в случае надобности» [Там же: 293].

Можно заметить, что в литературно-художественных текстах воспроизводятся разнообразные жизненные сценарии – бытовые, научные, деловые и т.п., с которыми коррелируют соответствующие речевые жанры. Так, в жанрах художественной литературы функционируют и различные жанрово закрепленные формы обращения. В современном русском языке, где звательный падеж был утрачен, классическое (чистое) обращение имеет свою грамматическую форму (это именительный падеж существительного, номинатив) и свою функцию – призывную, контактоустанавливающую. Но, помимо функции собственно апеллятивной (призывной), у обращения есть функция контактоподдерживающая. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «в апеллятиве могут употребляться, а иногда и сочетаться идентифицирующие и предикатные (субъектно-оценочные) дескрипции» [Арутюнова 1999б: 115]. «Апеллятивы создают промежуточную между идентифицирующей и

предикатной номинацией зону семантики, сочетающей черты этих двух принципиально разных типов имен. Они осуществляют переход от идентифицирующей, объективной семантики к семантике субъективного типа» [Там же: 119]. В качестве обращения широко используются имена нарицательные определенных лексико-семантических классов. Если они стилистически нейтральные или эмоционально положительно окрашенные, то обращение остается обращением: *Красавицы, выходите-ка на подиум.*

Особая функция обращения во многом зависит от лексического заполнения позиции обращения. Так, в директиве *Сволочи, выходите по одному* обращение прирастает пейоративной оценкой и превращается в оскорбление. На этом лексико-семантическом основании все обращения по их коммуникативно-прагматическим функциям можно разделить на **обращения-вокативы** (контактоустанавливающие), **обращения-контактивы** (контактоподдерживающие) и **обращения-деструктивы** (контакторазрушающие).

Обращения-вокативы составляют онимы, имена нарицательные с ролевым и реляционным значениями, местоимения, предложные словосочетания и междометия. Оценочные лексемы (имена прилагательные, имена нарицательные с оценочным значением (наряду с местоимением второго лица)) в качестве обращения в большинстве случаев обладают контактоподдерживающей и контакторазрушающей функциями (вряд ли лексемы с пейоративной оценкой могут способствовать разрушению контакта, если только это не открытая лесть). Но в реальной русской речи обнаруживаются и такие случаи, когда говорящий и слушающий являются знакомыми и у них уже сложились определенные взаимоотношения, тогда некоторые лексемы с оценочным смыслом могут использоваться и в контактоустанавливающей (призывной) функции: *Здравствуй, живая душа, каково попрыгиваешь?* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *Здравствуйте, золотые! Что вы невеселы, носы повесили?* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *Здравствуй, душа моя. Что скажешь?* (А. Чехов.

Три сестры); *Здравствуйте, ясные соколы, хлеб да соль...* (А. Чехов. Иванов); *Здорово, милоч. Чего вы-то не спите?* (В. Шукшин. Упорный); *Здорово, орлы!* (В. Шукшин. Ораторский прием); *Эх, роднуля! Давай!* (В. Шукшин. Сильные идут дальше). При этом надо отметить, что во всех этих обращениях есть определенная фамильярность, но нет ничего оскорбительного, что бы могло разрушить контакт.

Если говорить об образовании **обращения-контактива** в различных жизненных сценариях (по материалам художественных текстов разных жанров), то можно выделить следующие типы:

1. Присоединение местоимения **МОЙ** к лексемам со значением свойства для выражения чувств (ласки, умиления, похвалы, восхищения и др.) говорящего по отношению к слушающему [Янко 2011]: *Благодетель вы мой, Лазарь Елизарыч! С женой и с детьми в кабалу пойду* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *Поздравляю, ангел мой, дай вам бог попозже умереть и не рождаться во второй раз...* (А. Чехов. Иванов); *Голубушка моя, дитя мое единственное, послушай старого отца. Откажи ему!* (А. Чехов. Иванов); *Не ходите, дуся моя* (А. Чехов. Три сестры); *Вас бы проводил кто-нибудь, моя крошка* (А. Чехов. Чайка); *Нет, моя умница, не в романе дело* (А. Чехов. Иванов); *Чиженька мой, – ласково, тихо – так знакомо! – говорила Клара, – да что же ты так торопишься?* (В. Шукшин. Беспалый).

2. Употребление абстрактных существительных для образования форм обращения с экспрессивно-эмоциональным смыслом: *Что, девочка моя, радость моя?* (А. Чехов. Три сестры); *Ну, дорогая моя, роскошь, будьте умницей!* (А. Чехов. Дядя Ваня); *Скажи мне, жизнь моя: можно ль тем из наших, кто был в Париже, забыть совершенно то, что они русские?* (Д. Фонвизин. Бригадир); *Переменим, свет мой, речь* (Д. Фонвизин. Бригадир); *Пойдем, светик...* (А. Чехов. Дядя Ваня); *Это, значит, начинать жизнь с начала? Шурочка, да?.. Счастье мое! Моя молодость, моя свежесть* (А. Чехов. Иванов).

3. Использование конкретных существительных в их переносных

значениях для формирования обращений с экспрессивно-эмоциональным оттенком: *Мое сердечко*, – не раз говорила ему Анхен с нежным упреком, – вы приучаете меня расточать деньги на глупые наряды (А. Толстой. Петр Первый); *Поучи-ка, умная голова, укажи выход...* (А. Чехов. Иванов); *Милый мой банк*, да разве это насмешки? (А. Чехов. Иванов); *Проходи, пещерный человек, проходи!* (А. Чехов. Иванов); *Сокровище мое, отчаянная голова*, ты хочешь безумствовать, но я не хочу, не пущу... (А. Чехов. Чайка); *Ты только подумай, голова садовая* (В. Шукшин. Из детских лет Ивана Попова); *Будь здоров! Загогулина* (В. Шукшин. Ванька Тепляшин); *Пошли в лавку. Кикимора ты болотная!.. Какого хрена пьяный болтаешься по дворам?.. Эх-х... Чурка ты с глазами* (В. Шукшин. Микроскоп); *Да ангелы вы мои милые, да разумные ваши головушки!.. Да способитесь вы как-нибудь с вашей обидушкой* (В. Шукшин. Материнское сердце).

4. Метонимическое использование имен существительных в вокативной функции, например: *Слушай, Очкарик*, если никто не хочет, давай с тобой вдвоем соберемся (М. Рощин. Валентин и Валентина. НКРЯ); *А оттого это жалко*, – обращается Боченков к Архипу, – чтобы ты знал, *борода*, что у нас, кроме малого серебряного, еще большой серебряный самовар дома есть (М. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки). Аналогично, в качестве обращения метонимически используются и имена прилагательные: *Я у Чёрного Омута*, – говорит, – был, серого Волка не испугался, – уж не тебя ли мне, *рыжая*, бояться? (С. Козлов. Правда, мы будем всегда? НКРЯ); *Зайчик, Заинька*, научи меня, *серенький*, что мне делать, не могу больше у Медведя жить, хочу к сёстрам! (А. Ремизов. Зайчик Иваныч. НКРЯ). Такие формы обращения выполняют функцию поддержания внимания слушающего, а также характеризующую функцию, через которую говорящий передает свое эмоционально-оценочное отношение к адресату. Они носят довольно фамильярный оттенок и потому употребляются только в непринужденной ситуации.

5. Метафорическое употребление именовании флоры и фауны: *Вот,*

смотрите на палец, сюда смотри, **касатка** (Н. Коляда. Клуб брошенных жен); **Чао, персик. Дозревай** (Н. Коляда. Клуб брошенных жен); **Дай же я на тебя погляжу, лебедь белая!** (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); **Прощай, стрекоза!** (А. Островский. Не всё коту масленица); **А ты что брови-то нахмурил, чухонска сова?** (Д. Фонвизин. Недоросль); **Я посидел бы теперь в Москве у Тестова или в Большом Московском, голубчик мой** (А. Чехов. Три сестры); **Ангел души моей, карбункул моего сердца!.. Дайте займы две тысячи триста рублей!** (А. Чехов. Иванов); **Птица моя белая...** (А. Чехов. Три сестры).

6. Применение таких лексем, в которых отражается снисходительное, насмешливое и/или ироническое отношение говорящего к адресату в определенных коммуникативных ситуациях: **Вот ваши перчатки, плутишка** (М. Зощенко. Перед восходом солнца); **Киндер-сюрприз, ты, толстенький, что замолчал?** (Н. Коляда. Тутанхамон); **Люблю я тебя, средненькая жена. И тебя, младшая. И вас, пацаны** (Н. Коляда. Клуб брошенных жен); **Цыц, дьяволенок!** (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); **Ох, уж ты мне, егоза!** (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); **Ах, проказник! Откуда вы столько пословиц знаете?** (А. Островский. Бесприданница); **Да что ты скажешь-то, чертова перечница!** (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); **Я паинька, верная женка, заперла себя на замок и буду верна тебе до могилы, а ты... и тебе не совестно, бутуз?** (А. Чехов. Медведь); **Они ж чуть не в глаз тебе прыгают, дура!** (В. Шукшин. Микроскоп); **Дурачок...я же с тобой беседую. Чего ты осердился-то?** (В. Шукшин. Вечно недовольный Яковлев); **Когда замуж-то выйдешь, телка такая?!** (В. Шукшин. Нечаянный выстрел).

7. Использование оценочных лексем, в которых представлено впечатление говорящего от поведения, состояния или личности собеседника, содержится эмоционально-оценочное отношение говорящего к адресату: **Очаровательница! Как я проклинал себя, когда вы пели!** (А. Островский. Бесприданница); **Чудачка, и я заплакала...** (А. Чехов. Дядя Ваня); **Удивительный ты субъект, Матвей!.. Напустил на себя какую-то**

мизантропию и носится с нею, как дурак с писаною торбой (А. Чехов. Иванов); **Шура-горячка!** Будет тебе! (А. Чехов. Иванов); *Не горюй, сиротка...* (А. Чехов. Дядя Ваня); *Выпьем, добрый человек!* (В. Шукшин. Охота жить).

8. Функционирование прилагательных с положительным значением в роли обращения (наряду с притяжательным местоимением **МОЙ/МОЯ/МОИ**): *Это удивительно! Это непостижимо! **Высокоуважаемая!*** (А. Чехов. Чайка); ***Дорогая моя, хорошая, чистая,** будьте моей женой!* (А. Чехов. Три сестры); *Если ты покинешь меня хотя на один час, то я не переживу, сойду с ума, **мой изумительный, великопленный, мой повелитель...*** (А. Чехов. Чайка); *Вот и видишь, я одна умею ценить тебя; одна говорю тебе правду, **мой милый, чудный*** (А. Чехов. Чайка); ***Мой прекрасный, дивный...** Ты последняя страница моей жизни!* (А. Чехов. Чайка); ***Родная моя, золотая моя,** я тружусь, я работаю...* (А. Чехов. Три сестры); *Так знакомо! Так одинаково! Так близко... – **славненький мой. Чудненький мой...** – Чмок-чмок. – **Сладенький...*** (В. Шукшин. Беспалый).

9. Применение таких прилагательных, которые указывают на негативное физическое или психическое состояние адресата, которые в определенных случаях выражают жалость и/или заботу, например: *Прощай, **старая*** (А. Чехов. Дядя Ваня); – ***Старая!** – сказала она себе. – Гляди-ко, ищо раз жить собралась!.. Видали ее!* (В. Шукшин. Письмо); *Голубушка моя, родная моя, **несчастливая,** умоляю тебя, не мешай мне уезжать по вечерам из дому* (А. Чехов. Иванов); ***Бедненькие!** Вы должны быть голодны. Не хотите ли молока?* (И. Гончаров. Обыкновенная история).

10. Применение дериватов от таких употребительных прилагательных, как дорогой, милый, родной: ***Роднуля!** Крошечка моя!..* (В. Шукшин. Начальник); *Это, **дорогуша моя,** объективная реальность, данная нам в ощущениях, понимаешь?!* (Н. Коляда. Мы едем, едем, едем в далекие края...); – *Ах, не волнуйтесь, **дорогуля,** - говорит директор, – трупна у нас совсем небольшая* (А. Куприн. Юнкера. НКРЯ); *Вот и все, что есть у тебя в смысле*

девственности, милашка моя (В. Набоков. Лолита); *Мопассан “На воде”, милочка* (А. Чехов. Чайка); *Ой, забыла, милок, забыла. Старая совсем, совсем старая стала!* (А. Измайлов. Трюкач. НКРЯ); *Погоди, роднуша, мне нужно с профессором минуток пять посидеть, а то неловко* (А. Чехов. Леший). Следует отметить, что данные имена нарицательные в качестве обращения ограничены в употреблении: во-первых, они содержат в себе просторечный и даже фамильярный оттенки; во-вторых, в словах *дорогуша* и *дорогуля* имеется какой-то шуточный или иронический смысл.

11. Самостоятельное использование многих прилагательных, отражающих индивидуальность субъекта речи. В них чаще всего выражено положительное отношение говорящего к адресату – умиление, ласка, похвала, снисхождение и т.п., иногда с ироническим оттенком. Приведем примеры из пьесы А. Островского «Свои люди – сочтемся!»: *Что это ты словно потолстела, изумрудная?*; *Ишь ведь, как сладко рассказывает, бралиянтовый*; *Правда, на дворе ведь здоровались, серебряная, стало быть, и губы трепать нечего*; *Да ты сама-то прежде, яхонтовая*; *Оно точно, жемчужная, дико сначала-то, ну, а потом привыкнешь, обойдетесь как-нибудь*; *Еще б не доволен, золотой! Чего ж тебе!* Наглядными примерами являются и обращение в пьесе Н. Коляды «Клуб брошенных жен»: *толерантная ты наша*, а также обращение в фильме «Гараж»: *добрая Вы наша* (герой Гафта иронически обращается к своим собеседникам).

В некоторых случаях применяется комплекс обращений, состоящий из нескольких форм обращения вышеназванных типов и выражающий высокую степень экспрессивности: *Нет, душенька, голубчик, милая, персик, я не отстану, и я знаю, что вы знаете* (Л. Толстой. Война и мир); *Душенька, милочка, красавица, не при валюте мы сегодня... ну что ты поделаешь!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Следует обратить внимание на формирование в русской разговорной речи различных прозвищ и ников. Слово **НИК** заимствовано из английского языка и включается в синонимический ряд с такими исконно русскими

словами, как кличка и прозвище. Прозвище (ник) включает в себя указание на заметную черту поведения (*Юпитер, ты сердисься...* А. Чехов. Чайка), характера (*Ну что, казак мой?* (Марья Дмитриевна казаком называла Наташу) Л. Толстой. Война и мир), внешности (*Вафля, играй!* А. Чехов. Дядя Ваня. При этом в обращении *вафля* отражается не только внешность именуемого, но и его характер) или способностей (*Ответь мне на один единственный вопрос, Орфей ты наш.* Н. Коляда. Клуб брошенных жен) называемого. Оно может употребляться по желанию именуемого (*Мы, Робинзон, тебя не выдадим, ты у нас так за англичанина и пойдешь* А. Островский. Бесприданница) или в силу «народного осмысления разговорных форм» [Суперанская 2017: 30] личных имен субъекта (*Наливай, Зайка* (Сморозин обратился к жене Зое, назвав ее Зайкой). В. Шукшин. Пьедестал). Можно обнаружить, что прозвище (ник) часто является производным вариантом собственного имени или фамилии, имени мифических персонажей, предметов или животных, имеет символическое образное значение и отражает вкус и настроение именуемого.

Отличие прозвищ (ников) от таких обращений, как *дядя, тетя*, состоит в том, что, во-первых, прозвище образуется на основе определенного объективного содержания субстантива, обозначающего признак лица или предмета. Называя адресата речи таким прозвищем, мы относим его к известному классу предметов или явлений [Проничев 1971: 24]. А обращения *дядя, тетя* выражают лишь субъективную оценку адресата говорящим – иронию или насмешку (за исключением сферы детской речи). Во-вторых, вышеназванные прозвища (ники) в качестве обращения выполняют идентифицирующую и характеризующую функции, тогда как обращения *дядя* и *тетя* вне родственной связи выполняют лишь иллюкутивную (интенциональную) функцию: *Откуда пришел такой красивый дядя, а? Чего молчишь, дядя Вася?* (Надя своего мужа называет «дядей») (спектакль «Любовь и голуби»). Как отмечает Л.П. Рыжова, «прагматическое указание на зависимость от интенции, от обстановки, от отношений коммуникантов не

является представленным, эксплицитным. Прагматическая значимость предопределяется употреблением конкретного обращения в конкретной коммуникативной ситуации. Именно коммуникативная ситуация является совокупностью условий, которые однозначно определяют смысл обращения, делают возможным выразить этот смысл одним словом – обращением» [Рыжова 1982: 30].

Приведенные примеры позволяют констатировать следующее: в отличие от междометия ЭЙ, которое в качестве обращения выполняет призывную функцию, не называя адресата речи, имена нарицательные называют адресата речи путем опосредованного отнесения к известному классу предметов (лиц): для названия адресата речи используются знаменательные слова (очаровательница, сиротка) или словосочетания (моя умница), внутренняя форма которых указывает на семантическую связь со свойствами адресата, что свидетельствует о наличии в таких обращениях объективного содержания. Однако функция субъективной оценки при этом не исчезает: в формах обращения-контактива (очаровательница, моя ягодка) выражается положительное отношение говорящего к адресату, а в формах обращения-деструктива (бесстыдница, скважина) – неприязнь, враждебность и т.п., испытываемая говорящим [Пронищев 1971: 25].

Необходимо отметить, что члены социума далеко не всегда коммуникативно взаимодействуют в соответствии с «принципом кооперации». Часто в основе их коммуникации лежит прямо противоположный принцип – «не-кооперации»: они стремятся манипулировать собеседником, навязывая ему свою волю, скрывая неприглядную информацию о себе, уклоняясь от ответа на неприятные вопросы, а иногда ставят целью задеть, обидеть собеседника [Николаева 1990: 225]. Поэтому предлагаемое название «обращение-деструктив» можно считать условным, но оправданным на фоне общепринятых норм общения, предполагающих, что коммуниканты ведут диалог для достижения общих целей, решения общих проблем, иными словами, действуют конструктивно в «кооперации» друг с другом. Если же

говорящий поставил себе целью обидеть собеседника и достиг этой цели, то избранная им форма обращения может считаться вполне эффективным средством, даже если это инвектива. Но такие «квазидеструктивные» обращения не являются нормой общения в щадящем свое достоинство социуме, где ответственность правит всеми действиями разумного человека, включая и речевые.

Что касается способов образования форм **обращения-деструктива** в живой разговорной речи, в диалогах, широко представленных в художественных текстах разных жанров, то их можно разделить на следующие типы:

1. Использование прилагательных с явно негативной оценкой (в том числе насмешкой, иронией и т.д.): *Спасибо скажите, что я еще об вас забочусь, **негодные!*** (Н. Коляда. Клуб брошенных жен); *Что, что, **беспутная!** Кто вбил в тебя такие скверности?* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *Уста твоя всегда глаголаша гордыню, **нечестивый*** (Д. Фонвизин. Недоросль); *Направи стопы своя, **окаянный!*** (Д. Фонвизин. Недоросль); *Загради уста твои, **проклятая!*** (Д. Фонвизин. Бригадир); *Разве жениху можно так? Как вам не стыдно, **противный?*** (А. Чехов. Свадьба); *Отпусти, **дурной!*** (В. Шукшин. Танцующий Шива); *Ставай, **проклятый заклеянный!***.. (В. Шукшин. Космос, нервная система и шмат сала).

2. Употребление таких прилагательных, в которых указывается негативное физическое или психическое состояние адресата, что в некоторых случаях содержит очевидную отрицательную оценку: *Остановись, **сумасшедшая!*** (С. Спивакова. Не всё. НКРЯ); *Вытью, **старая,** и – домой! И невест мне твоих не надо* (А. Чехов. Иванов); *Надоела ты мне, **старая!*** (А. Чехов. Три сестры).

3. Использование имен нарицательных, звучащих довольно иронически и содержащих крайне отрицательное отношение говорящего к адресату – презрение: *Что? Ты что такое говоришь, **деревня?*** (Н. Коляда. Клуб брошенных жен); *Сгинь, **долгоносик*** (Н. Коляда. Клуб брошенных жен);

Клизма, знай свое место! (Н. Коляда. Клуб брошенных жен); *Они тебя по-прежнему делят, мачо ты наше недоделанное* (Н. Коляда. Клуб брошенных жен); *Ничего, сельпо* (Н. Коляда. Клуб брошенных жен); *Скажите мне, почтеннейший жрец науки, какой ученый открыл, что при грудных болезнях дамам бывают полезны частые посещения молодого врача?* (А. Чехов. Иванов); *А тебе, старая скворешня, и сносу нет. Лет тридцать я тебя старухой знаю...* (А. Чехов. Иванов); *Вот теперь и подумайте: понимаете вы себя или нет? Хищница милая, не смотрите на меня так, я старый воробей...* (А. Чехов. Дядя Ваня); *Погоди у меня, змей ползучий* (В. Шукшин. Волки); *Ну, караульщики. Как ночевали?* (В. Шукшин. Дядя Ермолай); *Выстираю! Выстираю, кривоносик!* (В. Шукшин. Микроскоп); *Замолчи, скважина!* (В. Шукшин. Микроскоп); *Дай мне душеньку отвести, скважина ты кривоносая!* (В. Шукшин. Микроскоп).

4. Употребление оценочных лексем (имен нарицательных (наряду с определением)), в которых представлено крайне негативное впечатление говорящего от поведения, состояния или личности собеседника, выражается отрицательная оценка говорящим адресата, что часто ухудшает взаимоотношения между коммуникантами: *Пока, имбецилы!* (телесериал «Доктор Рихтер. Продолжение», но такой тип обращения к младшим коллегам вписывается в снисходительно-ироничный характер персонажа); *Эй, уймись, бесстыдница!* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *Говори, бесстыжие твои глаза, с чего у тебя взгляд-то такой завистливый* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *За что ж вы это, душегубцы, девку-то опозорили?* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *Врешь, купоросная душа, не уйдешь!* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *Ведь я тебя мальчишкой в дом взял, подлец ты бесчувственный!* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *Вот тебе, собака! Ну, теперь подавись моими деньгами, черт с тобой!* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *Снимай, болван!* (Л. Толстой. Война и мир); *Он за тобою волочился, а ты мне этого, дурища, и не сказала!* (Д. Фонвизин. Бригадир); *Ах, не зуди ты, зуда!*

(А. Чехов. Иванов); *Этак, мол, на, старая собака, ешь!* (А. Чехов. Иванов); *Смеешься, гад!..* (В. Шукшин. Миль пардон, мадам!); *По рукам, зараза!* (В. Шукшин. Микроскоп); *Стой, паразит!* (В. Шукшин. Волки).

Следует отметить, что слова с положительной оценкой легко выступают в роли обращений, поддерживающих уже начатую коммуникацию: говорящий хвалит слушающего, умиляется или восхищается им. Слова с негативной (пейоративной) оценкой, занимая позицию обращения, не обладают ни призывной функцией, логически главной для идентификации адресата и иницирующей контакт, ни контактоподдерживающей, они выполняют лишь контакторазрушающую функцию, особенно это касается стилистически сниженных названий национальности, например: *Замолчи, жидовка!* (А. Чехов. Иванов). Обращает на себя внимание и их тяготение к концу высказывания.

При этом «включение в апеллятив предикатных смыслов влияет на его синтаксический статус <...> Функциональная и семантическая неоднозначность апеллятива оборачивается его синтаксической нестабильностью. Она, кроме того, определяет употребление апеллятивов в характеризующей функции, распространенной в ряде речевых жанров, а также в художественных текстах» [Арутюнова 1999б: 117]. Формально-синтаксическое «устройство» некоторых из этих единиц тождественно интерпозитивным и постпозитивным обращениям несвободного употребления, соотнесенным с субъектной перспективой полупредикативной единицы (*И тебе, идиотка, скажу, что не получишь денег, будешь выступать если, ясно? Сиди ровно, сказал! Как вы меня задрали за эти три дня, debilки!* Н. Коляда. Клуб брошенных жен). Они являются косвенными речевыми актами (переходным явлением), что нередко свойственно обращениям.

К рассматриваемой проблеме имеет отношение функционирование в русской речи «односоставных предложений-обращений» [Формановская 2007б: 128], которые «отягощены дополнительными смыслами упрека,

недовольства, предостережения или, наоборот, удовлетворения, одобрения» [Там же], например: *Бобик! Шалун Бобик! Дурной Бобик!* (А. Чехов. Три сестры); *Черт возьми, разве устроить себе эту гнусность? А? Помпончик... Прелесть!.. Огурчик!..* (А. Чехов. Иванов). В этих предложениях-обращениях основной коммуникативный замысел говорящего состоит не в призыве адресата, не в ожидании ответа на призыв, а в упреке, предостережении, одобрении и т.п. Но это уже совершенно другие речевые действия, нежели обращение. Обращение как призыв партнера к общению требует после себя дискурсного продолжения, а упрек, одобрение и др. могут быть самодостаточными речевыми актами, не требующим последующего текста от говорящего [Там же: 129]. Однако эти предложения вряд ли остаются в диалоге без второй реплики.

В «Грамматике-80» отмечается, что «изолированное обращение, произнесенное с соответствующей интонацией (обычно ИК-2 или ее модальными реализациями), может приобретать самостоятельную коммуникативную значимость [РГ 1980/2: 165]. Оно часто превращается в инвективный речевой акт. Критерий разграничения обращения-деструктива и инвективы состоит в формальном (пунктуационном) оформлении: обращение входит в состав предложения, хотя и не является его членом, а инвектива оформляется как самостоятельное предложение, что в тексте оформлено соответствующей пунктуацией: *Очистите помещение Дворца культуры. Бессовестные* (Н. Коляда. Клуб брошенных жен); *Ну и группу создал ты, Будулай. Настрогал жен, детей. Идиот* (Н. Коляда. Клуб брошенных жен); *Молчунья деревенская ты наша. Молчи больше, сойдешь за умную* (Н. Коляда. Клуб брошенных жен); *Изменник! варвар! тиран!* (Д. Фонвизин. Бригадир); *Бесчестный, низкий человек...* (А. Чехов. Иванов); *Ты и жалкого водевиля написать не в состоянии. Киевский мещанин!* (А. Чехов. Чайка); *Неужели вы даже этого не понимаете? Положительно комик!* (А. Чехов. Иванов); *Вот теперь и подумайте: понимаете вы себя или нет? Тупые, бессердечные люди!* (А. Чехов. Иванов); *Дура! Дура ты*

пучеглазая... Что ты сидишь квакаешь! (В. Шукшин. Штрихи к портрету); *ТЬфу!* – *в твои глазыньки бесстыжие!* *Пупок!* (В. Шукшин. Миль пардон, мадам!); *Трепачи! Слюнтяи!* (В. Шукшин. Сильные идут дальше); *Харя ты неумытая, скот лесной!..* (В. Шукшин. Миль пардон, мадам!).

«Высказывания с оценочным предикатом стремятся оторваться от свойств референта. Оценка обусловлена субъективными вкусами, интересами и взглядами (социальными, этическими и эстетическими) говорящего <...> Оно лишено параметра объективной истинности <...> Отрицательная оценка обладает большей тенденцией к отрыву от свойств референта, чем оценка положительная. Окончательный отрыв от действительности превращает отрицательную оценку в ругательство» [Арутюнова 1999а: 51]. Инвективный речевой акт реализует две функции: 1) эмотивно-катартическую – говорящий выражает свои отрицательные эмоции; 2) прагматическую – он хочет оказать определенное перлокутивное воздействие на адресата – унижить, оскорбить, обидеть, эмоционально подавить его [Трофимова 2008: 218].

Такие ругательные имена достигают своей цели, и тогда коммуникативный акт может считаться успешным: хотел унижить – унижил (*С намерением я назвал его голландской рожей...да и вообще, знаете ли, не нахожу нужным смягчать свои выражения.* Ф. Достоевский. Село Степанчиково), хотел обидеть – обидел (*Ты, Зин, на грубость нарываешься, всё, Зин, обидеть норовишь!* В. Высоцкий). Однако обращения-деструктивы любой речевой акт превращают в конфликтогенное речевое действие, а речевое поведение – в безответственное.

В.С. Савельев, исследуя речь в тексте «Повести временных лет», рассмотренные типы осложненного экспрессией обращения определяет как «обращения-характеристики», т.е. лексические единицы, которые занимают позицию обращения (а обращение рассматривается как изолированное от других членов предложения существительное в именительном падеже), но представляют собой не собственно обращение (апеллятив, призыв к контакту), а приложение, распространенный компонент обращения

(собственно характеристики, в которых обнаруживается механизм «скрытой предикации» (по В.С. Савельеву)). В.П. Проничев утверждает, что обращение может быть распространено за счет постпозитивных обособленных определений, сравнительных и причастных оборотов, определительных придаточных предложений и т.д. [Проничев 1971: 48].

В живой русской разговорной речи широко распространена синтаксическая конструкция «местоимение второго лица ед./мн. числа + оценочная лексика», представленная, как правило, в директивах, экспрессивах, репрезентативах (*А ты, гад, никуда от нас не уйдешь!*). Эта лексика включает в себя собственно оценочные слова (молокосос, дурак, плут, прохиндей, подлец и др.), а также слова, которые выполняют функции оценки (коза, змей, осёл, сопля и др.) в переносном значении.

Прикрепленные к обращению, функция которого – название адресата речи, они вводят признак адресата и потому могут квалифицироваться как «скрытая предикация». Но, как бы ни квалифицировать аксиологически осложненные обращения, бесспорно одно – когда в синтаксической позиции обращения употребляется пейоративная лексика, оценочность (характеристика, предикация) совмещается с вокативностью, но перевешивает ее, что и превращает речевой акт в инвективный. В этой синтаксической конструкции номинатив имени синтаксически является обращением, а лексически – именным предикатом, распространяющим предложение обособленным элементом, подчиненным местоимению второго лица (как в классическом обращении), а вместе они выполняют оценочно-определятельную функцию, превращаясь часто либо в оскорбление (*Ты, негодяй, ты заставляешь нас наряжаться и ходить по городу, просить денег, гадать, орать, петь. Н. Коляда. Клуб брошенных жен*), либо в похвалу (*Ах ты, моя ангелика, царевна, херувимчик ты мой! А. Островский. Свои люди – сочтемся!*). Примечательно, что в косвенных падежах, например, в родительном (*А вас, гадов, я всех перестреляю*), тот же пейоратив выполняет ту же оценочную функцию, но в составе синтаксической

конструкции – чистого приложения.

В Грамматике 1980 отмечается, что в предложении приложение часто обособляется и функционирует с дальнейшими распространениями, которыми могут служить субстантивные обороты. А в полупредикативном субстантивном обороте существительное согласуется с именем подлежащим [РГ 1980/2: 58, 184]. Постпозитивный субстантивный оборот, относящийся к подлежащему, может иметь качественно-характеризующее значение: *Ты, герой, штаны с дырой, сядь, ну?* (Н. Коляда. Клуб брошенных жен); *Эх ты, Жуй Дэ Мэн, зяблик морозный, Орфей ты наш Иосиф Абрамович ... Как же ты после этого жить будешь?* (Н. Коляда. Клуб брошенных жен); *Ну, как же ты, бедный умник, здесь время проводишь?* (А. Островский. Бесприданница); *Ну, это высоко очень: садись-ка ты, птичка, со мной, щебечи мне о своих золотых снах, о своих мечтах и грезах девичьих* (А. Островский, Н. Соловьев. Дикарка. НКРЯ); *Ах ты, болтушка бестолковая! Да разве можно такими речами поносить родителей?* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *Тьфу ты, греховодница! Еще сглазишь, пожалуй* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *Ах ты, проволочная шея! Ишь ты – у него натура не принимает!* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *Постой ты, таранта!* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *Не теперь, так через год, через два, вы, чудный Тартюф, успели бы вскружить голову девочке и завладеть ее приданым так же, как и теперь...* (А. Чехов. Иванов); *Ты, бедняжка, устала!* (А. Чехов. Три сестры); *Для всех ты, гениальная башка, изобретаешь и учишь всех, как жить, а меня хоть бы раз поучил...* (А. Чехов. Иванов); *Ах ты, гордость ты несусветная!* (В. Шукшин. Суд); *Ох ты, горе мое, горюшко! – не желает мамзель с нами здороваться* (В. Шукшин. Суд); *Ну-ка ты, доктор кислых щей... Дай детям посмотреть* (В. Шукшин. Микроскоп); *Ну что ты, дурашка ты моя? Чего ты?.. Подумаешь! Ну, и ничего страшного!* (В. Шукшин. Пьедестал); *Эх ты, поросятинка!.. За здоровье свинок твоих...и чтоб не кручинился ты – выпьем* (В. Шукшин. В воскресенье мать-

старушка...); *Эх ты, говорит, ученая ты голова, не совестно?* (В. Шукшин. Суд); *Ах ты, шалунишка! Поцелуй меня в носик* (В. Шукшин. Беспалый).

Такие субстантивные обороты соотносительны с самостоятельными предложениями, в которых заключается 1) дополнительное объективное сообщение об адресате речи: *А вы, полковник, будьте к ним справедливы и сострадательны* (Ф. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели. НКРЯ); *Теперь, господа, опять по местам, и чтоб тихо, а вы, хозяйка, велите Николавре стакан воды с червонным вином, как в домах подают* (Н. Лесков. Старые годы в селе Плодомасове. НКРЯ); *Ах ты, дитяtko моя заброшенная, стоишь, словно какая сиротинушка, приклонивши головушку* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!) или чаще 2) субъективная оценка говорящего по отношению к адресату: *У кого ты живешь в квартире? Не у меня? Ты, переобувальщик, мышшь потная?* (Н. Коляда. Клуб брошенных жен); *Да что ты, старая карга, с ума, что ли, сошла?* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *А это ты, чертенок, что делаешь?* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *Эх ты, богомольница! Туда же... На других пальцем показываете – грех. А сами? Какой же вы пример подаете молодым!* (В. Шукшин. Бессовестные); *Женился бы ты, чудак-человек...* (В. Шукшин. Сильные идут дальше). Как отмечается в Грамматике 1980, в подобных конструкциях местоимение (в рассмотренном нами материале главным словом такого оборота выступает местоимение **ВЫ/ТЫ**) лишь указывает на предмет, а вся информация о нем сосредоточена в субстантивном обороте [РГ 1980/2: 185].

Аналогично сказанному, «адъективный оборот, синтаксически зависящий от подлежащего-местоимения, означает признак субъекта, дополнительный по отношению к признаку, названному в сказуемом» [РГ 1980/2: 185]: *Киндер-сюрприз, ты, толстенький, что замолчал?* (Н. Коляда. Тутанхамон); *Ты, алмазный, либо пьян, либо вовсе с ума свихнул* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!); *Ну, куда ты, больная, поедешь? Ты больна, и тебе нельзя после заката солнца быть на воздухе...* (А. Чехов.

Иванов). Иногда такие адъективные обороты имеют обстоятельственно-характеризующее значение (уступительное), например: *Ну, объясните, растолкуйте мне, как это вы, умная, честная, почти святая, позволили так нагло обмануть себя и затащить вас в это свиное гнездо?* (А. Чехов. Иванов). Также отмечается, что «при отсутствии препозитивного прилагательного обособление постпозитивного адъективного оборота усиливает его информативность» [Там же]: *Да и вы, бабушка, сердитая...* (А. Чехов. Иванов).

В современной комедии «Клуб брошенных жен» автором Н. Колядой приводится ряд прилагательных в роли обращения, которые превращаются в характеристики, причем эти характеристики имеют даже не пренебрежительный, а уничижительный оттенок: *Младшенькая ты наша, гляжу, тихой сапой снова под него подкоп делаешь?*; *Пошлите, Антонина Петровна, “неспетаяпеснямая”, сядем за стеклом и будем сидеть, наблюдать, обороняться, если что вдруг; Решила я ваши проблемы, пятипудовые; Сорокапудовые. Ой, сколько мужчин настоящих вокруг! А некоторые из обращений построены по типу оксюморона (прилагательное с положительным значением + прилагательное с уничижительным смысловым оттенком, в котором «количественная характеристика совмещается с качественной» [Дементьева 2014: 99]), что усиливает комический эффект, придавая обращению черты абсурдности: *Ну, а у тебя что, яхонтовая, трехпудовая?; Помер, золотая, бриллиантовая, четырехпудовая.**

«Успех иллокутивного акта оценки определяется степенью “влияния” говорящего на адресата, его способностью каузировать у адресата соответствующее эмоциональное состояние» [Вольф 2014: 170]. А это отношение регулируется и «принципом вежливости» [Leech 1983], «определяющим ряд аспектов прагматической ситуации диалога с точки зрения отношений между его участниками» [Вольф 2014: 170], и «принципом кооперации» [Грайс 1985], несоблюдение которого приводит оценку к коммуникативным «провалам».

При этом необходимо различать иллокутивную цель говорящего, которая определяется формой и содержанием речевого акта, и прогнозируемый перлокутивный и реальный эффект. Нарушение коммуникативно-прагматической нормы говорящим, который не является иностранцем, а принадлежит с собеседником к одному и тому же культурному социуму, может быть воспринято адресатом как нарочитая экспликация скрытого смысла (импликатуры) иллокутивного значения посредством ненормативного обращения. В обращениях, использованных в художественных произведениях, наличествует «индивидуальное творчество», под которым понимается и наполнение формы слова (его означающего) иным содержанием, и создание образа, и переосмысление общепринятого сочетания слов. В качестве примера приведем контекст из романа Л. Толстого «Война и мир»: *Что вы, милая, – сказала она сердито девушке, которая заставила себя ждать несколько минут. – Не хотите служить, что ли? Так я вам найду место. Графиня была расстроена горем и унижительною бедностью своей подруги и поэтому была не в духе, что выражалось у нее всегда наименованием горничной «милая» и «вы».*

Внимание к себе привлекает и следующее высказывание: ***Иван Семеныч!*** Здорово, ***старик!***.. Как жив-здоров? Как работенка? (В. Шукшин. Два письма). В данном примере в качестве обращения употребляются и официальная форма «имя-отчество», и стилистически сниженный вокатив *старик*, которые в одном речевом жанре, как правило, не сосуществуют. Но в данном контексте их совмещение обусловлено тем обстоятельством, что говорящий и адресат его письма много лет не связывались, однако в молодости дружили.

Как отмечает Л.О. Чернейко, «выбор говорящим при обращении к другому лицу или при его идентификации определенной формы личного имени оказывается значимым в случае несоответствия формы стандартным условиям ее применения» [Чернейко 2002а: 25]. В русском языке особую смысловую нагрузку несет использование в официальной речи

неофициальных форм, например:

(1) *Я принесла. Примеряйте ваше основное платье. – Да, конечно. А вы как думаете, не мрачновато? – Мрачновато? – Как будто акцента не хватает. Простите, вас как зовут? – Надя. – **Наденька**. А вы помните у Марлен Дитрих кино и такая белая муфточка, помните? – Муфточка? Точно, это идея!*» (телесериал «Людмила Гурченко»),

(2) *Кто это здесь декламирует? Вы, **Шурочка**?* (А. Чехов. Иванов),

(3) *Здравствуйте, **Зюзюшка*** (А. Чехов. Иванов).

Но так же значимо и использование в неофициальной речи официальных форм:

(4) *Мне ничего не нужно, но меня возмущает несправедливость. Ступай, **Федор!*** (А. Чехов. Три сестры),

(5) *Да ты славно живешь, **Константин!*** (В. Шукшин. Пьедестал),

(6) *В общем, неважнецки я живу, **Иван**. Так вроде все нормально, на работе хорошо, а нет-нет засосет что-то, тоска обуяет, как сейчас вот, и все охота послать к черту, Напиши, **Иван**, прошу* (В. Шукшин. Два письма),

(7) – *Тоня, Тонечка, долго смотрели, я видела. Ты толстая. И тебя съедят. – Я толстая, **Маня**? И меня, **Маня**? А меня за что, **Мария Ивановна**?! Почему не тебя? Я ж маленькая, а ты большая?* (Н. Коляда. Клуб брошенных жен),

(8) *И вот, признаюсь, на радость тебе, **Ирочка Ивановночка**: теперь я несчастная, жирная, никому не нужная тетка* (Н. Коляда. Клуб брошенных жен),

(9) – *И у жирненького помпончика скоро будет миллиончик! Хорошеет и полнеет не по дням, а по часам! Что значит деньжищ много... – Очень вами благодарна, **ваше сиятельство**, а только я не люблю насмешек* (А. Чехов. Иванов),

(10) – *С похмелья? – Так точно, **ваше благородие!*** (В. Шукшин. Волки),

(11) *Вот ты теперь и смотри на нас! Так-то-с, **Алимпияда Самсоновна!** Вы хотите за офицера идти-с. Чем же мы не молодцы!*

(А. Островский. Свои люди – сочтемся!),

(12) *Что, Самсон Силыч, правда, что ли? Только бы ей в карете ездить шестерней* (А. Островский. Свои люди – сочтемся!).

В первом блоке ситуаций – в контекстах (1) – (3) – выбранные формы личных имен свидетельствуют о желании говорящего сократить социальную дистанцию между собой и своим партнером по общению, установить дружеские отношения в примере (1); о доброжелательности при известной возрастной дистанции в (2) и о фамильярности манеры по отношению к адресату в (3). А во втором блоке в ситуациях (4) – (11) говорящие прибегают к «приему речевого отчуждения» [Байкулова 2015: 159]. В высказываниях (4) и (5) полные формы личных имен говорят об эмоциональном состоянии говорящего – возмущении и холодном отношении жены к мужу во фразе (4) и восхищении говорящего при виде прекрасной квартиры давно знакомого собеседника в ситуации (5). За обращением в форме полного имени *Иван* в контексте (6) скрывается эмоциональное состояние говорящего – его чрезвычайное разочарование скучной жизнью, что рассчитано на реакцию собеседника и связано с желанием вызвать его жалость и сочувствие. Применение такой формы обращения также связано с возможностью выражения просьбы с оттенком нарочитой строгости.

В ситуации (7) переключение обращения с уменьшительно-ласкательной формы на форму «имя-отчество» свидетельствует о раздраженном состоянии субъекта речи. В высказывании (8) говорящий с помощью нестандартной вокативной формы *Ирочка Ивановочка*, компоненты которой осложнены уменьшительно-ласкательными суффиксами, выражает и усиленную самоиронию, и иронию (вплоть до насмешки) по отношению к адресату. В репликах (9) можно обнаружить, что посредством дистанцированной формы обращения *ваше сиятельство* говорящий выражает свое недовольство речевым поведением собеседника (его насмешкой). Чрезмерно уважительное обращение *ваше благородие* в высказывании (10) является выражением иронического отношения одного

персонажа (Ивана) к другому (его тестю): Иван своего тестя не любит, о чем сообщает автор в начале рассказа.

В контекстах (11) и (12) формы обращения «имя-отчество» применяются в кругу семьи между супругами с разными прагматическими установками: в высказывании (11) форма имени *Алимпияда Самсоновна* используется мужем, который обвиняет свою жену в жадности и упрекает за недовольство сложившимися благоприятными, с точки зрения говорящего, жизненными условиями; в ситуации (12) жена обращается к мужу по форме «имя-отчество», в которой содержится чрезвычайно уважительное отношение к адресату и желание примирения, что является нормой общения в данной семье и тем самым отображает кроткий, послушный образ жены, а также характеризует семейные взаимоотношения персонажей рассматриваемой пьесы.

3. Коммуникативная неудача при выборе формы обращения в свете этики ответственности⁵

М.М. Бахтин ввел термин «эпифеномен», которым предложил обозначать все побочные явления, которые возникают у слова в речи. При некорректном обращении возникает такой побочный эффект, который можно интерпретировать как обиду адресата. При этом очевидно, что аппеллятив своей контактоустанавливающей функции не выполнил, но явился текстопорождающим фактором, рождающим ответную реплику адресата. При рассмотрении феномена вторых реплик Н.Д. Арутюнова указывает, что «статус вторых реплик могут иметь отклики на собственную мысль, на предполагаемое мнение “другого”, реакции на обманутое ожидание или невольную ошибку» [Арутюнова 1990: 178]. Как отмечает Л.В. Кожухова, «по реакции адресата говорящий может судить о перлокутивном эффекте обращения и успешности речевого акта обращения в целом» [Кожухова 2007:

---

⁵ При написании параграфа использовались материалы статей автора диссертации: **Юй Иснн**. Коммуникативные неудачи как текстопорождающий фактор в сфере речевого этикета (обращение и извинение) // Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: норма и вариант: VI Международная научная конференция: сборник научных статей. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 345-351. **Юй Иснн**. Формы русского речевого этикета в свете этики ответственности // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 2. С. 150-159.

83]. «В речевом общении текстопорождающий потенциал часто находится “в руках” у коммуникативной неудачи, которая обусловлена неверным выбором формы обращения, провоцирующим микротекст вокруг ошибки» [Юй 2017б: 350]. Ответственность говорящего проявляется в его предвидении последствий собственного речевого поведения, в частности в правильном выборе обращения к собеседнику, которое коррелирует и с его статусом, и с характером речевой ситуации с учетом социальной дистанции между коммуникантами.

Коммуникативные неудачи, вызванные некорректным выбором варианта обращения, могут возникать в связи со многими факторами, из которых выделяются три основных момента: 1) разные представления собеседников о реальной речевой ситуации; 2) разные понимания личных параметров адресата (возраст, статус, вкус, симпатия и др.), взаимоотношений между говорящим и собеседником, норм вежливости, характера речевого жанра и т.д.; 3) прагматические компоненты, содержащиеся в формах обращения, в том числе их эмоционально-оценочная окраска, стилистический маркер, жанровая закрепленность и т.п. Как пишет Х.-Г. Гадамер, «истину не может познавать и сообщать кто-то один. Всемерно поддерживать диалог, давать сказать свое слово и инакомыслящему, уметь усваивать произносимое им – вот в чем душа герменевтики» [Гадамер 1991: 8].

Наглядным примером (1) коммуникативной неудачи, обусловленной «разными представлениями собеседников о речевой ситуации, является разговор по телефону из фильма «Москва слезам не верит», когда взявшая трубку вахтерша общежития говорит: *Общежитие слушает. Какую Людмилу? Их здесь много. Ах, Людмилочку? Сейчас, она ванну принимает. Свиридова, скорей к телефону!* Следует отметить, что в отличие от имени нарицательного, выполняющего свою номинативную функцию на базе сигнификативной, обобщающей, личное имя сугубо номинативно, а его референтом является индивидуальная и неповторимая личность. Даже если

одно и то же личное имя закреплено за несколькими субъектами, в речи оно однозначно, поскольку отсылает к определенному референту (индивидуумы, объединенные личным именем, имеют в русском языке свои названия – тетка, однофамилец). В связи с этим непонимание вахтерши, выраженное ее встречным вопросом *Какую Людмилу?*, обусловлено не столько неточной референцией имени собственного, сколько «различием актуализируемой конситуации» [Ермакова, Земская 1993], а именно нестыковкой “баз данных” коммуникантов: с точки зрения инициатора диалога, позвонившего, место, куда он звонит, – квартира, в которой живет единственная Людмила; а с точки зрения вахтерши, в общежитии Людмил много, поэтому для идентификации нужного лица необходима фамилия» [Юй 2017б: 346–347].

Аналогом текстопорождающей функции обращения в силу неверного выбора его формы служит пример (2) из пьесы Н. Коляды «Клуб брошенных жен»: *Ты ведь только суточные дал, три копейки и всё, Ёсик! Мне и пришлось на рынке зарабатывать. – Я тебе не Ёсик, сказал же! Видишь, бабки слушают? Я Михай Будулай!* Можно заметить, что «контрастивное отрицание», которое основано на «явлении цитации» *Я тебе не Ёсик! Я Михай Будулай!*, «объединяет первую реплику со второй, оно отвергает чужое высказывание и противопоставляет ему свое» [Арутюнова 1990: 185]. Обращение в контексте можно интерпретировать по-разному. Поскольку в ответной реакции прозвучала обида адресата, можно считать, что некорректное обращение *Ёсик* является причиной коммуникативной неудачи. Но широкий контекст дает нам основание констатировать следующее: в этой ситуации «употребление реального имени собеседника в качестве обращения не соответствует его статусу и роли в труппе замаскированных цыган» [Юй 2017б: 348].

Непонимание и недопонимание часто являются текстопорождающими, поскольку они провоцируют встречные, способствующие уяснению услышанного, «герменевтические» вопросы [Чернейко 2012а: 26]. Приведем примеры непонимания и уяснения, вызванных некорректным

самопредставлением:

(3) – *Катя*. – *Антон*. – *А по отчеству?* – *Для Вас просто Антон. Отчество – для подчиненных* (к/ф «Москва слезам не верит»);

(4) *А*: *В следующий раз беру тебя с собой*. – *Б*: *Спасибо большое. Но на «ты», по-моему, мы еще не переходили*. – *А*: *Так перейдем...* – *Б*: *Ты бы подсказал, как тебя зовут*. – *А*: *Гога*. – *Б*: *Как?!* – *А*: *Можно Гоша*. – *Б*: *Значит, Гога. Только этого мне не хватало* (к/ф «Москва слезам не верит»).

В ситуации (3) «уточняющий вопрос обусловлен несовпадением двух факторов – знания Катей норм вежливости и ее представления о возрасте собеседника: по ее мнению, в качестве обращения к адресату, старшему по возрасту и высшему по социальному статусу, одного имени не хватает, необходима форма «имя-отчество» как средство выражения вежливости. Но немолодой Антон настаивал на своем, желая сократить дистанцию» [Юй 2017б: 347].

Ответственность за выбор эмоционально окрашенных обращений (либо вариантов самопредставления) полностью лежит на субъекте речи и не исключает нелицеприятной ответной реплики адресата. В контексте (4) встречный вопрос Б и ее отзыв о самопредставлении А вызваны разным пониманием их взаимоотношений. По мнению А, они уже хорошо знакомы и развивают свои отношения по направлению к супружеским, так что можно обращаться друг к другу на «ты» и по сокращенному имени. А с точки зрения Б, она с собеседником А только что познакомилась, так что к нему лучше обратиться на «вы»; уменьшительная форма имени *Гоша* и эмоционально окрашенная форма *Гога* как обращение для их взаимоотношений неуместны, более того, надо использовать форму обращения «имя-отчество», подчеркивающую дистанцию между коммуникантами.

Знаменательно, что обозначение лица по имени и фамилии, но без отчества может вызвать негативную реакцию не только со стороны адресата, но и со стороны третьих лиц. В качестве примера уместно привести конфликтную ситуацию (5), описанную М.В. Ломоносовым, которая была

спровоцирована сообщением в академических ведомостях о новопожалованном в камер-юнкеры Иване Шувалове, где он был назван по имени, но без отчества. «Обозначение лица по имени и без отчества не допускалось жанрово-стилистическим регистром текста газеты, поскольку не соответствовало принятым тогда конвенциям и квалифицировалось как принесение серьезного ущерба, который не мог быть компенсирован извинениями, а требовал наказания» [Чернейко 2014: 246].

Показательным примером текстопорождения (6), вызванного некорректной формой обращения (подписи), оказывается и следующий контекст из рассказа В. Шукшина «Чудик»: *В аэропорту Чудик написал телеграмму жене: «Приземлились. Ветка сирени упала на грудь, милая Груша, меня не забудь. **Васятка**». Телеграфистка, прочитав телеграмму, предложила: – Составьте иначе. Вы – взрослый человек, не в детсаде. – Почему? – спросил Чудик. – Я ей всегда так пишу в письмах. Это моя жена!.. – В письмах можете писать что угодно, а телеграмма – это вид связи. Это открытый текст. Чудик переписал. «Приземлились. Все в порядке. **Васятка**». Телеграфистка сама исправила два слова: «Приземлились» и «**Васятка**». Стало: «Долетели. **Василий**».*

Основная причина коммуникативной неудачи вокруг формы подписи в этом контексте заключается в том, что пишущий при выборе варианта обращения (подписи) учитывает лишь статус адресата и отношения между ними, игнорируя очень важный компонент реального речевого общения – характер речевого жанра. Можно сказать, что уменьшительно-ласкательная форма подписи *Васятка*, возможная в качестве обращения для жены пишущего, по мнению телеграфистки, оказывается слишком интимной, чтобы употребляться в «открытом тексте» – телеграмме, где по норме следует применять официальную форму обращения и подписи – полную форму личного имени *Василий*.

Примечателен и пример из телевизионной программы «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым (7): «Участник политического ток-шоу

несколько раз обращался к ведущему *Володенька*, на что В. Соловьев отреагировал следующими словами: *Может, я не буду отвечать на вашу любезность и называть Вас уменьшительно-ласкательным именем, потому что в моем возрасте меня так называть может только жена*. Через некоторое время другой участник программы обратился к В. Соловьеву по имени-отчеству *Владимир Рудольфович*. И такое обращение ведущий не оставил без комментария, сказав: *Ничего себе размах – от Володеньки до Владимира Рудольфовича* (ТВ. 18.09.2016)» [Юй 2017е: 154].

«В приведенных диалогах реакция ведущего обусловлена его пониманием несоответствия выбранных говорящими обращений ситуации общения, представляющей собою публичный диалог, относящийся к официальной сфере коммуникации. Оба комментария ведущего не что иное, как реплика на коммуникативную неудачу говорящего, обусловленную в первом случае несоответствием избранной говорящим стилистически маркированной формы обращения (уменьшительно-ласкательного, “домашнего” имени) официально-деловой коммуникативной ситуации, а во втором случае – несоответствием официально-делового варианта личного имени (имя-отчество) принятому в студии стандарту обращения к ведущему: чаще всего *Володя* при возможной полной (паспортной) форме *Владимир*» [Юй 2017е: 155].

«Следует отметить, что оба обращения к ведущему нарушили тот конкретный стандарт обращения, который сформировался в рамках его передачи. Это обращение *Владимир* в полном соответствии с тем, как обозначил себя сам ведущий в названии своих передач «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым». Так что такого рода «ситуативные» ошибки в обращении (*Володенька* и *Владимир Рудольфович*) можно квалифицировать не как нарушение этикетной нормы русской культуры, а как, может быть, нарушение нормы корпоративной» [Юй 2017е: 155].

Особого внимания заслуживает пример из пьесы А. Островского

«Бесприданница» (8): Вожеватов: *Мы, Робинзон, тебя не выдадим, ты у нас так за англичанина и пойдешь.* – Робинзон: *Как, сразу на «ты»? Мы с вами брудершафт не пили.* – Вожеватов: *Это все равно... Что за церемонии!* – Робинзон: *Но я фамильярности не терплю и не позволю всякому...* – Вожеватов: *Да я не всякий.* – Робинзон: *А кто же вы?* – Вожеватов: *Купец.* – Робинзон: *Богатый?* – Вожеватов: *Богатый.* – Робинзон: *И тароватый?* – Вожеватов: *И тароватый.* – Робинзон: *Вот это в моем вкусе. Очень приятно! Вот теперь я могу тебе позволить обращаться со мной запросто.* – Вожеватов: *Значит, приятели: два тела – одна душа.* – Робинзон: *И один карман. Имя-отчество? То есть одно имя, отчество не надо.* – Вожеватов: **Василий Данилыч.** – Робинзон: *Так вот, **Вася**, для первого знакомства заплати за меня!*

Коммуникативная неудача в данном контексте обусловлена разным восприятием коммуникантами несанкционированного перехода с одной формы обращения на другую (с «вы» на «ты»), что для А является избавлением от излишних церемоний, а для Б – фамильярностью и невежливостью, вызывающими недовольство адресата. Но, узнав профессию и социальный статус своего коммуникативного партнера, А сам сразу же перешел на «ты» и стал обращаться к адресату просто по сокращенному имени, которое сигнализирует о минимальной социальной дистанции между обоими собеседниками и об их дружеских взаимоотношениях. Это может объясняться тем, что объективные факторы коммуникативной обстановки часто связаны с субъективными моментами, скажем, коммуникативной стратегией и коммуникативной целью, которая достигается с помощью выбора говорящим подходящей, с его точки зрения, формы обращения.

Другие примеры текстопорождающей функции принятых в социуме этикетных форм обращения: (9) *Протягивая руку, он представляется: **Женя**. Не Евгений Витальевич – такое обращение к нему, живому, открытому и подвижному, совсем не подходит. Жизнь Евгения Миронова проходит с космической скоростью – иначе было бы невозможно все успеть* (Esquire,

апрель 2017. С. 113); (10) *П.М.* – которого к этому времени молодые коллеги уже называли только так, полностью, хотя под конец служебной пьянки могли назвать и **Петюней**, но уважительно и с любовью – перемены сразу и естественно очень понравились. (А. Кабаков. Зал прилета); (11) – *Вас как по батюшке-то?* – спросил Князев. – *Что надо, я спрашиваю?* – *Господи! Да вы что, испугались, что ли?* – *Что надо?!* – в третий раз спросил Кайгородов строго. – *Я, знаешь, всяких этих штук не люблю... – Как тебя зовут? Ты не сказал... – Николай Николаевич. – Николай... Меня – Григорий* (В. Шукшин. Штрихи к портрету (Некоторые конкретные мысли Н.Н. Князева, человека и гражданина)); (12) *А: А мы сейчас с вашим женихом брудершафт выпили. Теперь уж друзья навек.* – *Б: Благодарю вас.* – *В: Серж!* – *А: Вот видите, какая короткость* (А. Островский. Бесприданница); (13) – *Откуда у вас такое имя – Бронислав?* – *Поп с похмелья придумал. Я его, мерина гривастого, разок стукнул за это, когда сопровождал в ГПУ в тридцать третьем году... – Где это? Куда сопровождали?* – *А в город. Мы его взяли, а вести некому. Давай, говорят, Бронька, у тебя на него зуб – веди.* – *А почему, хорошее ведь имя?* – *К такому имени надо фамилию подходящую. А я – Бронислав Пупков. Как в армии переключка, так – смех. А вон у нас – Ванька Пупков, – хоть бы што* (В. Шукшин. Миль пардон, мадам!).

Особого внимания при выборе формы обращения требуют прагматические компоненты, игнорирование которых влечет за собой коммуникативную неудачу: (14) *Да как же, батюшка, – заговорил, остановившись, Несвицкий, <...> – как же не говорил, что мост зажечь, когда горючие вещества положили?* – *Я вам не «батюшка», господин штаб-офицер, а вы мне не говорили, чтоб мост зажигать!* (Л. Толстой. Война и мир). «Текстопорождающую причину в данном контексте представляет собой игнорирование одним из собеседников прагматического компонента в семантике слова *батюшка*, которое определяется как просторечное доброжелательное обращение к собеседнику [Балакай 2001: 35] и может использоваться как учтивое или почтительное обращение к индивидууму,

старшему по возрасту или высшему по положению в неофициальной коммуникативной ситуации. Выбор формы *батюшка* не соответствует теме разговора (военная тактика) и официальной обстановке» [Юй 2017б: 348].

«В некоторых случаях неучет прагматических компонентов граничит с неправильным словоупотреблением» [Ермакова, Земская 1993: 57]. Так, можно сказать, что прагматические компоненты, заключающиеся в употребленной форме обращения в определенном контексте, могут стать текстопорождающим фактором в процессе речевого общения, в особенности в случае коммуникативной неудачи. В качестве примера можно привести распространенную в наше время ситуацию (15), «при которой форма обращения к женщине вписана женщиной в общий контекст существующего в российском социуме гендерного неравенства, в частности в шуточки о «женской логике» и «женской дружбе», «слабом поле». Она отмечает *уважительное обращение начальников к одним подчиненным: Сергей, Иван... и снисходительное к другим: Леночка, Настенька... – надоело!* [Огонёк. 2016, № 41. С. 44]» [Юй 2017е: 154].

Распространенной «в разговорной устной речи является форма современного вокатива, имеющего особую грамматическую форму с усеченным окончанием типа *Жень, Надь, Люд, Сереж*, но и она может вызывать негативную оценку речевого поведения говорящего слушающим, который видит в этой форме проявление низкого социального статуса говорящего (16): в фильме «Любовь и голуби» В. Меньшова героиня Л. Гурченко, копируя обращение другой героини к своей дочери, сопровождает его обидным комментарием – *«Людк, а Людк!» Деревня!»* [Юй 2017е: 155–156].

Вместе с тем, учитывая речевую и/или эмоциональную реакцию собеседника на обращение и во избежание возникновения коммуникативной неудачи по поводу его применения, обуславливающей нежелательные коммуникативные последствия, говорящий не только уделяет внимание выбору варианта обращения, но и его исправляет, оправдывает и тем самым

налаживает отношения с адресатом:

(17) – *А о чём он (речь о А.И. Солженицыне) раздумывал так долго? – Ну, знаете, Слава (обращение к С.С. Говорухину), для него очень важно: как он имеет право обратиться к человеку. Скажем, если бы вы были дольше знакомы и он знал бы вас лучше, он мог бы написать «сердечно» или еще как-нибудь* (ЛГ. 2018, № 50. С. 21);

(18) Андрей: *Что тебе нужно? Я не понимаю.* – Ферапонт: *Я, Андрей Сергеевич, уже говорил раз десять.* – Андрей: *Во-первых, я тебе не Андрей Сергеевич, а ваше высокоблагородие!* – Ферапонт: *Пожарные, ваше высокоблагородие, просят, позвольте на реку садом проехать. А то кругом ездют, ездют – чистое наказание* (А. Чехов. Три сестры);

(19) Лариса: *До свиданья, Вася!* – Карандышев: *Называете его Васей. Что за фамильярность с молодым человеком!* – Лариса: *Мы с малолетства знакомы; еще маленькие играли вместе – ну, я и привыкла.* – Карандышев: *Вам надо старые привычки бросить. Что за короткость с пустым, глупым мальчиком!* (А. Островский. Бесприданница);

(20) *Только он, для важности, что ли, уж не знаю, зовет меня «ля-Серж», а не просто «Серж»* (А. Островский. Бесприданница);

(21) *Я Хариту Игнатьевну для краткости тетенькой зову* (А. Островский. Бесприданница);

(22) *Дай же я на тебя погляжу, лебедь белая! Тьфу, тьфу, тьфу... чтоб не сглазить!* (А. Чехов. Иванов);

(23) – *Здравствуйте, Федор Кузьмич!* – *донесся далекий вежливый голосок.* – *Что, у вас доченька заболела?* – *Заболела. Валентина...* – *Федор забыл вдруг, как ее отчество. Знал, и забыл. И переладился на ходу:* – *Валя, отпусти, пожалуйста, мужа, пусть приедет – на два дня! Всего на два дня! Валенька, я в долгу не останусь, я ...– Да нет, я ничего... Мы, правда, на дачу собрались. Знаете, зиму стояла без присмотра... – Валя, прошу тебя, милая! Долго сейчас объяснять, но очень нужно. Очень! Валя! Валь!..* (В. Шукшин. Как зайка летал на воздушных шариках).

Контекст (17) – яркий пример того, как важно выбирать корректное обращение в русской культуре во избежание коммуникативной неудачи. Как отмечает Е.А. Земская, слушающий часто расценивает прямые функции языковых единиц как косвенные. «Актуализация косвенных функций речевых актов объясняется их эмоциональной окрашенностью. Адресат нередко реагирует обиженно даже на очень слабый эмоциональный или иной прагматический компонент семантической структуры слова или высказывания, обнаруживая высокую степень ожидания обиды, упрека или иного вида агрессии со стороны говорящего» [Земская 1994: 133–134].

В ситуации (18) двучленная форма обращения «имя-отчество» совершенно нормальна с современной точки зрения. Текстопорождающим фактором является недовольство Андрея нетерпеливым ответом его сторожа Ферапонта, которое проявляется в придирке Андрея к выбору Ферапонтом формы обращения. Предлагаемая Андреем форма обращения *ваше высокоблагородие* «до революционной России – формула титулования и официально-почтительного обращения к военным и гражданским чинам 6, 7, 8 классов по Табели о рангах». Она «употребляется в просторечии с целью исключить возможную ошибку в обращении (когда чин адресата говорящему точно не известен), либо с целью польстить адресату при обращении с просьбой, жалобой или извинением» [Балакай 2001: 97–98].

А использованный вариант обращения к Андрею в реплике Ферапонта *ваше высочородие* обычно применяется к «чиновным лицам 5 класса», в просторечии является «почтительным или льстивым обращением к значительно высшему по положению» [Там же: 99]. Из контекста можно извлечь мысль Андрея о том, что при обращении с просьбой надо вести себя скромно и терпеливо. А реакция Ферапонта – использование уважительного варианта обращения и одновременно изменение своего нетерпеливого отношения к ситуации – как раз свидетельствует не только о принятии предложения Андрея, но и об уделенном им большем внимании употреблению обращения, что соответствует «принципу кооперации» и

может расцениваться как проявление коммуникативной ответственности со стороны говорящего.

Контексты (19) – (22) являются показательными образцами обоснования и оправдания выбора варианта обращения и одновременно примерами применения «языковых способов снятия ответственности за сказанное» [Чернейко 2016а]. В примере (19) мы наблюдаем обоснование выбора сокращенной формы имени, которая, с точки зрения Карандышева, подчеркивает излишнюю, чрезмерную близость между коммуникантами; в примере (20) – редукцию фамильярности, выраженную в добавлении к французскому аналогу русского имени частицы *ля-* на французский манер; в примере (21) – разъяснение причин, в силу которых говорящий не использует в качестве обращения к взрослому человеку традиционную форму «имя-отчество»; в примере (22) – устранение возможных негативных последствий, которые, согласно русским народным поверьям, могут быть вызваны чересчур ласковым, восторженным обращением к адресату.

В примере (23) один из собеседников корректирует свой выбор формы обращения во избежание прогнозируемой им коммуникативной неудачи, обусловленной его внезапным забыванием отчества коммуникативного партнера (жены своего брата). Получается, что говорящий при обращении перешел с «вы» на «ты» без возражения собеседника, а также поменял уважительную вокативную форму «имя-отчество» на сокращенные, коммуникативно и эмоционально маркированные формы *Валя*, *Валенька*, *Валь*, а также употребил в качестве обращения эмоционально-оценочное прилагательное *милая*. Успешный выход говорящего из такой неловкой коммуникативной ситуации можно объяснить тем, что весь процесс налаживания выбора обращения сопровождается уместным применением других языковых средств в речевом потоке и смягченным тоном, которые соответствуют коммуникативной цели говорящего – выражение просьбы – и родственным отношениям между собеседниками, что позволяет говорящему избавиться от возможных нежелательных последствий, вызванных

коммуникативной неудачей.

Как видно из проанализированных примеров, специфика содержательной стороны форм обращения и его функций отражает индивидуальность употребления вокативных единиц в различных функциональных сферах русской речи. Однако в реальном речевом общении при выражении разного рода отношений (уважение, умиление, снисхождение, пренебрежение, ирония) с помощью различных форм обращения во избежание коммуникативной неудачи необходимо учитывать социальную дистанцию между коммуникантами, придерживаться «принципа вежливости» и «принципа кооперации», базирующихся на коммуникативной ответственности.

4. Основные выводы

1. Формы обращения варьируются в зависимости от ряда объективных факторов, таких, как характер ситуации, возраст, профессия, статус говорящего и адресата в социальной или родственной иерархии, тема разговора, сложившаяся в определенном социуме традиция, жанровая закреплённость (маркированность) конкретных вокативных средств, а также от некоторых субъективных моментов – эмоционально-оценочного отношения субъекта речи к лицу-адресату, воспитания говорящего, его вкуса, симпатии и т.д. Из всех вариантов **личных имен** складывается парадигма, которая позволяет изучать составляющие ее части как со структурной (официальное полное имя, официальное неполное, неофициальные формы и морфемы, их создающие), так и с функциональной точек зрения, т.е. в аспекте позиционного распределения по типам коммуникативных ситуаций.

2. Способность **имени нарицательного** использоваться в функции обращения во многом зависит от его семантических параметров: большой вокативный потенциал присутствует у тех нарицательных имен, за которыми стоят «статусные» роли их референта, по которым они противопоставляются семантически смежным с ними. На формирование обращения влияют прагматические условия общения, например, пространственная,

психологическая и социальная дистанция между коммуникантами.

3. Проникновение разговорных, просторечных и других стилистически сниженных вариантов обращения в публицистическую и официально-деловую функциональные сферы речи, которое обусловлено либерализацией и демократизацией языка, приводит к нарушению традиционного «принципа вежливости», к несоблюдению социальной дистанции между коммуникантами и даже к вульгаризации русской речи.

4. В живой русской разговорной речи широко употребляемой оказывается такая синтаксическая конструкция, которая имеет вид обращения, а по сути представляет собой обособленный распространенный элемент обращения (субстантивный или адъективный оборот), подчиненный местоимению второго лица **ТЫ/ВЫ** (классическому обращению), который превращается в характеристику с субъективной оценкой говорящего по отношению к адресату (*А ты, гад, никуда от нас не уйдешь!*).

5. По иллокутивным целям обращения разделяются на два типа: вокативы и экспрессивы (оценки). Экспрессивы (оценки) можно подразделить на такие подтипы, как обращения-контактивы (контактоподдерживающие средства), обращения-деструктивы (контакторазрушающие средства) и обращения-характеристики. Обращения выполняют семантические (идентифицирующую и характеризующую) и коммуникативно-иллокутивные функции – призывную, а также фатическую функцию (контактоустанавливающую и контактоподдерживающую), осложненную эмоционально-экспрессивными, аксиологическими «добавками», выражающими отношение говорящего к адресату, которое может превратиться как в характеристику-хвалу, так и в инвективу при заполнении позиции обращения лексикой с пейоративной оценкой. Что касается пунктуационного оформления, отражающего синтаксические функции «обидных» обращений-деструктивов, то они, хоть и не являются членом предложения, но входят в его состав, тогда как инвектива реализуется самостоятельным предложением. Их функционально-семантическое

разграничение имеет, во-первых, иллокутивное обоснование: обидеть человека в акте обращения можно и «ненароком», просто неудачно выбранной формой, а оскорбление всегда предполагает интенцию говорящего в виде речевой агрессии, во-вторых, градуальное: оскорбление (инвектива) гораздо сильнее по силе воздействия и последствиям, чем нанесенная обида.

6. Использование обращений в художественных произведениях основывается на базе «житейского опыта» писателей, т.е. варианты обращения, функционирующие в литературно-художественных речевых жанрах, ничем не отличаются от употребленных в бытовых жанрах. Это дарит авторскому слову яркие краски в прорисовке социальных и коммуникативных взаимоотношений персонажей в различных жизненных сценариях.

7. Текстопорождающий потенциал часто обнаруживает себя при возникновении коммуникативной неудачи, вызванной неверным выбором варианта обращения, провоцирующим микротекст вокруг ошибки. Во избежание такого рода коммуникативной неудачи субъект речи должен выбирать определенную форму обращения из многочисленных вариантов, предлагаемых системой языка, не только исходя из узаконенных норм и правил русского речевого этикета, но и с позиции коммуникативной ответственности как одного из базовых принципов речевой деятельности, учитывающих и социальную дистанцию между собеседниками, и «принцип вежливости» как частный случай «принципа кооперации».

Глава III. Речевой акт «извинение» как объект исследования

1. Языковые средства реализации речевого акта «извинение»^б

Коммуникативные взаимоотношения нуждаются в определенных регуляторах, при помощи которых устраняются «неполадки» в процессе общения и достигается коммуникативная успешность. К числу так называемых коммуникативных регуляторов можно отнести и извинительные высказывания. По мнению С. Браун и П. Левинсон, извинение определяется как речевой акт, «подрывающий» имидж говорящего и «укрепляющий» лицо адресата: авторитет говорящего потерпел от извинения ущерб, тогда как авторитет адресата через него выигрывает [Brown, Levinson 1987: 68, 187]. Относительно этого мнения Р. Ратмайр сделала замечание: «При разного рода ненамеренных прикосновениях говорящий, извинившись, проявляет себя как вежливый человек, отнюдь не собиравшийся оскорбить адресата своим неуважением. Извинение за пустяковую оплошность способствует положительному имиджу не только адресата, но и самого говорящего» [Ратмайр 2003: 22–23].

Дж. Серль относит извинение к числу экспрессивных речевых актов, которые не имеют никакой установки на внешний мир. Иллокутивная цель экспрессивов (в том числе извинения) заключается в «выражении названного в условиях искренности состояния, связанного с обозначенным в пропозициональном содержании положением вещей» [Searle 1982: 34]. Однако, по мнению Р. Ратмайр, извинение вряд ли может быть включено в ряд экспрессивов, поскольку оно имеет иную (собственную) иллокутивную цель, а именно – привести положение дел в реальности в соответствие с языком. В силу этого автор считает извинение директивом. Однако в отличие от прототипических директивов, направленных на внеязыковой мир действий и событий, «в извинениях речь идет о когнитивном мире оценки» [Ратмайр

---

^б При написании параграфа использовались материалы статьи автора диссертации: Чернейко Л.О., Юй Исин. К вопросу о функционировании извинения в бытовом и публичном типах речи // Вестник Башкирского университета. 2017. № 4. С. 1141-1146.

2003: 62–63]: произошло изменение внеязыкового мира в связи с причинением говорящим возможного или реального ущерба собеседнику (адресату), в связи с чем адресат чувствует (мог бы чувствовать) себя оскорбленным. При помощи извинения говорящий пытается снять сложившуюся у собеседника негативную оценку его поведения. Н.А. Трофимова, учитывая точки зрения Дж. Серля и Р. Ратмайр, рассматривает извинение как «полиинтенциональный, гибридный речевой акт, интегрирующий, кроме директивной интенции, и ряд других облигаторных реализуемых коммуникативных намерений» [Трофимова 2008: 35], таких, как оправдание, признание собственной вины, выражение сожаления по поводу собственного некорректного поведения и т.д.

В коммуникативном акте извинения локуция, иллокуция и перлокуция распределены между говорящим и слушающим следующим образом: локуция и иллокуция перформативного речевого акта извинения – это пространство говорящего (произнесение извинительного высказывания с целью оправдания своего поведения, признания собственной вины, принятия ответственности за произошедшее, выражения сожаления, редуцирования или снятия возможной негативной оценки для восстановления коммуникативного равновесия с партнером по общению); перлокуция – это пространство слушающего, готового принять извинения или не принимающего их в зависимости от характера нанесенного ущерба (его чрезвычайной серьезности или малозначительности).

«Извинение в качестве одной из речевых этикетных форм предполагает обязательные “этапные” компоненты, или фазы: человек, уверенный в причинении какого-либо ущерба другому и осознающий это, признается в своем проступке, сожалеет об отрицательных последствиях своего непреднамеренного поведения и просит адресата о прощении, облегчая свою совесть и восстанавливая свой имидж в глазах адресата. Причиненный ущерб может быть как материальным (физическим), так и нематериальным (нравственным)» [Чернейко, Юй 2017б: 1141]. В зависимости от типа

речевого жанра и характера причиненного ущерба в языковых формах извинения усматривается различие в интенсивности выражаемой иллокутивной силы. А выбор адресатом (слушающим) реплики-реакции (шире – типа речевого поведения) зависит от впечатления, произведенного на него извинительным высказыванием (его перлокутивным эффектом), и входит в его прерогативу: в случае успешности извинительного акта перлокуция состоит в принятии адресатом извинения и восстановлении гармоничных отношений собеседников для общения.

Извинительный речевой акт в русском языке оформляется по-разному в зависимости от коммуникативной ситуации, но наиболее употребительными средствами его языковой реализации являются императивы **извини(те)**, **прости(те)** и их аналоги – **прошу прощения**, **прошу меня извинить**, **извиняюсь**, **виноват(а)**, **пардон** и т.д. Все данные языковые формы имеют общую семантику (это признание своей вины в чем-либо и просьба о прощении у адресата), но различаются по своим смысловым нюансам.

Глагол **извинить** в словаре С.И. Ожегова имеет следующее толкование: 1) оправдать чем-н.; 2) выражение сожаления по поводу причиняемого беспокойства, неудобства, а также форма вежливости при обращении, вопросе; 3) выражение протеста, несогласия. А слово **простить** трактуется следующим образом: 1) не поставить в вину чего-н., забыть вину, обиду; 2) освободить от какого-н. обязательства.

Нужно отметить, что в императиве **извини(те)** приводятся оправдания для смягчения допущенной ошибки или вины, тогда как использование формы **прости(те)** опирается на великодушие собеседника, ему предлагается не обижаться на совершенный неправильный поступок при отсутствии каких-либо оправданий. Показательно, что, «хотя в глаголе “извиняться” содержится корень “вин-”, с большей тяжестью вины коррелирует как раз частота употребления формы “прости/те”» [Ратмайр 2003: 83]. При этом, по мнению Р. Ратмайр, «вариант “прости/те” может быть употреблен как в незначительных, так и в серьезных случаях, тогда как употребление варианта

“извини/те” скорее ограничено пустяковыми поводами» [Там же]. Эту разницу можно увидеть в следующей паре высказываний: *Извините, у меня просто с утра настроение плохое* (В. Пелевин. Желтая стрела); *Простите, что был неводержан* (С. Довлатов. Заповедник. НКРЯ).

Возвратная форма **извиняюсь**, будучи перформативной, также заслуживает особого внимания: она считается стилистически маркированной и относится к нелитературному просторечию. Как пишет В.В. Колесов, слово **извиняюсь** возникло в среде обрусевших иностранцев и московских купцов, в начале XX в. московские газеты выражали надежду на то, что его употребление ограничится кругом трамвайных кондукторов и продавцов [Колесов 1988: 232]. По мнению А.М. Селищева, в форме **извиняюсь** «полного значения просьбы об извинении не выражается» [Селищев 2003: 42]. Н.А. Трофимова указывает на ненейтральность такого формоупотребления – его «категорично-констативный характер, не допускающий сомнений в результате речевого действия, т.е. в его перлокутивном эффекте». «Говорящий не просит прощения, а декларирует его получение, будучи уверенным в невозможности иного исхода ситуации» [Трофимова 2008: 61], в великодушии адресата, в малозначительности ущерба.

Антипатию у слушающего, вызванную употреблением формы **извиняюсь**, можно объяснить ее грамматическим оформлением: это не повелительное наклонение, свидетельствующее о направленности просьбы адресату, а своего рода «самоизвинение», т.е. вектором извинения является не собеседник, а сам говорящий. Иначе говоря, форма **извиняюсь** не означает ‘прошу меня извинить’, а имеет значение ‘я самого себя извиняю’, что в русском коммуникативном пространстве оказывается не только формальным, декларативным, но и совсем неискренним и даже невежливым.

Языковой вариант извинения **пardon** употреблялся в России XIX в. (наряду с другими галлицизмами) поначалу преимущественно в речи лиц, свободно владеющих французским языком. Но с расширением сферы

употребления эта форма приобрела в современной обиходно-бытовой речи разнообразные социостилистические оттенки: от манерно-«галантерейного» извинения до фамильярно-иронического или дружески-шутливого [Балакай 2001: 346]. Обосновывая эту тенденцию развития извинения **пардон**, приведем следующие примеры: *Точно, точно! Только не голубое, **пардон**, а белое. Голубого я что-то не помню...* (Ю. Трифонов. Дом на набережной); ***Миль пардон**, мадам, **тысяча извинений**, сударыня, мы слишком хорошо поняли друг друга* (А. Китаева. Белый танец. НКРЯ).

Форма **виноват(а)** – выражение признания собственной вины. Она употребляется либо в сочетании с формой извинения (**извините/простите**), либо самостоятельно как форма учтвого извинения, например: *Ах, **виноват**, **извините!** Темно, все близко, и я ничего не разбираю: где ноги, где руки, где пятки...* (Н. Коляда. Мы едем, едем, едем в далекие края...); *Нина, **я виноват!** Я молчал так долго, не говорил* (А. Андропова. Вариант нормы. НКРЯ).

В сугубо официальных ситуациях или при большой степени серьезности причиненного ущерба часто происходит усиление извинительного акта, которое достигается языковым «расширением» за счет введения глаголов в форме первого лица прошу/просим, умоляю, приношу/приносим (***прошу** меня извинить, Я Вас **умоляю** простить меня, **приношу** (**приносим**) свои извинения, я **считаю** долгом **принести** Вам свои извинения*), либо глаголами в форме второго лица повелительного наклонения прими(те), разреши(те), позволь(те) (***примите** мои (наши) извинения, **разрешите** извиниться (перед Вами), **позвольте** попросить у Вас прощения*), либо некоторыми прилагательными, наречиями, числительными, такими, как ***примите** мои **глубокие, искренние** извинения, я **очень** извиняюсь, я **действительно** должен перед вами **ужасно** извиниться, **тысяча** (**тысячи**) извинений, **миллион** извинений* и т.д.: *Сегодняшние рейсы Montenegro airlines из Тивата в Москву и назад будут выполнены с опозданием, в связи с чем **приносим извинения нашим уважаемым пассажирам**, которым обеспечим необходимые условия* (РИА Новости, 07.03.2018); *Прежде всего **позвольте***

извиниться, что я принял вас за революционера (Р. Гуль. Азеф. НКРЯ); *Я очень извиняюсь перед всеми, кто негативно отнесся к этой информации, на которых она произвела негативное впечатление* (РИА Новости, 01.03.2018); *Миллион извинений, конечно, но где же ваш Костя?* (Л. Карелин. Головокружение // Юность, 1971. НКРЯ).

Следует отметить, что извинительное высказывание может подвергаться редукции, которая осуществляется в таких коммуникативных ситуациях, как, например: *Извините, если я вас обижу, но я ничего не слышал об Институте искусствознания до этого конфликта* (Д. Трубочкин, А. Архангельский. Культура не может быть эффективной // Огонёк, 2013. НКРЯ); *Извините, если невпопад, но хочу сделать вам подарок* (Дина Рубина. Белая голубка Кордовы); *Чего-то преступного, обольстительного... простите, если вас это задевает...* (Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын). В данных высказываниях предварительные извинения более или менее оказываются ослабленными. Они, по мнению Р. Ратмайр, могут подводиться под «сомнение или критику адресата и его оценки произошедшего как отклонения от нормы» [Ратмайр 2003: 110], а также могут интерпретироваться как возможные языковые средства для освобождения от ответственности.

Кроме того, существует и несколько типов косвенных форм извинения, которые сопровождают, дополняют и в некоторых случаях заменяют извинительный речевой акт, в том числе:

1) признание собственной вины и ответственности: *Хорт, я приношу извинения, это моя вина...* (М. Дяченко, С. Дяченко. Магам можно все. НКРЯ); *Да, сынок. Это моя ошибка. Прости меня* (А. Пантелеев. Ленька Пантелеев. НКРЯ); *Нет, нет, вы ни в чем не виноваты – это я сам, это мой грех* (В. Шаламов. Колымские рассказы); *А на это, – и генерал начал вылезать, пятась задом, – не обратил внимания, каюсь* (Дина Сабитова. Цирк в шкатулке. НКРЯ);

2) отрицательная оценка субъектом речи самого себя или совершенного

им же поступка: – *Мне так стыдно, мама, – сказала она. – Я вела себя просто безобразно* (А. Маринина. Не мешайте палачу. НКРЯ); *Сир, мне ужасно неловко, что отнял у вас время, но я не к вам и не в гости* (С. Осипов. Страсти по Фоме. НКРЯ); *Извини, это дело семейное, мне неудобно* (В. Михальский. Храм Согласия. НКРЯ); *Господи, какой я дурак! Я все испортил* (Т. Тренина. Русалка для интимных встреч. НКРЯ); *Это мы навели на нее того страшного разноглазого типа! Какой ужас!* (Н. Александрова. Последний ученик да Винчи. НКРЯ); *Настасья, доченька, что я наделала... Зови старика, он что ли с собой сотворит...* (В. Личутин. Крылатая Серафима. НКРЯ);

3) предложение по компенсации ущерба либо обещание исправиться: *Извини за причиненные неприятности, я компенсирую тебе все моральные издержки, получишь хорошую сумму, куплю тебе квартиру, естественно, оплачу обучение Юры* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки. НКРЯ); *Простите, сэр, привычка. Больше не буду...* (В. Губарев. Трое на острове. НКРЯ); *Мама, ты не обижайся, жизнь, она такая сложная... Но этого больше не будет, мама!* (Ф. Кнорре. Ночной звонок. НКРЯ);

4) модальные частицы, в роли которых выступают как фразеологизмы («риторические восклицания» [Чинова 1999: 281]) типа ради бога, Христа ради, бес попутал: *Ради Бога, извините, он сегодня не сможет ни с кем говорить* (С. Спивакова. Не всё. НКРЯ); *Вы же сами сказали, что среди отреагировавших будет много чокнутых, поэтому, Христа ради извините, на телевидение не надо обращаться, я передумала* (А. Ткачева. Приворот. НКРЯ); *Теперь же оказалось, что все эти годы все было не так. Извините, в 2000 году бес попутал* (Радио Свобода, 17.12.2017), так и глагол второго лица знаешь/знаете: *Вы знаете, мама, лучше мы на этом деле сэкономим чуть-чуть, а я потом куплю новую машину* (А. Геласимов. Чужая бабушка. НКРЯ); *Ты знаешь, это очень длинная история, я тебе её как-нибудь потом расскажу* (С улыбкой // Даша, 2004. НКРЯ). Уместно отметить, что восклицания ради бога, Христа ради и бес попутал могут считаться

признаком интенсификации извинительного высказывания, а обороты (*вы*) *знаете/(ты) знаешь* – это вводные слова, приводящиеся до разъяснения обстоятельств, при которых происходит очевидное отклонение от нормы или возникает помеха, и потому, по мнению говорящего, необходимо принести извинение. По результатам исследования Р. Ратмайр, выражение *ты знаешь/вы знаете* может использоваться как сильно сокращенная форма извинения [Ратмайр 2003: 93].

2. Извинение в разных речевых жанрах

Извинения функционируют в разных речевых жанрах: необходимость принесения извинения и употребление при этом конкретного языкового средства коррелируют с такими параметрами, как характер причиненного ущерба в той или иной ситуации, признаки социальных и ролевых взаимоотношений между извиняющимся и адресатом, официальность/неофициальность коммуникативной обстановки, тональность речевого общения, которые в определенной степени связаны с характером речевых жанров.

Кроме того, принесение извинения предполагает существование определенной пресуппозиции, которая, по мнению Н.Д. Арутюновой, представляет интерес для изучения диалогической речи, с одной стороны, и коннотативной семантики, с другой [Арутюнова 1973: 88]. Пресуппозиция «входит в семантику предложения как “фонд общих знаний” собеседников, как их “предварительный договор”» [Там же: 85]. Главное отличие пресуппозиции от сообщаемого, как отмечает Н.Д. Арутюнова, заключается в «константности при отрицательных, вопросительных и модальных преобразованиях, а также при обращении в придаточное предложение» [Там же]. Если сообщаемое соотносится с местоимением «я» и моментом речи, то пресуппозиция коррелирует с местоимением «мы» и временем, предшествующим сообщению.

В теории речевых актов рассматриваются ситуативные и прагматические пресуппозиции высказывания (речевого акта). Под

пресуппозицией понимаются предпосылки и предварительные условия, которые принято называть «условиями удачи», которые, «не входя в языковое значение высказывания, создают почву для его употребления и позволяют ему достичь коммуникативной цели» [Арутюнова 1973: 88]. Следовательно, при рассмотрении мотивации извинения нужно исходить из характера конкретной коммуникативной ситуации, а также из соответствующих ситуативных и прагматических пресуппозиций. Понятие «пресуппозиция» в теории речевых актов, являясь основой изучения мотивации извинения, помогает узнать и тем самым суммировать правила поведения в разных жизненных ситуациях.

Пристального внимания заслуживает вклад австрийского филолога Р. Ратмайр в лингвистическое изучение извинения, в особенности ее классификация единиц данной категории. Р. Ратмайр предлагает разделить все извинения на три группы на основе различия в причинах, вызывающих этот речевой акт [Ратмайр 2003]: «по существу» (за причиненный действием ущерб), конвенциональные (за нарушение установленных правил поведения) и метакоммуникативные (за ущерб, причиненный речевым действием, т.е. за слова). Но в некоторых случаях, как отмечает исследователь, метакоммуникативные извинения могут быть и извинениями «по существу». Именно такие неординарные случаи и требуют к себе лингвистического внимания.

При этом, как отмечает Р. Ратмайр, извинения «по существу» «в обязательном порядке нужно формулировать более весомо, чем с помощью одного глагола извинения в императиве. Эти извинения требуют дифференцированной вербальной реакции и могут быть даже отклонены» [Ратмайр 2003: 179]. Если репликой, следующей за метакоммуникативным и конвенциональным типами извинения, может служить молчание, то составляющая часть ответа на извинение «по существу» в большинстве случаев – однозначное согласие или отклонение принять извинение.

2.1. Извинение в бытовых речевых жанрах

Жанры обиходно-разговорной речи – сложный коммуникативный феномен, который характеризуется «спонтанностью, неофициальностью, непосредственностью, постоянным активным участием слушающего (как следствие – частой сменой тем, коммуникативных ролей, непредсказуемостью)» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2006: 67]. Повседневная речь часто проявляется в устной форме, в определенной степени является неподготовленной или полуподготовленной на тему из «категории сиюминутности» [Харченко 2010], изобилуя разговорной лексикой и просторечием. Наряду со спонтанностью, В.К. Харченко выделяет три остальных признака разговорного дискурса: компрессию, деликатность и избыточность [Там же: 94]. Кроме того, Т.В. Шмелева отмечает, что в повседневном общении (и в сфере бытовой, деловой или массовой коммуникации) используется «обыденная риторика» [Шмелева 1992: 14]. Как отмечается, речевые жанры обиходно-разговорной речи делятся на риторические и нериторические. Риторические жанры обслуживают неофициальные, но публичные коммуникативные ситуации [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2006: 68].

Бытовые речевые жанры отличаются от других жанров речи своей обыденностью, при этом они не обладают никакими признаками научности. В них функционирует множество индивидуально-авторских языковых средств, в которых видится «стихийно-естественная и непосредственно отражательная природа» [Голев 2008: 12] языка. В повседневной речи не обнаруживается «тех закономерностей, которые невидимы поверхностному взору, недоступны простой интуиции и сознанию, вооруженному лишь школьными знаниями и мифологическими представлениями о природе языка» [Там же: 12 – 13].

В бытовых речевых жанрах извинение функционирует довольно часто и широко. Наиболее распространенные языковые средства реализации извинения в бытовой речи – императивы **извини(те)**, **прости(те)**, возвратный

глагол **извиняюсь**, а форма **виноват(а)** используется в современных обыденных ситуациях намного реже, чем в бытовых диалогах и полилогах конца XIX в. – начала XX в.

Извинение приносится в бытовой речи по самым разным поводам и причинам, в том числе по вербальным поведенческим (речевым) действиям. Извинение приносят тогда, когда совершается неверный с точки зрения говорящего (неправильный либо неуместный) поступок. Им может оказаться, например, опоздание, задержка или отлучка, неподобающая одежда, игнорирование присутствия знакомого лица, отказ собеседнику в чем-либо, поведение, ставящее собеседника в неловкое положение, причиненный материальный (физический) ущерб и пр.

На основе анализа собранных материалов (извинительных высказываний в обыденных ситуациях из литературно-художественных произведений) можно обнаружить, что извинения в бытовых речевых жанрах могут быть разделены по предложенной Р. Ратмайр классификации на следующие три типа:

1) извинения «по существу»

(1) – *Господа, опять в моем кабинете кабак завели!.. Тысячу раз просил я всех и каждого не делать этого... Ну вот, бумагу водкой облили... крошки-огурцы... Ведь противно! – **Виноват, Николаша, виноват... Прости** (А. Чехов. Иванов);*

(2) – *Кирилл где-то достает. (Обняла мужа, Никита облился чаем.) – Ну вот, обновил палас называется! Руки дырявые, да? – **Извините... Я не хотел... Извините...** (Н. Коляда. Игра в фанты);*

(3) *Танька резко вскочила из-за стола. Бутылка опрокинулась и окатила летчика полусладким шампанским. – Ой! – сказал летчик. – Ой! – смутилась Танька. – **Извините, пожалуйста** (В. Токарева. Неромантичный человек);*

(4) *Тогда Танька подняла с земли здоровенный сук, подошла сзади и стукнула летчика по макушке. Летчик ухватился за голову обеими руками, поднялся с Мишки. Обернулся, глядя на Таньку. И небо, и Танька, и лес слегка*

поплыли перед его глазами. – Ой! – смутилась Танька. – **Извините, пожалуйста** (В. Токарева. Неромантичный человек);

(5) – *Да побейте же вы их, этих мух, Игорь Петрович! Мух сколько! Побейте их!* – Это я с удовольствием. (Ходит, лупит мух газетой. Несколько раз стукнул газетой по голове Натальи.) – **Простите**. Мухи (Н. Коляда. Дыроватый камень);

(6) – *Мне больно. Пусты. Болит все внутри. Знаешь, как это страшно?* – **Прости, прости, прости меня**. Моя любимая, моя хорошая, **прости меня!** (Н. Коляда. Игра в фанты).

Довольно часто извинения приносят за нанесенный материальный (примеры 1 – 3) или физический (примеры 4 – 6) ущерб. Для данных извинений последствия, спровоцированные допущенной ошибкой, могут быть весьма серьезны: в ситуации (1) – грязь в кабинете, в ситуации (4) у персонажа от удара все закружилось перед глазами, а в ситуации (6) – страшная боль, которую физически ощущает персонаж (адресат извинения). При принесении извинения за такой реально нанесенный вред говорящий часто испытывает сильные эмоции типа смущения, изумления и даже тревоги, указывая на случайность и непреднамеренность своего поступка (промаха), как в примере (2), либо ссылаясь на смягчающие объективные обстоятельства – *мухи* (пример 5).

В примере (7) *Я заложил дом, не испросив у вас позволения... В этом я виноват, да, и прошу меня извинить* (А. Чехов. Три сестры) причина извинительного акта и сама его форма не соответствуют друг другу: причина очень серьезная – субъект речи заложил дом, являющийся общим семейным имуществом, не спросив разрешения у родной сестры, что требует извинения «по существу», т.е. за проступок, а выглядит извинением этикетным за нарушение установленных конвенций. Адекватной причине должна быть в этом случае мольба о прощении, а не извинение и не просьба.

(8) *Летчик увидел своего начальника. Перестал играть. Опустил трубу на колени. – Я вас разбудил. Извините, пожалуйста...* (В. Токарева.

Неромантичный человек). Беспокойство, причиненное адресату, спровоцированное игрой на трубе до 6 часов утра, в ситуации (8) считается довольно серьезным, что требует извинения «по существу».

(9) *Галя вдруг завизжала, увидев в кустах качалку с Феклой, накрытой марлей. Б (откинула марлю, хрипит). – Кто тут? Кто? Что? Что?! Миня где?! Галя (помолчала, улыбнулась). – Ой, простите меня... Я иду, иду, смотрю, что-то белое в кустах, так испугалась, и еще храп такой, я вообще в осадок... (Н. Коляда. Букет);*

(10) *А – Простите, что я закричала. Я не хотела напугать вас. Мне кажется, что там, в этих чёрных пакетах, в чёрных этих штуках живёт Смерть. Вы простили меня? Простили? Б – Я не обиделся. Нет. Я вас понимаю. То, что вы говорите. Понимаю. Это я виноват. Сам. Сам, ничего не говорите. Я буду доставать их отсюда, из груди. Так даже лучше – ведь она у меня в сердце... (Н. Коляда. Венский стул).*

Из ситуаций (9) и (10) видно, что говорящий извиняется за эмоционально несдержанный поступок, например, крик, который может обеспокоить или даже напугать других. Можно заметить, что в примере (10) в реплике А кроме формы извинения *простите* содержится обещание исправиться и вопрос о том, принял ли адресат извинения, которые в какой-то степени усиливают искренность извинительного акта и тем самым помогают урегулировать отношения между говорящим и собеседником. Собеседник Б включает в свою реплику «заверение в том, что случившееся не нарушило равновесия отношений и ничего серьезного не произошло» [Щербакова 2012: 152], и признание собственной вины как часть отрицательного ответа на извинение А для редуцирования его ответственности за неприятное происшествие.

(11) *Простите, я не могу вас взять. Вы не из нашего района (В. Токарева. Неромантичный человек);*

(12) *Извините, я благоговею перед вашим талантом, готов отдать за вас десять лет жизни, но лошадей я вам не могу дать! (А. Чехов. Чайка).*

Мотив извинения в примерах (11) и (12) – отклонение просьбы собеседника, что ущемляет его интересы и даже может привести к материальным потерям (пример 12).

(13) – ***Извините**, ваше превосходительство, что осмеливаюсь беспокоить вас. Но если прикажете обратиться к ее превосходительству, то не благоволите ли сообщить их адрес* (Л. Толстой. Анна Каренина);

(14) *Мы замолчали. Свете что-то мешало. – **Извините**... – решила она. – Но вы не могли бы и дальше разговаривать с нашим Денисом?* (В. Токарева. Мужская верность).

В обыденном общении тип речевого поведения, который часто обуславливает извинения «по существу», представляет собой введение в ситуацию нетактичной просьбы (примеры 13 – 14). В примере (13) извинение приносится по поводу причиненного вышестоящему по положению адресату беспокойства неуместной просьбой. В контексте (14) причина извинительного высказывания – просьба к адресату, которую говорящий считает для него обременительной.

Извинение в ситуации (15) – *Что, Устинья Наумовна, скоро приедет? – **Виновата**, сейчас провалиться, **виновата!** А дела-то наши, серебряные, не очень хороши!* (А. Островский. Свои люди – сочтемся) произнесено по причине передаваемой адресату негативной информации (*не очень хорошие дела*), затрагивающей его интересы.

(16) – *Послушайте, – спросил Смоленский, глядя в пол, потому что боялся сорваться, – неужели вот так лежал бы ваш собственный ребенок? – **Извините**, не заметила. Только что все было в порядке, – сказала Люда, и Смоленский видел, что она врет* (В. Токарева. Пропади оно пропадом);

(17) ***Извините!** Я виноват перед вами. Так вы не забыли меня, вы еще... меня любите?* (А. Островский. Бесприданница);

(18) *Ах, Владимир, я вас совсем покинула. **Простите**. Знаете, Володя, что нет такого мужика, которого нельзя было бы раскрутить? Знаете?* (Н. Коляда. Пишмашка);

(19) *Я одна виноватая! Я записку носила! На деньги польстилась, барыня! Простите меня, окаянную!* (А. Чехов. Безотцовщина).

Необходимо отметить, что извинение «по существу» нередко приносится за нарушение как конкретной профессиональной (пример 16), так и общепринятой нравственно-поведенческой нормы (примеры 17 – 19). В контексте (16) говорящий видит упрек в реплике адресата, извиняется за свое неподобающее поведение на должности палатной сестры, ссылаясь на свою рассеянность, что, по-видимому, не убеждает слушающего и не избавляет говорящего от ответственности за совершенную ошибку. В высказываниях (17) и (18) извинение приносится за неожиданный разрыв любовных отношений говорящего с адресатом, который причинил последнему душевную боль, что в рамках социальных отношений оценивается негативно – как тяжкий проступок, как предательство. Но особого внимания заслуживает пример (18), в котором, кроме извинения по той же причине, что и в (17), содержится и очевидное оправдание (объяснение) говорящим своего поступка, приведенное вводным словом *знаете*, которое может расцениваться и как обвинение в адрес собеседника. В аналогичной ситуации (19) представлено извинение за корыстное поведение, которое с моральной точки зрения, безусловно, расценивается негативно.

(20) *А лидеры мне не нужны, – объяснила начальница. – Так что утверждайте себя в другом месте. Другого места у Лены не было. Ее просто выгнали на улицу. – Ну извините, – сказала Лена на прощание. – И вы извините, – великодушно ответила начальница. Все-таки ей неудобно было выгонять работника, выставляя за дверь* (В. Токарева. Другая). Причиненным собеседнику ущербом в этой ситуации можно считать невозможность осуществления говорящим ожиданий адресата. Лена извиняется за свое поведение на работе, которое не соответствует требованиям начальницы к сотрудникам. А начальница приносит извинение за свое неадекватное представлению Лены требование и потому увольнение вопреки желанию подчиненной. Обе стороны общения не оправдали надежд,

связанных друг с другом.

В обыденном общении словесное оскорбление, связанное с негативной эмоцией, дерзость или грубость речи могут стать поводом для извинения «по существу», например:

(21) – *Я хочу, чтобы я перед вами был совершенно чист, не был бы вам должен, а потому прошу вас извинить за мое вчерашнее поведение... Я вчера вечером наговорил вам дерзостей, был груб, зол... **Извините, пожалуйста...** Извиняете? – Извиняю* (А. Чехов. Безотцовщина). Говорящий в этом примере извиняется за свою дерзость и грубость, причем дополняет свой извинительный акт вопросом о том, примет ли его извинения адресат, что свидетельствует о серьезности нанесенного вреда с точки зрения говорящего и об искренности его извинения.

(22) *Я отец, а вы кто? Кто вы, молодой человек? **Извините**, хлыщ, промотавшийся помещик* (А. Чехов. Безотцовщина);

(23) *Хороший, умный ты человек, Тимофей Гордеич, но большой мошенник! **Ты меня извини...** Я по дружбе... Ведь мы друзья? Большой мошенник!* (А. Чехов. Безотцовщина);

(24) *И вам здесь нет дела! Можете... убираться! Нахальство! Нагадить, напакостить, наподличать, а потом прийти и на муки свои жаловаться! Дипломат! Впрочем... **извините меня!** Если не хотите выслушать еще что-нибудь, то уходите! Сделайте милость!* (А. Чехов. Безотцовщина).

Примеры (22) и (23) свидетельствуют о таком мотиве извинительного высказывания, как негативная оценка говорящим адресата, содержащая нелицеприятную характеристику – *хлыщ, промотавшийся помещик* и *большой мошенник*, оправданием которой является «дружба» собеседников (пример 23). В ситуации (24) извинение приносится за двойной «ущерб»: и за словесное оскорбление, нанесенное адресату, и за нетактичную просьбу к нему об уходе.

(25) *А. Ах матушки вы мои! Посконный сарафан сошью да вот на*

голову тебе и надену! С поросятами тебя, вместо родителей-то, посажу! –
Б. Как же! Позволю я над собой командовать! Что, вам угодно спровадить
меня на тот свет прежде времени, извести своими капризами? (Плачет.) –
А. Ну, полно, полно! (Липочка плачет громче и потом рыдает.) Ну, полно ты,
полно! Говорят тебе, перестань! Ну, **я виновата**, перестань только, **я
виновата**. Ну, не сердись ты на меня (плачет)...бабу глупую... неученую...
(Плачут обе вместе.) Ну, **прости ты меня**... сережки куплю (А. Островский.
Свои люди – сочтемся). В данном контексте мы наблюдаем ссору между
матерью и дочерью, которая завершается извинением матери,
сопровождающимся самообвинением и обещанием материально (покупкой
сережек) возместить нанесенный дочери психологический ущерб.

(26) Цыгане шумною толпою толкали задом паровоз! Молчать, кусок
сороконожки! Дурак не идет в овраг и не лечится! Ходют, сектанты, блин, с
поросячими носами! «Харекришины» прошли, не обращая внимания на
Тамарины крики. Поют. Тамара пошла к Асе в одном сапоге, стала вдруг ее
обнимать, плачет с нею вместе. **Прости**. Поздравляю. Искренне рада. Давай,
по шампаневичу, за твой брак (Н. Коляда. Тутанхамон). В этой ситуации
говорящий извиняется за неприличный крик и уничижительные слова,
вызванные его плохим настроением и неумением владеть собой, хотя они
направлены не на адресата. Настоящая причина извинения в этом контексте,
можно сказать, заключается в несоответствии неприятных слов говорящего
веселой атмосфере, царящей на бракосочетании собеседницы.

(27) А. – Будь он чем ему угодно, а я скажу правду! Отчего не взяли
себе в мужья кого-нибудь другого, а не этого пигмея, погрязшего в долгах и
безделье?.. Б. – Оставьте! Не кричите! Идут... А. – Черт с ними! Пусть все
слышат! **Извините меня за резкость**... (А. Чехов. Безотцовщина);

(28) Костя, не плачь. Ну, что же вы оба расхныкались? Отчего
плачете? Я не переношу чужих слез! Хватит! **Прости меня!** Стойте все!
Сейчас красиво станет! (Н. Коляда. АМИГО).

Пример (27) обнаруживает такой повод для извинения, как резкость и

грубость в словах, которые находят свое отражение в выражениях *пигмей, погрязший в долгах и безделье, Черт с ними!* В примере (28) говорящий извиняется за категоричность своей просьбы, в которой усматривается резкость.

2) конвенциональные извинения

(29) *Знаете, у меня такой бардак, жена в отъезде, простите... Сын совершенно не следит за собой, отбивается от рук, мальчишка, шестнадцать лет, знаете, переходный возраст, я поздно родил, не умею справиться...* (Н. Коляда. Моцарт и Сальери);

(30) – *Сюда, налево пожалуйста. Извините, что нечисто. Они теперь в прежней диванной, – отпыхиваясь, говорил швейцар* (Л. Толстой. Анна Каренина);

(31) *От души и от имени нашей фирмы поздравляем вашу фирму и желаем, конечно же... Простите, тут не пропечаталось – ну, конечно же: фирма «Комплектстройремсервис»...* (Н. Коляда. Кармен жива).

Значительным поводом для конвенциональных извинений является нарушение этикета. В ситуациях (29 – 30) извиняются за неблагоприятно сложившиеся обстоятельства, результатом которых является и «бардак в семье», и «нечистота». «Бардак» в ситуации (29) оправдывается такими смягчающими, с точки зрения говорящего, обстоятельствами, как «жена в отъезде», «переходный возраст сына» и «позднее рождение ребенка», введенными сокращенным (косвенным) извинением *знаете*. В примере (31) причина извинения представлена эксплицитно: говорящий не может прочитать в поздравительном адресе плохо пропечатанное и трудно произносимое название фирмы.

(32) – *А разве можно при дамах зевать? – Pardon, mesdames {Простите, сударыня (фр.)}, это я нечаянно* (А. Чехов. Иванов);

(33) *Я ушла не простившись, пусть извинят...* (А. Чехов. Безотцовщина);

(34) *Вы и представить себе не можете! Я вам сейчас покажу, Анна*

Петровна... Извините, Сергей Павлович, мы будем секретничать...
(А. Чехов. Безотцовщина);

(35) *Виноват, господа, позвольте мне поговорить с Сашей наедине*
(А. Чехов. Иванов).

Примеры (32) – (35) показывают, что субъект речи в ходе общения приносит извинение за нарушение установленных этикетных норм, в том числе, например, за зеванье при женщинах, за уход без прощания, за разговор наедине («секретничанье») в компании или за «увод» собеседника из компании.

(36) – *А Ларису извините, она переодевается. Да ведь можно ее поторопить. – Нет, зачем беспокоить!* (А. Островский. Бесприданница);

(37) *Швейцар сказал, что лакей только что вышел. – Две телеграммы, – сказал вернувшийся лакей. – Извините, ваше превосходительство, я только что вышел* (Л. Толстой. Анна Каренина);

(38) – *Я замечала... – начала она что-то, как в комнату вошел лакей с письмом. Лидия Ивановна быстро пробежала записку и, извинившись, с необычайной быстротой написала и отдала ответ и вернулась к столу. – Я замечала, – продолжала она начатый разговор, – что москвичи, в особенности мужчины, самые равнодушные к религии люди* (Л. Толстой. Анна Каренина);

(39) *Войдя в гостиную, Степан Аркадьич извинился, объяснил, что был задержан тем князем, который был всегдашним козлом-искупителем всех его опаздываний и отлучек* (Л. Толстой. Анна Каренина).

Примеры (36) – (39) показывают, что в русском коммуникативном пространстве опоздание считается грубым нарушением этикета, которое требует от задержавшегося извинения. Опоздание может быть вызвано различными причинами (объективными или субъективными). Но какими бы ни были эти причины, извинение приносится за вынужденную трату времени на ожидание говорящего.

(40) – *Но к чему же они пришли? – Виноват... Помещики встали, и*

Свияжский, опять остановив Левина в его неприятной привычке заглядывать в то, что сзади приемных комнат его ума, пошел провожать своих гостей (Л. Толстой. Анна Каренина);

(41) – *Это помещение для доктора и аптеки, – отвечал Вронский, увидав подходившего к нему в коротком пальто архитектора, и, извинившись перед дамами, пошел ему навстречу* (Л. Толстой. Анна Каренина);

(42) – *Ты сказал, два слова, а я в двух словах ответить не могу, потому что... Извини на минутку... Вошел секретарь, с фамильярной почтительностью подошел с бумагами к Облонскому и стал, под видом вопроса, объяснять какое-то затруднение* (Л. Толстой. Анна Каренина).

В контекстах (40) – (42) происходит вынужденная отлучка говорящего, которая связана с общепринятым поведенческим этикетом – встречей приезжающего и провожением уходящего, что требует от встречающего (провожающего) извинения, адресованного той группе, в которой он сам играл роль коммуниканта.

(43) *Вы меня извините, я еще только мои ablutions кончил, – сказал он улыбаясь, стоя пред ним в одном белье* (Л. Толстой. Анна Каренина);

(44) *Вы простите, Василий Васильич, я не знала, что вы здесь, я по-домашнему...* (А. Чехов. Три сестры).

Домашняя одежда оказывается неуместной в ситуации общения с собеседником, который не является членом семьи говорящего, как в ситуациях (43) и (44). Это в русской коммуникативной культуре считается неприличным и невежливым и потому требует извинения.

(45) *Алексей понял, что он пришел некстати. Но он уже пришел. – Извините... – проговорил Алексей. – Ничего, проходите, – пригласила Кира Владимировна* (В. Токарева. Северный приют);

(46) *Здравствуйте, Сергей Павлович! Извините, пожалуйста, я, кажется, вам помешала... Гость не вовремя хуже... хуже... Как это говорится? Хуже татара, ну да... Я к вам на минуточку...* (А. Чехов.

Безотцовщина);

(47) – *Ты извини, что я не звонил. – Зачем извиняться? Не звонил и не звонил* (В. Токарева. Будет другое лето);

(48) *Я, кажется, попал на именины. Простите, я не знал, не поздравил вас...* (А. Чехов. Три сестры);

(49) – *Здравствуйте, – вежливо поздоровалась она, узнав Никитина. – Извините, я вас не приглашаю, – сказал Никитин. – Ничего, – разрешила девочка* (В. Токарева. Гималайский медведь).

Русская пословица, которая обыгрывается А.П. Чеховым в приведенном контексте, гласит: «Незванный гость хуже татарина». В повести «Драма на охоте» обыгрывается та же пословица, и, согласно трактовке чеховского персонажа, гость в медовый месяц хуже чёрта рогатого. В русской традиционной культуре, человек, который пришел в гости незванным, как правило, доставляет хозяевам неудобства, так что в примерах (45) – (49) принесение извинения обуславливается приходом, по мнению говорящего, некстати. Пример (47) свидетельствует и о том, что, согласно коммуникативным представлениям извиняющегося, до отправления в гости надо предупреждать хозяина (хозяйку) о своем приходе. А негативный ответ адресата на данное извинение (*Зачем извиняться?*) говорит о незначительности повода для извинения, а потому и о невиновности извиняющегося с точки зрения адресата извинения. В ситуации (49) извинение принесено за нарушение этикета – адресат пришел неприглашенным.

(50) *Я, извините, Мария Сергеевна, уйду потихоньку. Чаю не буду пить* (А. Чехов. Три сестры);

(51) *Вы знаете, мы решили идти, – сказал он, вставая, когда жена остановилась в дверях с дымящимся подносом* (Ф. Искандер. Летним днем);

(52) *Я должен сейчас идти и писать. Извините, мне некогда...* (А. Чехов. Чайка);

(53) *А ты, матушка, прости: в другой раз подольше побеседуем*

(Н. Коляда. Селестина).

Как показывают примеры (50) и (51), извинения приносятся и в том случае, когда гости уходят вопреки желанию хозяев (собеседников) продлить гостеприимство или же разговор. Аналогично сказанному, в высказываниях (52) и (53) извинение приносится, когда говорящий решил закончить беседу, а собеседник, как показалось говорящему, вовсе не наговорился и не желает разговор прекращать.

(54) ***Извините меня**, я не узнал вас, да и наше знакомство было так коротко, – сказал Вронский, кланяясь, – что вы, верно, не помните меня* (Л. Толстой. Анна Каренина);

(55) – *Сашенька, разве ты не видишь, что у нас Марфа Егоровна? – **Виновата*** (А. Чехов. Иванов);

(56) *Николай Алексеевич, можно? (Увидев Сашу) **Виноват**, я и не вижу... Бонжур!* (А. Чехов. Иванов).

Контексты (54) – (56) являются примерами извинения, приносимого за непреднамеренное игнорирование говорящим знакомого ему лица, которое может вызвать у последнего неловкость и даже обиду.

(57) – *Что ты? – сказал он ей сухо. – Мы заняты. – **Извините меня**, – обратилась она к машинисту-немцу, – мне несколько слов сказать мужу* (Л. Толстой. Анна Каренина);

(58) *Все встрепенулись, машут руками на постороннего. Но он подходит к Нинке, берет ее за руку и ведет из зала. – **Извините, пожалуйста**, – говорит он режиссеру. – Мы ненадолго* (В. Токарева. Северный приют);

(59) *Налей бензинчику, – попросил Мишка. – Бензин кончился. – Мишка кивнул на сиротливо стоящий на обочине мотоцикл. – А иланг есть? – Нету. – И у меня нет, – сказал шофер. – Ну, **извини*** (В. Токарева. Неромантичный человек);

(60) *Господа, **извините**, что я приглашаю Илью в наше общество. Это мой лучший друг. Где принимают меня, там должны принимать и моих*

друзей. Это мое правило (А. Островский. Бесприданница).

Одной из основных причин извинения является беспокойство, которое причинено адресату извинения и на работе адресата (примеры 57 и 58), и в обыденных жизненных ситуациях (примеры 59 и 60). А помеху в высказывании (60) составляет настойчивое требование говорящего включить его друга в определенное общество, что может поставить адресата (членов этого общества) в неудобное положение.

(61) *Девушка, уже давно прислушивавшаяся у ее двери, вошла сама к ней в комнату. Анна вопросительно взглянула ей в глаза и испуганно покраснела. Девушка **извинилась**, что вошла, сказав, что ей показалось, что позвонили* (Л. Толстой. Анна Каренина). В этой ситуации прислуга извиняется за вторжение к хозяйке, которая ее не приглашала. Это извинение за оплошность, а ссылкой на ослышку извиняющаяся пытается снять с себя ответственность за то неловкое положение, в которое она своим появлением поставила хозяйку.

В бытовом общении перебивание собеседника на полуслове является поводом для конвенционального извинения. А прерывание речи нередко связано с отсутствием у субъекта извинения желания выслушивать слова собеседника, рождающие у извиняющегося негативные эмоции или вызывающие отрицательную оценку: (62) – *Ну-с, он появился здесь вскоре после тебя, и, как я понимаю, он по уши влюблен в Кити, и ты понимаешь, что мать... – **Извини меня**, но я не понимаю ничего, – сказал Левин, мрачно насупливаясь* (Л. Толстой. Анна Каренина).

(63) – А. *Можете вы здесь побыть две-три минуты?* – Б. *Говорите! Вы сказать что-нибудь хотите?* – А. *Да... Прошло то время, когда мы в этой комнате не были чужими друг для друга...* – Б. *Прошло.* – А. **Извините** *впрочем, я заговариваться стал. Вы уезжаете?* – Б. *Да* (А. Чехов. Безотцовщина);

(64) *Да. Нет, развинтился... Испортилась машина. Спать хочу ужасно, глаза слиплись, но нет сил уснуть... Смирюсь, **прошу прощения, виноват,***

молчу... *Делайте, что знаете, и думайте, что знаете...* (А. Чехов. Безотцовщина);

(65) – *Ты почему так много сегодня разговариваешь? Заткни фонтан. Не остановитъ. – Я не знаю, что со мной. Наговориться не могу. Будто выговориться надо за всю жизнь. Будто выговариваюсь сегодня. Всегда молчки. А сегодня вот так вдруг. Простите* (Н. Коляда. Дыроватый камень).

Примеры (63 – 65) показывают, что поводом для извинения часто служит такое речевое поведение, как многословие, которое может повлечь за собой отрицательную реакцию собеседника типа недовольства, упрека, жалобы и т.п.

(66) *Впрочем... Виноват, я увлекся... Я не имел права говорить вам все это... Извините за неприличную выходку...* (А. Чехов. Безотцовщина);

(67) *Немножко странно, Порфирий Семеныч! Извините меня, Порфирий Семеныч, но мне ваше предложение кажется очень странным... Для чего вам жениться? Для чего вам сдался друг в юбке? Не мое дело, извините... но уж на то пошло, договорю.* (А. Чехов. Безотцовщина).

Значительным поводом для конвенционального извинения (примеры 66 и 67) может явиться неправильный выбор темы разговора и слишком много рассуждений вокруг нее вопреки «принципу вежливости» (в частности «максиме такта» [Leech 1983]), а также вторжение в пространство чужой личной жизни, по причине которого приносится извинение. Причем в примере (67) извинительный акт имеет и другую причину – несогласие говорящего с решением собеседника о женитьбе, которое сопровождается негативной оценкой, выраженной в прилагательном *странный*, что, по мнению говорящего, нарушает «принцип кооперации».

3) метаизвинения (метакоммуникативные извинения)

Просьба о прощении может быть обусловлена неправильным или неуместным речевым поведением, например, введением в ситуацию просьбы, шуткой, насмешкой, издевательством или употреблением говорящим некорректного (с его точки зрения) языкового выражения:

(68) *То есть, старинный индийский танец живота исполняет Эльвира... **Извините**, ну конечно же – Раиса Якубова!* (Н. Коляда. Кармен жива);

(69) – *Мне тридцать три. Было. Глеб, хочешь орешков? Кто-то хочет орешков? Пожалуйста. И жвачка тут. Бесплатно. И семечки еще. Вот. – Тридцать три, говоришь? Футболист? «Динамо»? «Пахтакор»? Ереван? Тбилиси? Оля, мать моя Феофания, **прости**. Я сначала рассердилась, а сейчас Тиграна увидела и мне тебя жалко стало. Родная моя, **прости**. Родной мой, садись за стол* (Н. Коляда. Тутанхамон).

Можно заметить, что извинение приносится за шутку, забавляющую других, насмешку и издевательство, возбуждающие у слушающего чувства неприязни, изумления, обиды и т.д., которые свидетельствуют о несерьезном или ироническом отношении говорящего к собеседнику. В высказывании (68) поводом для извинения является нарочная оговорка, а точнее, шутка на потеху зрителям. А в примере (69) говорящий просит собеседницу извинить его за злостную насмешку и даже издевательство над ее мужем, а также и за выраженную жалость к ней, что могло бы вызвать у нее негативную эмоцию.

(70) ***Вы меня извините**. Все говорили, что он умен, умен, одна я говорила, что он глуп* (Л. Толстой. Анна Каренина);

(71) *Мы шапками закидаем, мы нашли то, чего ищет Европа! Все это я знаю, но, **извините меня**, вы знаете ли все, что сделано в Европе по вопросу об устройстве рабочих?* (Л. Толстой. Анна Каренина).

Причина извинения может состоять в выражении несогласия с общепринятой положительной точкой зрения (пример 70), которое проявляет себя в негативной оценке объекта обсуждения, что нарушает «принцип вежливости» (в частности, «максиму одобрения» и «максиму согласия» [Leech 1983]). А повод для извинения в примере (71) состоит в выражении сомнения в достигнутом успехе, в котором все уверены.

(72) *На городской площади лётчик сел в рейсовый автобус. – **Простите**, – спросил он у кондукторши. – До Бересневки далеко?*

(В. Токарева. Неромантичный человек);

(73) *А почему вы хотите советоваться именно со мной? – удивилась я. – Я прочитала вашу статью, вы мне больше всего подходите. Я растерялась от такого наивного доверия. – Простите, а кто вы? – Лида, – представилась незнакомка. Имя мало определяет человека. Его определяют возраст и профессия. – Простите, сколько вам лет? – Сорок* (В. Токарева. Извинюсь. Не расстреляют);

(74) *– Я снимаю кино. – Про что? – Про людей. – Так вы режиссер? – Ну да... – Простите, а какое вы сняли кино?* (В. Токарева. А из нашего окна).

В примере (72) говорящий просит прощения за то, что вынужден обратиться к незнакомому адресату с вопросом. В контекстах (73) – (74) субъекты извинения осознают, что заданные ими вопросы (*Сколько вам лет?* и т.п.), обращенные к незнакомому человеку, нетактичны, поэтому и извиняются они как люди, предвидящие возможные негативные реакции собеседника, т.е. поступают коммуникативно ответственно.

В примере (75) *Очень может быть, повторяю, тебе покажутся совершенно напрасными и неуместными мои слова; может быть, они вызваны моим заблуждением. В таком случае я прошу тебя извинить меня* (Л. Толстой. Анна Каренина) представлено предварительное извинение говорящего, который предполагает возможность возникновения отрицательного отзыва собеседника на свои слова.

(76) *Ведь и она, кажется, создания божеская, али нет? Не животная какая-нибудь, прости господи!... Да спроси у нее что-нибудь* (А. Островский. Свои люди – сочтемся);

(77) *А. – Пора уж ей быть в таком случае. Первый час... Вы... извините за нескромность вопроса... Вы и с этой «да так» или же серьезно?* (А. Чехов. Безотцовщина);

(78) *– Я думал, что ты не вспомнишь. – И так, начали на «ты». – Виноват* (Н. Коляда. Моцарт и Сальери).

Извинения в ситуациях (76) – (78) приносятся за слова, не подходящие

к коммуникативной ситуации либо задевающие языковое чутье собеседника. В примере (76) говорящий извиняется за конкретное слово *животная*, используемое по отношению к человеку, значение которого (по словарю С.И. Ожегова) – ‘чисто физиологический, грубо чувственный, лишенный духовных интересов’. Причина извинения в контексте (77) – нескромность вопроса *Вы и с этой «да так» или же серьезно?*, который включает в себя цитату «да так» из идиолекта собеседника, содержащую иронический смысловой оттенок, что дает основание рассматривать ее как насмешку.

В примере (78) причиной извинения является автоматический переход при обращении к адресату с «вы» на «ты» без согласия собеседника, так как в реакции слушающего говорящий видит недовольство. Как подчеркивает Н.А. Трофимова, «порой самое безобидное замечание, не предполагающее каких-либо подвохов со стороны его авторов, но не учитывающее некоторые пресуппозиции, воспринимается собеседником как жестокое оскорбление» [Трофимова 2008: 51]. В данной ситуации реплика партнера по общению *Итак, начали на «ты»* стала стимулом для извинения.

(79) *Человек, отец которого вылез из ничего пронырством, мать которого бог знает с кем не была в связи... Нет, уж извини, но я считаю аристократом себя и людей, подобных мне* (Л. Толстой. Анна Каренина);

(80) *Там я люблю тебя, тут – нет. Выдумка. Вымысел. Фантазия. Магия. Там. Ну вот, я опять выступаю с лекцией. Извини. Это я сама себе. Это сложно понять* (Н. Коляда. АМИГО);

(81) *Я, если честно, очень долго ее добивался... Вы уж меня извините, но я не люблю церемоний, всегда все говорю честно и открыто, все, что думаю. А потом, когда все получилось, – мне стало скучно. Скучно стало с ней* (Н. Коляда. Игра в фанты).

В примерах (79) – (81) представлены извинения, причина которых кроется в неправильном выборе и некорректном применении метода изложения какой-нибудь идеи или описания некоего факта, что может создать имидж говорящего как грубого, невоспитанного человека, как в примере (79),

или вызвать у слушающего затруднение в понимании излагаемого из-за употребления говорящим достаточно трудных слов (пример 80), или даже вызвать у собеседника смущение и неловкость в силу «перехода некоторого общепринятого предела откровенности» при передаче «информации о собственной персоне» [Шмелева 1983: 75] (пример 81).

Кроме вышеназванных трех типов извинений, предложенных Р. Ратмайр, в бытовых ситуациях русского коммуникативного пространства наблюдается и четвертый тип извинительных высказываний, так называемые квазиизвинения (за фантомный вред):

(82) – *Потому что я начинаю дело развода с вашей сестрой, мою женой. – Нет, Алексей Александрович, что ты говоришь! – вскрикнул Облонский, и страдание выразилось на его лице. – Это так. – **Извини меня**, я не могу и не могу этому верить... Я знаю тебя за отличного, справедливого человека, знаю Анну – **извини меня**, я не могу переменить о ней мнения – за прекрасную, отличную женщину, и потому, **извини меня**, я не могу верить этому.* (Л. Толстой. Анна Каренина);

(83) – *Потрудитесь присесть, княжна, – сказал знаменитый доктор. Он с улыбкой сел против нее, взял пульс и опять стал делать скучные вопросы. Она отвечала ему и вдруг, рассердившись, встала. – **Извините меня**, доктор, но это, право, ни к чему не поведет. Вы у меня по три раза то же самое спрашиваете* (Л. Толстой. Анна Каренина);

(84) – *Все-таки мне недостает для этого одной главной вещи, – ответил он, – недостает желания власти. Это было, но прошло. – **Извини меня**, это неправда, – улыбаясь, сказал Серпуховской* (Л. Толстой. Анна Каренина);

(85) – *Я и действую, только отрицательно, в том смысле, что я не буду стараться увеличить ту разницу положения, которая существует между мною и им. – Нет, уж **извини меня**; это парадокс* (Л. Толстой. Анна Каренина);

(86) – *Так что же? считать каждое дерево? – Непременно считать. –*

Ну, уж извини меня, но есть что-то мизерное в этом считанье (Л. Толстой. Анна Каренина);

(87) – *Князь, отпустите нам Константина Дмитрича, – сказала графиня Нордстон. – Мы хотим опыт делать. – Какой опыт? столы вертеть? Ну, извините меня, дамы и господа, но, по-моему, в колечко веселее играть, – сказал старый князь, глядя на Вронского и догадываясь, что он затеял это. – В колечке еще есть смысл* (Л. Толстой. Анна Каренина).

Контексты (82 – 87) свидетельствуют о таком мотиве извинительного высказывания, как выражение несогласия (очень вежливо оформленного) извиняющегося с собеседником или нежелания коммуникативной кооперации (сотрудничества) с ним. Причиненный собеседнику вред можно усматривать в невозможности осуществления говорящим ожиданий адресата. В ситуации (82) говорящий извиняется за свое абсолютное несогласие с решением собеседника о разводе и за непринятие его отрицательного мнения о своей сестре, давая ей по-прежнему положительную оценку.

А извинение в контексте (83) приносится за возражение против индивидуальных лечебных методов, предлагаемых адресатом, и за указание на их бесполезность, что может возбудить у слушающего обиду. Между прочим, в примерах (84 – 85) говорящий приносит извинение за несогласие с индивидуальным мнением собеседника, выраженное в словах *неправда* и *парадокс*. Необходимо отметить, что в ситуации (86) извинение звучит ослабленно по причине указания говорящим на объективные обстоятельства в качестве оправдания. А в примере (87) повод для извинения двоякий: с одной стороны, это шутка, выражающаяся во фразе *столы вертеть?*, с другой – отклонение предложения собеседника.

(88) *Извините меня. Приятного в жизни мне нет* (Л. Толстой. Анна Каренина);

(89) *Александр и Лена уселись друг против друга и прочно замолчали. Лена не знала, в какую сторону двигать замысел. Ей было стыдно за то, что она такая тупая и тугая. – Извините, пожалуйста... – проговорила Лена. –*

*За что? – не понял Александр. – За то, что я ничего не могу придумать. – **И ты извини**, – сказал Александр. В голову ничего не шло (В. Токарева. Другая);*

*(90) **Вы знаете**, Лев Григорьевич, от этого наплыва впечатлений, от этой смены обстановки у меня кружится голова (А. Солженицын. В круге первом).*

Из примеров (88 – 90) видно, что извинение приносится за состояние (физическое, интеллектуальное или эмоциональное) говорящего, которое не затрагивает сферу интересов адресата. Повод для извинения в ситуации (88) – пессимистический взгляд на жизнь. Мотивом извинения в примере (89) выступает интеллектуальная ограниченность и скованность собеседников. А косвенное извинение, введенное словом *знаете*, в ситуации (90) произнесено в качестве извинения за физическую слабость.

(91) Вчера мне было скучно, и я написала незнакомому мужчине под фото: «Ты меня не любишь!!!!» Сегодня в гостях у меня было 365 его друзей, во главе с женой...

*Мужик, если ты живой – **прости!** (анекдот);*

*(92) – Давай напьемся и расскажем друг другу все, что боялись сказать трезвыми. – **Простите**, а вы точно следователь? (анекдот);*

*(93) – **Извини**, но у меня уже есть девушка. – А если тебе предложат Lamborghini, ты тоже скажешь «**Извини**, но у меня уже есть Жигули»? – **Извини**, но ты предлагаешь еще один Жигули (анекдот).*

Извинение может служить косвенным издевательством или иронией (пример 91 – 93). В анекдотах часто наблюдаются квазиизвинения, которыми говорящий не выражает сожаления и не компенсирует причиненный ущерб, а часто его преувеличивает.

Из проанализированных материалов можно сделать вывод: в бытовых ситуациях извинения приносятся чаще всего за нарушение установленных правил поведения или за причиненный адресату очевидный ущерб, т.е. за ущерб, затрагивающий сферу его интересов. А так называемые метаизвинения в бытовых речевых жанрах (за некорректные слова/речевое

поведение) часто осложняются конвенциональностью по причине нарушения «принципа вежливости» и/или «принципа кооперации». Во многих случаях некорректное речевое поведение приводит к «нарушению персональных договоренностей» [Ратмайр 2003: 195] и к оскорблению слушающего, что требует извинения «по существу». Кроме того, надо отметить, что в бытовой речи имеют место и квазиизвинения, которые принесены за «фантомный вред» либо функционируют в качестве косвенного издевательства или иронии.

2.2. Извинение в публичных речевых жанрах

Публичный речевой жанр – пограничная сфера речи, включающая в себя особенности письменного и устного языка. При использовании единиц данной речевой сферы следует соблюдать норму устного кодифицированного языка, а также нужно придерживаться правил разговорной речи. Как считает В.В. Виноградов, композиционные формы современной устной речи, такие, как лекция, доклад, пресс-конференция, выступление в дискуссии, беседа в определенной аудитории, «обычно строятся на многообразном чередовании или смешении, взаимопроникновении элементов разговорного и книжного языка» [Виноградов 1963: 15].

В публичных речевых жанрах извинительный акт часто имеет отношение к коммуникативному срыву или неудаче, которая происходит, как в бытовых речевых жанрах, в силу некорректного (возможно, речевого) поведения одной из двух сторон общения, которое нанесло коммуникативному партнеру вред (материальный и/или эмоциональный). Стоит отметить, что устность и эмоциональная экспрессивность публичной речи нередко находится в несоответствии с официальностью коммуникативной обстановки и коллективностью адресата направленной речи, что может рассматриваться как ущерб, который нужно компенсировать извинительным высказыванием.

Для достижения коммуникативной успешности в публичном речевом общении разработан ряд элементарных правил речевого поведения, которые, по наблюдению Т.В. Шмелевой [Шмелева 1983: 76], можно сформулировать в

виде предписаний и запретов: 1) сообщай информацию, содержащую известное слушающему; 2) сообщай информацию, не расходящуюся с житейской логикой слушателя и его представлениями об обычном ходе событий; 3) не сообщай общеизвестного, банального; 4) не сообщай неприятного для собеседника; 5) говори точно, стремясь найти единственно верные слова; 6) придерживайся одного способа ведения беседы, одного жанра; 7) будь искренен и правдив; 8) не будь излишне откровенен; 9) не преувеличивай; 10) не используй языковых средств, которые могут быть неизвестны слушателю; 11) говори согласно норме и как принято; 12) избегай штампов; 13) выбирай номинации в соответствии с номинативными привычками: а) своими, б) слушателя и в) в соответствии с предметом речи.

Кроме того, как отмечает Н.Д. Голев, в официально-деловом и научном стилях, а также в публицистическом стиле юридической речи требуется точность словоупотребления (значение слова, многозначность, стилистически окрашенная лексика, синонимы, антонимы и т.п.), точность употребления устойчивых словосочетаний, морфологических и синтаксических единиц и т.д. [Голев 1999: 19]. При этом во избежание коммуникативной неудачи необходимым оказывается «равновесие интересов творческих пользователей языка и консервативных интересов нормативной стороны языка, стоящей на страже интересов взаимопонимания» [Там же: 14].

Наиболее распространенные языковые средства извинения в публичной речи – формулы извините, простите, прошу прощения и т.п. В случае причинения серьезного ущерба или в особенно официальных ситуациях используются расширенные варианты вербализации извинения, такие, как приношу (приносим) глубокие/искренние/глубочайшие извинения и др.

Рассмотрим извинительные высказывания в публичных речевых жанрах на основе собранных материалов из газет, журналов («ЛГ», «Огонёк», «Эксперт» и др.), радио- и телепередач («РИА Новости», «Эхо Москвы», «Радио Свобода», «Радио Маяк», «Вечер с Владимиром Соловьевым» и т.д.), а также материала, извлеченного из расшифрованной и опубликованной

записи дискуссии на тему «Русский язык в условиях языковой и культурной полифонии» в рамках круглого стола, проходившего на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова в 2008 г.

Рассмотренный материал позволяет разделить извинения в публичных речевых жанрах по классификации Р. Ратмайр на три типа:

1) извинения «по существу»

Необходимо заметить, что извинение в публичных речевых жанрах может приноситься за серьезный ущерб, причиненный неправильным или неподобающим поведением, как в примерах (1 – 13).

В ситуации (1) ***Я приношу глубокие извинения магаданцам за то, что не могу уберечь от бездомных собак. Меры по зачистке города будут усилены*** (РИА Новости, 30.03.2017) говорящий извиняется за серьезный физический вред, который вызван нападением бездомной собаки на ребенка, а также принимает на себя ответственность за данное трагическое происшествие. Извинение, приносимое в официальной обстановке, оказывается более весомо, чем в бытовой ситуации.

(2) ***Руководством авиакомпании «Саратовские авиалинии» принято решение о временном приостановлении полетов на ВС Ан-148. Заранее приносим извинения за корректировки в расписании авиарейсов*** (РИА Новости, 12.02.2018);

(3) ***Уважаемые слушатели, мы не наладили связь, я извиняюсь, мы сегодня без вопросов, будем считать, что я ваше коллективное бессознательное, я не вижу, что вы пишете. Еще раз приносим вам свои извинения*** (Эхо Москвы, 03.09.2017);

(4) ***Приносим свои извинения тем, кто не получил соответствующего удовольствия от игры. Мы уже сделали заявление компании-поставщику на тему того, что можно сделать, чтобы повысить контрастность мяча*** (РИА Новости, 05.03.2018);

(5) ***Я убежден, что мы не нарушали закон, не хотели никого оскорбить, а если кто-то истолковал это оскорбительно для себя, то мы приносим***

искренние извинения (Радио Свобода, 28.01.2014);

(6) *Уважаемые журналисты, если я был резок – то не только с вами. Я иногда говорю слишком резко. Если я кого-то обидел, даже если я был прав, все равно прошу прощения* (РИА Новости, 20.11.2017).

Примеры (2 – 6) показывают извинения, принесенные за доставленные коллективному адресату (пассажирам, радиослушателям, футбольным болельщикам) серьезные неудобства по причине временного приостановления авиарейсов (пример 2), неналадженной связи в эфире (пример 3), сниженной контрастности мяча при трансляции футбольных матчей (пример 4), и извинение за возможность возникновения негативных эмоциональных последствий типа оскорбления от некорректных слов или поступков (примеры 5 и 6). В высказывании (6) можно заметить, что субъект речи пытается редуцировать свою вину словами *если я был резок – то не только с вами*, подчеркивая, что адресат извинения не единственный, кому произнесенные слова причинили вред.

(7) *После этого он упал, не дойдя до кулис. Ведущая попросила прощения за неловкую ситуацию.*

«Извините, пожалуйста. Министр больной. Для нас это норма. Просим понять этот момент», – заявила она (РИА Новости, 27.02.2018);

(8) *Попробовал продолжить дальше гонку, но не смог. Спасибо всем, кто поддерживают и болеет... **Извините**, что подвел* (РИА Новости, 20.01.2018);

(9) – *Как повлиял допинговый скандал на вашу подготовку к чемпионату Европы? – **Извините**, я откажусь отвечать на этот вопрос* (РИА Новости, 21.01.2018);

(10) – *Он искренне пытался помочь в разрешении этого конфликта. И я рад, что он выполнил данное мне обещание. – **Я прошу прощения.** У нас просто маловато времени, я пытаюсь уточнить. Правильно ли я понимаю, что вы как депутаты настаивали на том, что вы должны быть обязательно организаторами этого мероприятия?* (Эхо Москвы, 19.12.2017);

(11) *Алексей, **извините**, не хочу, чтобы нас перекрыли. Новости, реклама на «Эхо» (Эхо Москвы, 08.01.2018);*

(12) *Можно, наверное, даже сказать...**извините**, что я Вас немножко перебиваю... (запись дискуссии 2008);*

(13) *Я завершаю. **Я прошу прощения**, что я затянула рассказ, но... (запись дискуссии 2008).*

В примерах (7 – 13) извинительное высказывание имеет своей причиной соответственно сложившуюся неловкую ситуацию, связанную с падением министра в ситуации (7), расстройство фанатов от проигрыша говорящего в спортивном соревновании в высказывании (8), отказ в ответе на вопрос собеседника в примере (9), прерывание речи адресата в процессе публичной беседы или дискуссии в ситуациях (10 – 12) и затянутый рассказ в примере (13). Можно сказать, что данные извинения приносятся в связи с поведением говорящего, нарушающим ожидания или надежды коммуникативного партнера и тем самым причиняющим ему психический ущерб.

2) конвенциональные извинения

Довольно значительным поводом для извинения в публичной речи является поведение, нарушающее общепринятые правила речевой коммуникации, как показано в примерах (14 – 21).

(14) *Я сразу вспомнил Дмитрия Олеговича Добровольского, который считает, что есть как трансформированное значение, есть актуальная... **простите**, актуальное значение и внутренняя форма (запись дискуссии 2008);*

(15) – *Второй срок Трампа. – Год Трампа. – Второй год Трампа, **прошу прощения** (Эхо Москвы, 09.01.2018);*

(16) *Я хотел бы вам напомнить, что в «Новой газете» год тому назад, в конце января 2017 года, был опубликован очень сильный и очень важный материал. Сделала это Елена Милашина. Нет, **прошу прощения**, сам материал был опубликован летом, в середине июня (Эхо Москвы, 12.01.2018);*

(17) *Вы знаете, вот Вы говорили, а я вспомнил, в «Обитаемом острове» у Стругацких есть такой эпизод, когда Максим Каммерер оказывается у выродков так называемых. Не у выродков. **Прошу прощения.** У мутантов (Эхо Москвы, 14.01.2018).*

Извинения в ситуациях (14 – 17) приносятся по причине оговорки или речевой ошибки, обусловленной перепутыванием информации.

(18) ***Я прошу прощения**, я позволю себе еще раз сказать – у нас в экономике два больших сектора (Эхо Москвы, 02.01.2018);*

(19) ***Прошу прощения**, что, возможно, вынужден несколько повторяться, тем более, на столь неаппетитную тему, но не моя вина, что все постоянно приходится напоминать (Эхо Москвы, 03.09.2017).*

В примерах (18) и (19) говорящий извиняется за повторение, которое для слушающих может оказаться излишним, поскольку не соблюдается правило «не сообщай общеизвестного, банального» [Шмелева 1983: 76]. Кроме того, извинение в примере (19) имеет второй мотив – неприятную тему, которая нарушает правило «не сообщай неприятного для собеседника» [Там же] и может повлиять на настроение собеседника и атмосферу разговора, так что является небезопасной для достижения коммуникативной успешности.

(20) *Стоит ли риска изучение четверных прыжков для 12-13-летних девочек, у которых еще, **извините за банальность**, вся жизнь впереди? (РИА Новости, 11.03.2018);*

(21) *С другой стороны, терять олимпийское движение, «приватизированное» этими светлыми людьми по факту, а по сути являющееся, **извините за пафос**, бесспорным достоянием всего человечества, тоже очень не хочется (РИА Новости, 06.02.2018).*

Примеры (20 и 21) подчеркивают, что речевые банальности, пафос и резкие слова в публицистических речевых жанрах являются некорректными и требуют от говорящего извинительного акта. Так, сообщение о банальности нарушает «правило нетривиальности высказывания» [Шмелева 1988], а пафос и резкость слов часто находятся в тесной связи с сильными эмоциями,

от которых в публичном общении следует воздерживаться.

3) метаизвинения (метакоммуникативные извинения)

Подробного анализа заслуживают примеры (22 – 33), в которых представлены извинения вокруг конкретных языковых выражений.

(22) *Хочу напомнить, хотя это все знают, что Учредительное собрание провело свое первое заседание 5 января 1918 года, после чего было сразу разогнано, ибо в нем у большевиков не было большинства, **прошу прощения за неудачный каламбур, тавтологию или плеоназм в зависимости от того, как квалифицируют этот термин не историки, но филологи*** (Эхо Москвы, 06.01.2018). В данном высказывании причина извинения – выражение *у большевиков не было большинства*, которое квалифицируется с лингвистической точки зрения как неудачный каламбур, тавтология и плеоназм.

(23) *Я хочу вам напомнить, что, например, операция на глаза и операция с катарактой, что-то там с хрусталиком, **я прошу прощения**, я не специалист в офтальмологии, начал делать в свое время профессор Федоров* (Эхо Москвы, 19.12.2017). Извинительный акт в этом примере находит свой мотив в неточности использованной лексемы *хрусталик* в качестве единицы медицинской лексики при ссылке на профессиональный статус говорящего – *не специалист в офтальмологии*, что не соответствует «принципу кооперации» (в частности, «постулату качества» и «постулату способа») [Грайс 1985].

Говорящий в высказывании (24) *Иран – крупная держава. Требовать от Ирана, чтобы Иран никуда не влезал, **извините за грубое выражение, невозможно*** (РИА Новости, 19.01.2018) приносит извинение за грубое выражение *никуда не влезал*, употребленное по отношению к *крупной державе*. Надо отметить, что в слове *влезать*, истолкованном в словаре С.И. Ожегова в значении ‘вмешаться, ввязаться’, содержится разговорный и даже неодобрительный смысловой оттенок, который не соответствует официальной ситуации, в которой происходит публичное выступление.

(25) *Надежда, вы вообще-то в украинском парламенте. Я прошу прощения, подумайте, о чем вы мелете здесь? Кого вы тут пропагандируете?* (РИА Новости, 05.10.2017). Причина извинения в данном примере – это употребленное слово *молоть*, которое в данной ситуации осмысляется в значении ‘говорить что-н. вздорное’ [Ожегов, Шведова 1999] и при этом содержит в себе очевидно негативный оценочный оттенок.

(26) *А если вот, допустим, взяли пятиэтажку, расселили её в какую-нибудь... Извините, будем называть своими именами, человек огромный на 20 этажей* (Эхо Москвы, 09.01.2018). Извинительное высказывание в этом примере находит свой мотив в «назывании вещей своими именами», в котором отражено «требование обыденного сознания к номинациям» [Чернейко 2016б: 197], а точнее, в употреблении неcodифицированной в литературном языке лексемы *человек*, которая сложилась из двух слов – *человеческий* и *муравейник* – и обозначает ‘многоэтажное, многоквартирное жилое здание или квартал’ с иронической окраской, что не соблюдает правило речевого поведения «говори согласно норме и как принято» [Шмелева 1983: 76].

(27) *Я исхожу в своем докладе и в тех примерах и тенденциях, которые я сегодня буду... простите мне это слово... озвучивать... все-таки влияет, влияет... к вопросу о том, что...даже когда лекции читаешь, хочется вместо слова «концепция» сказать: «Главная фишка здесь вот то-то и то-то»* (запись дискуссии 2008). В этой ситуации извинение приносится за слово *озвучивать*, которое имеет значение ‘записать звуковое сопровождение (фильма) отдельно от съемки, а также сопроводить немой фильм звучанием’ [Русский семантический словарь 2002], а в данной ситуации употребляется в переносном значении ‘сообщить, предать гласности, довести до сведения адресата’.

(28) *Вы вбиваете гвоздь, извините меня за метафору, в гроб надежды* (ТВ. 06.06.2016);

(29) *Важно было отреагировать МОКу и сейчас, когда возник скандал*

*куда более громкий, ведь допинг не парное катание. Обвинения, выдвинутые Григорием Родченковым и поддержанные Ричардом Маклареном, – это, вне зависимости от того, как к ним относиться, колоссальный удар по олимпийскому движению. Эти люди заявили, что состоялась крупнейшая афера во всей истории спорта – и состоялась в России, на Олимпиаде. По сути, попытка осквернить не только мечту всех спортсменов мира, но и, **извините за цинизм**, священную для сотни прекрасно живущих людей корову, которую они доят (РИА Новости, 09.02.2018).*

Примеры (28) и (29) – извинения за метафору, в частности, в высказывании (28), за речевой оборот *вбивать гвоздь в гроб надежды*, который используется для выражения смысла ‘разбивать надежду’. А в ситуации (29) поводом для извинения служит некорректное словоупотребление, причина которого состоит в нестыковке стилистических регистров: глагол *доить*, принадлежащий к сельскохозяйственной лексике, но употребленный с субъектом действия МОК, и проекция Олимпийских игр на религиозный объект – *священную корову*, символизирующую ‘то, что высоко ценится, почитается’ [Онлайн-словарь фразеологизмов русского языка]. Целесообразно отметить, что метафора, отображая способ познания мира говорящим, придает речи в примере (28) пессимистический тон, а также прибавляет высказыванию (29) стилистически сниженный оттенок и отражает негативное мнение говорящего об отношениях МОКа с организаторами Олимпиады.

*(30) Причем тут еще надо сказать, что Соединенные Штаты проводят достаточно непоследовательную политику на международной арене – так, как, **я прошу прощения**, достаточно истеричная женщина или истеричный мужчина, допустим (РИА Новости, 30.01.2018);*

*(31) Последовательно реализуется концепция молниеносного глобального удара по России, взятая на вооружение США, и Польше в этой концепции отведена определенная роль – роль, **прошу прощения за такое сравнение**, болвана в старом польском преферансе (РИА Новости,*

18.11.2017);

(32) *А, извините, «Восточная Малопольша» стоит в одном разряде с термином «Крым был и будет российским!»* (РИА Новости, 09.03.2018).

Аналогично сказанному, в ситуациях (30 – 32) приносятся извинения по причине употребления сравнения. В примере (30) сравнение основывается на проекции государства, проводящего непоследовательную политику, на истеричного человека. Общим признаком компонентов сравнительного оборота в данной ситуации является истеричность, которая представляет собой симптом серьезного психического заболевания. Извинением говорящий берет на себя «ответственность за вольное или невольное оскорбление изображаемых в публикации лиц и за попрание языкового чувства читателей» [Голев 1999: 50]. В высказывании (31) Польша сравнивается с болваном в игре, в чем заключается явная ирония и осуждение, которые считаются некорректными в публичной речевой коммуникации. А извинение в примере (32) приносится, во-первых, за сравнение двух политических «терминов», а во-вторых, за привлечение внимания адресата к ситуации, связанной с Крымом и помогающей в выявлении сути понятия «Восточная Малопольша».

(33) *Я прошу прощения, вы меня подвергнете, конечно, экзекуции – мне не кажется, что он какой-то выдающийся режиссер...* (Эхо Москвы, 08.09.2017). Мотивом извинения в этом примере является несогласие не только с высказанным мнением, которое считается традиционным, общепринятым, но и со сложившимся в определенном социальном пространстве стереотипом. При этом говорящий считает, что в российском обществе, заявляющем о себе как о плюралистическом, неплюралистическая традиция (в виде давления определенного стереотипа) достаточно сильна.

Заслуживает внимания тот факт, что и в современной публичной речи функционирует множество квазиизвинений (см. примеры 34 – 40), покинувших поле этикета. Причина у них настолько незначительна, что извинение как определенный логически осмысляемый речевой акт выглядит

неадекватным.

Уместно отметить, что одним из новых мотивов неэтикетных извинений может служить точка зрения говорящего, идущая вразрез с индивидуальной точкой зрения. В контексте (34) – *Это то же самое, что «лесничиха»...однозначно это жена лесника.– Нет, нет! Я прошу прощения... «Наша профессорша», если я говорю, ясно, что я к ней не с очень большой симпатией отношусь* (запись дискуссии 2008) повод для извинительного высказывания – отрицание мнения, выраженного собеседником, с помощью приведенного говорящим примера о прагматическом оттенке слова *профессорша*.

(35) *Цены на топливо: простите, за время пути акцизы могли подрасти...* (Радио Маяк, 04.10.2016);

(36) *И привел интересный аргумент: как только тот или иной город получает право провести у себя Олимпийские игры: его допинг-лаборатория тут же перестает соответствовать требованиям WADA. Вчера еще соответствовала, а сегодня – извините* (РИА Новости, 02.02.2018);

(37) *Вот вчера приняли новую норму, значит, завтра довели до сведения всех водителей принудительно – не знаю там, гипнозом, по радио, как угодно. А то, что предлагает раз в десять лет – так извините, получается, получил я водительское удостоверение вчера, десять лет оно у меня действительно, за 10 лет изменений произошло огромное количество, а узнаю я о них только через десять лет, когда буду менять водительское удостоверение? Зачем же мне 10 лет быть в неведении, я хочу сразу получать информацию* (РИА Новости, 24.01.2018);

(38) *Блин, я в 1995-м г. из Чечни живой вернулась не для того, чтобы убится в мирном городе на скользком тротуаре! Прошу прощения за негатив и такой длинный пост* (Эхо Москвы, 21.02.2018).

Причину извинительного высказывания можно усматривать в упоминании неудовлетворительной информации и каламбуре, основанном на сопоставлении с известным стихотворением С. Маршака «Багаж» (пример

35), в выявлении негативного положения дел (пример 36) и в выражении отрицательных эмоций (примеры 37 и 38). Все эти служащие мотивом извинения факторы вряд ли непосредственно затрагивают интересы коллективной аудитории, но могут вызвать у некоторых слушающих нежелательную психическую реакцию, которая может рассматриваться как коммуникативный вред, нарушающий гармонию общения.

При этом можно обнаружить, что в беседах или дискуссиях на публике представлены такие извинения, которые приносятся в случае, когда говорящий предполагает, что слушающие либо не знают о каком-то факте, либо о нем забыли. Такое высказывание может быть дополнено словами, вводящими причину извинительного акта, – *Простите, что напоминаю*, тем более что извинительный императив имеет валентность на причину. Например: (39) – *Все эти песенки мы тоже не будем больше слушать и петь. – Песенки большей частью европейские. Beatles, Rolling Stones, очевидно, британские. – Простите, пожалуйста, это было уже 30–50 лет назад (Эхо Москвы, 19.12.2017); (40) Но все равно он сознательно пошел на усложнение системы. Очень важный, мужественный политический поступок. И не надо его недооценивать. Поэтому говорить о том, что это все было формальностью, не стоит. – Но он при этом назначил себе преемника, я прошу прощения.* (Эхо Москвы, 20.12.2017).

Необходимо особо отметить, что современная публичная речь изобилует «беспричинными извинениями» (см. примеры 41 – 46), которые могут служить языковыми средствами выражения субъективной модальности – отношения говорящего к сообщаемому. Семантическую основу субъективной модальности составляет оценка в широком смысле слова – как логическая, рассудочная квалификация сообщаемого, так и разные виды эмоциональной реакции.

(41) *Этого не позволял себе никакой Чебриков, простите, никакой Андропов* (Эхо Москвы, 26.01.2018);

(42) *Вообще говоря, солидарность нужна всем, и по*

профессиональному признаку тоже. Да, театральные будут выступать прежде всего, конечно, за режиссера и за директора, потому что это их. А где бухгалтеры, я прошу прощения? (Эхо Москвы, 02.09.2017);

(43) *Журналист признался, что «вообще не хотел на эту тему думать», но после того, как все украинские националистические сайты начали «тиражировать, придавая политическое звучание этой шутке», стало ясно, что «шуточка Ивана Андреевича нашла свою целевую аудиторию». И «вот здесь уже, **извините**, мне пришлось ответить, так как тема пошла далеко за пределы обычного выяснения отношений», – пояснил он* (РИА Новости, 13.09.2017);

(44) – *Алла Викторовна, а Вы, как мне кажется, не согласны, да? Я просто смотрю, Вы как-то так качаете головой... – Нет, я очень «за». Просто мне кажется, что мы должны все эти процессы... **я прошу прощения**... рассматривать в более широком контексте, который касается не только языка и культуры, но прежде всего глобализации и многих других вещей* (запись дискуссии 2008).

В примерах (41 – 44) извинения адекватны модальным словам, в которых заключается разумный комментарий к сообщаемому: в примере (41) извинение играет ту же роль, что и у частицы *даже*; в примере (42) говорящий извинительным актом вводит в высказывание новый обсуждаемый объект – *бухгалтеры*; а в контекстах (43) и (44) извинения по семантике равносильны модальным словам *разумеется, конечно, безусловно*, которые свидетельствуют о логичности речи говорящего.

(45) *А как атеист вы как отреагировали на высказывание Владимира Путина по поводу сравнения христианства с коммунизмом... в связи с мощами, **простите**?* (Эхо Москвы, 16.01.2018);

(46) – *Потому что понятно, что русским человеком может назвать себя каждый, говорящий по-русски без акцента и воспитанный в русской культуре. – Но себя, **извини, пожалуйста**, себя может назвать русским даже потомок иммигрантов в третьем поколении, который знает два слова*

или три слова по-русски, он все равно будет идентифицировать себя как русского (Запись дискуссии 2008).

В примерах (45) и (46) усматривается эмоционально-оценочная реакция говорящего на само высказывание, в том числе саморегулирование языкового средства выражения собственной мысли, как в примере (45). В примере (46) извинение выражает модальность утверждения в сопровождении соответствующей субъективной ассоциации – введения новой информации в высказывание.

Из проанализированного материала вытекает следующий вывод: в публичных жанрах речи действуют особые, неписанные правила поведения: нигде не прописано, что за пафос или за метафору следует извиняться. Метаизвинения часто обусловлены употреблением стилистически маркированных средств, которые придают речи экспрессивно-эмоциональные и оценочные оттенки. А перебивание, растянутый рассказ и поведение, приводящее к неловкой ситуации, которые можно считать причинами конвенциональных извинений в бытовых ситуациях, в публичной речи являются поводами для извинения «по существу». Кроме того, публичный тип речи изобилует квазиизвинениями, в которых повод для извинения малозначителен (в поведении говорящего нет нарушения правил, а также никакого ущерба не причинено адресату), и «беспричинными извинениями», наполненными субъективной модальностью.

3. Классификация извинений по их мотивам⁷

Н.И. Формановская пишет, что «мотив употребить формулу речевого этикета продиктован потребностью: внушенным в процессе социализации личности осознанием ею необходимости, долженствования, желательности реализовать соответствующие правила речевого поведения», эта «цель тесно связана с мотивом и предопределена необходимостью создать нужную,

---

⁷ При написании параграфа использовались материалы статьи автора диссертации: Чернейко Л.О., Юй Исин. К вопросу о функционировании извинения в бытовом и публичном типах речи // Вестник Башкирского университета. 2017. № 4. С. 1141-1146.

желательную, преимущественно благоприятную тональность общения» [Формановская 1987: 19].

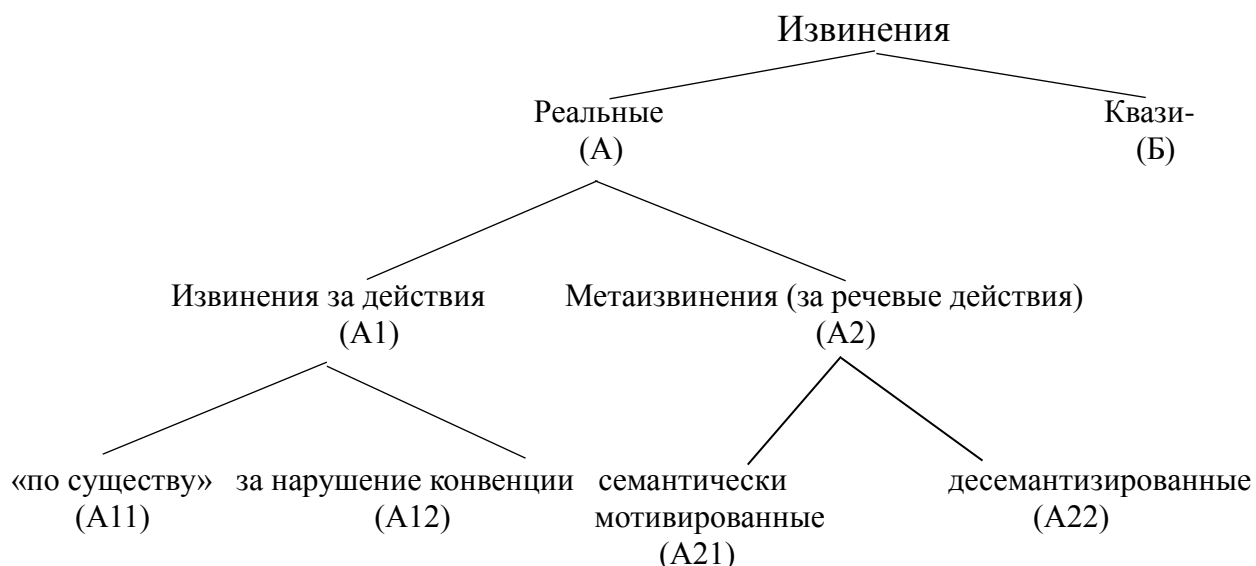
«Мотивировка своего поступка есть в маленьком масштабе правовое и моральное творчество; восклицание радости или горя – примитивное лирическое произведение; житейские соображения о причинах и следствиях явлений – зачатки научного и философского познания...» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2006: 353]. Подобное осознание личностью мотива своего поступка как «морального творчества» имеет прямое отношение к любому речевому акту, который автор считает поступком, «делом» («слово как дело»), но к извинительному речевому акту оно относится в первую очередь.

Существует формально два типа извинительных высказываний: с эксплицированным основанием мотива как факта его осознания («моральное творчество») и без экспликации. В рамках извинительного высказывания возможна экспликация мотива извинения, который вводится, как правило, 1) словоформой с предлогом **за** + вин. п.: *Простите за выражение/грубость/беспокойство...*; 2) изъяснительным придаточным: *Прошу прощения, что разбудил; Извините, что заставил вас ждать; Простите, что не сразу ответила на Ваше письмо...*; 3) условным придаточным: *Извините, если я вас задела; Простите, если задержусь с ответом; Прошу прощения, если ошибаюсь...*; 4) сложным предложением с союзом **НО**: *Вы меня извините, но хочется ответить грубостью; Простите, но не верю; я очень извиняюсь, но мне надо уходить*; 5) обозначением адресата извинения типа **у тех, кто**: *Прошу прощения у тех, кто счел себя оскорбленным.*

Анализ материалов бытовых и публичных речевых жанров позволяет внести правку в классификацию Р. Ратмайр и разделить все извинения как систему коммуникативных стратегий по их семантическим особенностям и прагматическим функциям, заключенным в их мотивах, на две большие группы: реальные извинения (А) и квазиизвинения (Б).

Следует отметить, что реальные извинения (А) охватывают два типа: извинения за действия (А1), метаизвинения (А2). Внимания заслуживает оппозиция (А11) ↔ (А12): подтипы (А11) и (А12) различаются по характеру «ущерба», причиненного физическим действием (А11) или асоциальным поведением (А12). В «ущербе» (А11) усматривается ущемление интересов адресата либо тяжкие оскорбления, а в «ущербе» (А12) акцент делается на нарушении социальных договоренностей или конвенций. При этом можно выделить и вторую оппозицию (А21) ↔ (А22): семантически мотивированные извинения (А21) (за сказанное), десемантизированные извинения, функционирующие в качестве модальных слов (А22). Десемантизация извинения и его переход в разряд модальных слов имеют место и в обыденной речи, но присущи в основном речи публичной. Кроме того, в реальном речевом общении функционируют и квазиизвинения (Б) (за так называемый «фантомный вред»). Существуют и случаи, когда они вовсе не имеют извинительного замысла.

Схема классификации извинений

3.1. Реальные извинения (А)

3.1.1. Извинения за действия (А1)

Можно заметить, что в повседневных речевых ситуациях повод для

извинения часто оказывается довольно очевидным, т.е. какой-то причиненный вред, в том числе коммуникативная неудача, а цель подобного извинения – нивелировать возможные негативные последствия и урегулировать тональность речевого общения.

А11. Извинения «по существу»

Под данный тип извинений попадают такие извинения, которые приносятся по причине действия, нанесшего адресату материальный ущерб или тяжкое оскорбление. Например:

(1) А: *Ну-с, чем же вы считаете бурлаков? Я судовладелец и вступаю за них; я сам такой же бурлак.* – Б: *Мы считаем их образцом грубости и невежества.* – А: *Нет, не все, главного недостает: вам нужно просить извинения.* – Б: *Мне – извиняться!* – А: *Кажется, пора меня знать. Если я кого хочу поучить, так на неделю дома запираюсь да казнь придумываю. Так выучитесь прежде понимать, да потом и разговаривайте!* – В: *Сергей Сергеич, я на колени брошусь перед вами; ну, ради меня, извините его!* – А: *Благодарите Хариту Игнатьевну. Я вас прощаю* (А. Островский. Бесприданница).

В ситуации (1) «представлено извинение метакоммуникативное, и в то же время это извинение «по существу». В данном случае ущербом, нанесенным адресату (А), является обида, спровоцированная высказанным личным мнением (Б) о бурлаках, к которым принадлежит, по мнению (А), и сам адресат (А). При этом причиненный ущерб настолько серьезный, что адресат потребовал от говорящего извинения. А упорство (Б) и его отказ принести извинение только усилили степень и размер причиненного им ущерба, так что адресат (А) собирался компенсировать свой ущерб наказанием «словесного» обидчика. Нужно отметить, что третья сторона (В) вклинилась в данную ситуацию во избежание обострения коммуникативного конфликта двух сторон» [Чернейко, Юй 2017б: 1142].

В ситуации (2) *Извините*, – проговорила Алина. – *Можно, я подселю к вам актера Гурина?* (В. Токарева. А из нашего окна) «извинение можно было

бы квалифицировать как конвенциональное, если бы речь шла о двухместном номере гостиницы. Но из сюжета вытекает, что и номер был одноместным, и артист, которого хотели подселить к герою повести (начинающему артисту Тишкину), оказался совершенно нежелательным для него соседом. Поэтому приносимое Алиной извинение имеет иной статус – это извинение «по существу»: основной мотив извинения кроется в том неудобстве, которое может причинить человеку подселение к нему нового жильца в его одноместный номер, что является вторжением в границы его личного пространства» [Чернейко, Юй 2017б: 1142].

Примечательно извинение в контексте (3) *Авторы поначалу дезориентируют зрителя, заставляя его думать, что, возможно, это всего лишь наваждение главного героя, но потом мы все-таки видим (**простите за спойлер**): речь идет о человеке, сделавшем пластическую операцию. В. Суриков. Как перестать быть собой и начать жить (рецензия на фильм «Селфи») (Эксперт. 2018, № 5. С. 59), поводом для которого является не использованное слово *спойлер*, а действие – преждевременное раскрытие важной информации о сюжете кинематографического произведения, а такое действие может разрушить интригу фильма и испортить впечатление от него у зрителей.*

(4) *Дело в том, что сознаваться, признаваться в том, что ты что-то сделал нехорошее, тем более совершил фактически огромное преступление, это ужасно неловко, и неприятно, и неудобно. **Мы приносим свои глубочайшие извинения, это страшная трагедия, мы готовы компенсировать, оплатить и так далее** (Эхо Москвы, 17.07.2017). В этой ситуации проявлены все элементы извинений «по существу»: «признание серьезности последствий совершенной ошибки, обозначенной выражением *огромное преступление*, которое и служит поводом для данного извинения; эксплицитное принесение извинения, осложненного комментарием (*страшная трагедия*); принятие на себя вины и ответственности за причиненный ущерб; предложение материальной компенсации. Как известно,*

негативный “эталон” неправильного поведения – это некорректное поведение (в том числе и речевое) в публичной ситуации, для которой официально принесенное извинение более значимо, чем извинение в бытовых ситуациях» [Чернейко, Юй 2017б: 1143].

A12. Извинение за нарушение конвенции

(5) *Говорил, в шесть, а пришел в семь, – упрекает Нинка. – Я тут на лестнице, как кошка, жду. – Японцев в Загорск возил, – объяснил Алексей. – **Извини*** (В. Токарева. Северный приют). В этой ситуации «извинение, которое выглядит как конвенциональное, можно трактовать и как извинение «по существу», поскольку его причина состоит в осознании говорящим причиненного собеседнику беспокойства (а это и есть «ущерб»). К тому же, опоздание говорящего на целый час может возбудить у адресата обиду. Извинительным высказыванием говорящий подтверждает соблюдение социальных норм и сообщает им о знании принятых правил поведения» [Чернейко, Юй 2017б: 1142].

(6) *Пауза, **извините**. Всему свое время. Новости, реклама – потом продолжим* (Эхо Москвы, 06.09.2017);

(7) *Уважаемые коллеги, я, к сожалению, должен уйти. Мне только что позвонили...Это очень важно и срочно... **Извините*** (запись дискуссии 2008);

(8) – *Подождите, Самара или Саратов? Путать Самару и Саратов – это последнее дело. – Нет-нет, Саратов-Саратов. **Прошу прощения**, это все-таки город Саратов. **Я извиняюсь перед Самарой**. Самара еще дойдет до этого, у нее еще все впереди...* (Эхо Москвы, 30.08.2017).

(6) – (8) являются типичными конвенциональными извинениями. В данных ситуациях повод для извинения в какой-то степени связан с «обманутыми ожиданиями» [Ратмайр 2003:171]. Как отмечает Р. Ратмайр, «в фокусе каждого конвенционального извинения находится некоторое причиненное адресату разочарование» и нарушение норм, которое «означает, что ... ожидание не сбылось» [Там же: 171]. Вместе с тем, извиняясь, говорящий приводит в качестве объяснения непредвиденные обстоятельства,

возникшие не по его вине. «Так, причина извинения в высказывании (6) состоит в понимании говорящим нарушения традиционно сложившейся этикетной нормы принудительным внедрением рекламы в радио-диалог» [Чернейко, Юй 2017б: 1143]. А извинение в примере (7) вызвано осознанием говорящим некорректности ухода по личным делам во время научной дискуссии. «Что касается извинительного акта в примере (8), то мотив его вполне серьезный для радиокомментатора – его недостаточное внимание к названиям городов, с которыми он на связи» [Там же].

3.1.2. Метаизвинения (A2)

В реальном речевом общении довольно употребительны метаизвинения (извинения за сказанное), в которых отражается «обыденное метаязыковое сознание» [Голев 2008] носителей русского языка. В этот тип извинений попадают два подтипа – семантически мотивированные извинения (A21) и десемантизированные извинения (A22).

A21. Семантически мотивированные извинения

(9) – *Нет, Вадим. Ты не толстый. Но ты пухленький и на зверька похож. – На бобра? – Ладно, **прости**, не обижайся. Ты хороший, да, но – правда. Ты разберись со своей головой, в порядок всё приведи, пойми, как говорят с высокой трибуны, свои приоритеты. Понимаешь, Вадюля? – Спасибо! Спасибо! Спасибо! За бобра, за приоритеты – спасибо! – Ладно, тише! Ну **прости**, ни на кого ты не похож, **прости!*** (Н. Коляда. Тутанхамон).

В данном контексте представлено метакоммуникативное извинение, принесенное за сравнение, при котором говорящий по внешним признакам собеседника сопоставляет его со зверьком. Такое сравнение считается оскорбительным по отношению к лицу-адресату, так что говорящий в конце своей реплики исправился – *ни на кого ты не похож*. Таким образом, извинение в данной ситуации расценивается еще и как извинение «по существу».

Извинение в примере (10) *Оставьте меня! Сделайте такое одолжение! Не люблю без умолку и без толку звонящих колоколов! **Извините**, но*

оставьте меня! Спать хочу! (А. Чехов. Безотцовщина) относится к метакоммуникативным по причине 1) употребленной метафоры, в которой собеседник сравнивается с неприятным предметом – *без умолку и без толку звонящим колоколом*; 2) явно выраженной отрицательной оценки говорящего в отношении адресата – *Не люблю*; 3) настоятельной просьбы к собеседнику об уходе, поданной в повторяющемся дважды выражении *оставьте меня!*

В высказывании (11) *Говорить всем быстро, не думать, не телиться... Ой, простите, дамы, за слово думать!* (Н. Коляда. Игра в фанты) говорящий приносит метакоммуникативное извинение за слово *думать*, которое означает ‘осуществление мыслительной деятельности’, а по сущности извиняется за нарушение коммуникативной пресуппозиции в связи с русским стереотипным восприятием женщины, которая считается глупой. Тем не менее, хотя в такой ситуации извинение в теоретическом плане соблюдает коммуникативное правило, оно фактически перегружено прагматическим смыслом – презрением к женщинам – и потому является некорректным и даже невежливым.

(12) А: *Ясно. Я открою тайну твоей болезни.* Б: *Говори, Бога ради!* В: *Эта колдунья прибрала ее к рукам.* Б: *Что сказала?* А: *Я не слышала. Если хочешь излечиться – свидетелей здесь не должно быть, и потому вели ей выйти. А ты уж извини!* (Н. Коляда. Селестина). В этом контексте метакоммуникативное извинение имеет своим поводом речевое поведение – предложение спутнице собеседника выйти по причине того, что *свидетелей не должно быть*. При этом причина данного извинения, можно сказать, – директива, в которой отражается желание говорящего, чтобы слушающий совершил в будущем то или иное действие.

Рассмотренные контексты свидетельствуют в пользу того, что предложенная Р. Ратмайр типология извинений достаточно условна, особенно в отношении извинений метакоммуникативных: слово может быть (и часто бывает) причиной не только извинительного акта, но и судебного разбирательства.

Заслуживает внимания и тот факт, что в публичной речи функционируют извинения всех типов, которые приносятся в бытовых ситуациях, поскольку «жанр публичной речи принадлежит к типам устной речи, ориентированным на письменную речь, но в той или иной степени проявляет черты разговорности, что связано с объединяющей их устностью» [Голанова 1993: 138]. Кроме того, причину сближения книжного и разговорного типов речи усматривают в демократизации общества, которая «повлекла за собой отказ от определенных форм цензуры» [Корнилова 1998: 45].

В ситуации (13) *Надо быть, извините, идиотом, чтобы стращать грядущим прорывом российских и белорусских танков на европейскую территорию* (РИА Новости, 14.09.2017) говорящий приносит извинение массовой аудитории за свое «непарламентское» выражение – *идиот*, которое истолковано в словаре С.И. Ожегова следующим образом: ‘глупый человек, тупица, дурак’. «Живая речь во всех проявлениях своих обнаруживает рассудочную сторону и эмоциональную сторону, представленные в очень разных пропорциях в зависимости от душевного состояния говорящего, конкретной ситуации и социальной среды» [Балли 2001: 29], а использование слова *идиот*, в котором имеется чрезмерно большая доля экспрессивности и оценки, не соответствует ситуации публичной, относящейся к официальной сфере общения, где говорящий должен не употреблять лексики с абсолютно отрицательной оценкой, избегая возможного нарушения принципа вежливости – «не обидь» [Чернейко 1996: 53], [Чернейко, Юй 2017б: 1143].

(14) *Все равно когда человек уже находится в этом статусе... Я прошу прощения, если я употребляю неверные термины – просто не совсем посвящен* (Эхо Москвы, 31.08.2017). Извинение в данном примере осложнено «конвенциональностью». Его мотив очевиден – это неточное употребление терминов, что в какой-то степени свидетельствует и о неидеальной профессиональной компетенции говорящего, и о его понимании существующей конвенции. В данном случае цель принесения

предварительного извинения можно определить как «желание уйти от полной ответственности» [Остин 2006: 206], несмотря на то, что ошибка в применении терминов нарушает коммуникативные постулаты Г. Грайса (в частности «постулат качества» и «постулат способа») [Грайс 1985]. Есть смысловая переключка между мыслью Дж. Остина и достаточно известным русскоязычным афоризмом «Извиняться – закладывать фундамент для будущего проступка», в котором ответственность представлена как провидение будущего [Чернейко, Юй 2017б: 1143].

(15) *Вот тут, **извините**, самое время сказать непопулярные слова о пользе выборов в вертикальном государстве* (Огонёк. 2018, № 35. С. 8);

(16) (речь о зданиях театров в Венгрии): *По сравнению с иными из этих храмов Мельпомены наш МХАТ в Камергерском – рабочий, **извините**, клуб* (ЛГ. 2018, № 27. С. 18).

Как полагает Н.Д. Арутюнова, «согласованность взглядов собеседников и их добрые намерения принимаются за идеальную норму общения» [Арутюнова 1990: 180]. Тем не менее, в качестве причины извинения несогласие высказанного говорящим мнения с индивидуальным мнением собеседника (в том числе, несогласие ученого с мнением оппонента - квазиизвинение) и несогласие публичного лица с мнением общепринятым (пример 15) имеют разные статусы в определении типа извинения. А в примере (16) поводом для извинения служит сравнение здания ведущего театра России с принижающим его типичным зданием, где размещались рабочие клубы. Кроме того, такая оценка представляет собой мнение, идущее вразрез с общепринятым. Нужно отметить, что само извинение выявляет систему негласных правил поведения и установленных стандартов в определенном социуме.

А22. Десемантизированные извинения

Десемантизированные извинения представляют собой условно обозначение потерявших семантическую мотивировку метаизвинений, у которых обнаруживается иная, чем собственно извинительная, цель. Как

отмечает Н.Д. Арутюнова, мотив – инстинктивное или сознательное побуждение к действию, которое состоит в желании достичь определенной цели. Мотив входит в контекст потребностей и желаний, а цель – в панораму возможных миров [Арутюнова 1992б: 15]. Привлекают к себе внимание те непрототипические ситуации, в которых функционируют формулы извинения как «рамочные элементы дискурса» [Макаров 2003] или «средства управления дискурсом» [Трофимова 2008: 48], в той или иной степени сохраняющие значение компенсации за будущий или уже причиненный ущерб. Однако «в связи с высокой степенью ритуализованности формул извинения в таком употреблении идея компенсации уходит на второй план», так что «происходит конкуренция функций и определенная десемантизация единиц, что позволяет отнести данные формулы в рассматриваемом употреблении к периферии поля извинения» [Там же: 48–49].

Извинение обретает новый, неэтикетный статус, сближаясь с модальными словами по значениям и функциям в публичной речи. Как писал В.В. Виноградов, модальные слова «выражают модальность высказывания в целом или отдельных его компонентов. Иногда они выступают в роли стилистического ключа, открывающего модальность всего предложения. Иногда они оправдывают, мотивируют выбор или употребление отдельных слов, подчеркивая их экспрессию» [Виноградов 2001: 594].

«В.В. Виноградов в своем труде «Русский язык» включает императив *извините* в особый разряд модальных слов, свойственных диалогической речи, которые заключают в себе призыв к собеседнику, стремление возбудить его внимание к чему-нибудь, подчеркивают какой-нибудь факт или вызывают то или иное отношение к сообщению. В современной публичной речи именно такую неэтикетную функцию часто выполняет по-разному грамматически оформленное извинение: (17) *Один из таких важных законов – это, простите, пожалуйста, закон экономии* (Эхо Москвы, 01.09.2017); (18) *Я прошу прощения, я все-таки про одну ситуацию расскажу* (запись дискуссии 2008)» [Чернейко, Юй 2017б: 1144]; (19) *Аналогия тем более*

*уместная, что в сказке о спящей красавице злая фея проклала принцессу, **извините**, веретеном* (РИА Новости, 03.01.2018).

«Нужно отметить, что в современной публичной речи извинение в связи с расширением его функций переходит в разряд модальных слов. Во-первых, извинение может выполнять функцию, аналогичную «метатекстовым» словам (а это не только хорошо изученные вводные слова, но и слова знаменательные – прилагательные, а также развернутые метатекстовые комментарии [Чернейко 1990, 2012б]), т.е. тем словам, которые содержат оценку самого стиля, способа выражения мысли. С точки зрения В.В. Виноградова, к такого рода модальным словам и словосочетаниям относятся **буквально**, так сказать, собственно говоря, коротко говоря, вообще говоря и др. При употреблении данного разряда модальных слов говорящий «как бы не решается признать свои слова адекватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли. Поэтому он снабжает свои высказывания оговорками, стилистическими оценками и замечками» [Виноградов 2001: 604]. Модальные функции извинения широко представлены в сегодняшней публичной речи, где извинения легко заменяются вводными словами, например: (20) *Даже не просто запретят, а в любой момент могут перевести, **извините** меня* (= ‘так сказать’), *в реальный арест, потому что скажут, что не имеет возможности он обеспечивать вот эти установленные для него правила* (Эхо Москвы, 09.09.2017); (21) *Я же прекрасно понимаю, что он узбека и грузина от русского не отличит, **прошу прощения*** (= ‘буквально’) (запись дискуссии 2008)» [Чернейко, Юй 2017б: 1144]; (22) *Я за большие дела. Я за дружбу народов, которая существует или существовала. Я, **извините** меня* (= ‘собственно говоря’), *за то, чтобы закончить все эти конфликты* (Радио Свобода, 16.01.2018).

«Извинением также может обозначаться переключение с одной системы обозначения на другую, например, с нейтрального стиля на

профессионально маркированный: (23) *То есть как мы иммигранту или билингву, **извините**, передадим вот эту сложность, что по-русски «с глаза на глаз», а по-немецки «между четырьмя глазами»?* (запись дискуссии 2008). Извинение в этом высказывании, очевидно, обусловлено введением специального термина *билингв*, который, по мнению говорящего, неизвестен аудитории. Но такое десемантизированное извинение в лингвистической дискуссии оказывается более чем странным и дает штрихи к портрету не адресата, а адресанта» [Чернейко, Юй 2017б: 1144].

Также извинение может указывать на переход с одной манеры выражения мысли на другую: (24) *То есть я бы придал теме как можно больше остроты, сделал бы ее, **извините**, немного пряной* (Радио Свобода, 22.01.2018). В данном примере извинение приносится за употребление слова *пряный*, которое относится к кулинарной лексике, а в зависимости от данного контекста употребляется в переносном значении ‘возбуждающий чувственность’. В примере (25) *В отличие, **прошу прощения**, от романо-германской культуры, которая все-таки ориентируется на испанцев. – Вот это уж, **извините, пожалуйста**, чистой воды...* (Запись дискуссии 2008) первое извинение выполняет функцию привлечения внимания аудитории к приведенному объекту сравнения, а вторым извинением говорящий вводит в свою речь фразеологизм *чистой воды*, который имеет значение ‘самый настоящий, истинный, доподлинный’ [Фразеологический словарь русского языка 1968], тем самым выражает согласие с высказанным суждением собеседника. Кроме того, субъект речи посредством извинения может приступать к обобщению, к итогу речи: (26) *Это вещь, с которой нужно разобраться, проанализировать и, **прошу прощения**, в общем-то, действовать достаточно четко и жестко, потому что это недопустимо* (РИА Новости, 04.10.2017).

«Во-вторых, извинение может функционировать в качестве модального слова, которое заключает «эмоциональное освещение самой изображаемой действительности» и обозначает «эмоциональные или волевые модальности,

которыми пронизаны обсуждение или оценка каких-нибудь фактов и мыслей» [Виноградов 2001: 604]: (27) *Нет никакой идеологии, простите. Нет никакого Маркса-Энгельса* (Эхо Москвы, 28.08.2017); (28) *Но... это сознательно причем... дети грамотные, грамотные... Ну, ладно, извините. Всё* (Запись дискуссии 2008). «В первом примере извинение равно возражению *О чем вы говорите? Какая идеология?* и усиливает уже выраженное несогласие с собеседником (*Нет...*). Во втором примере извинение – сигнал окончания полемики (сближается с такой частицей, как *пожалуй*)» [Чернейко, Юй 2017б: 1144].

«В-третьих, извинение выступает в роли модальных слов типа *разумеется, несомненно, безусловно*, модальность которых основана на чисто логической, рассудочной оценке достоверности утверждения: (29) *Потому что, прошу прощения, можно по-разному относиться к политическим взглядам и научным взглядам академика Лихачева, но то, что академик Лихачев был, безусловно, авторитетен, и то, что его речь полагалась как действительно образцовая, это так* (запись дискуссии 2008); (30) – *Если это будут честные выборы, то что же в этом грустного? Ну, вот так, да. – Грустно то, что народ такой взрастили. И воспитали. Вот что грустно. – Ну, извините* (Эхо Москвы, 17.07.2017)» [Чернейко, Юй 2017б: 1145]; (31) *И более того, я понимаю, что мужчины и женщины разные, извините, пожалуйста* (запись дискуссии 2008).

«Кроме вышеназванных функций извинительное высказывание в некоторых случаях выполняет функцию модальных слов, выражающих субъективность (внезапность припоминания информации и присоединения ее по ассоциации), к которым можно отнести модальные единицы типа *кстати, к тому же* и т.п. [Виноградов 2001: 606]: (32) *Достоинства и все такое прочее, они сыграли, я думаю, не последнюю роль в том, что у этих людей сохранилось спокойствие. Хотя там жизнь тоже...не сахар. – Я прошу прощения. У меня докторантка из Нальчика. Довольно взрослая женщина, скажем так...* (Запись дискуссии 2008)» [Чернейко, Юй 2017б: 1145]; (33) –

*В нашей иерархии ценностей терпимость занимает одну из первых позиций, как мне кажется. – «Христос терпел и нам велел» – откуда это взялось.... – Вот, вот, вот! **Извините**, не «терпение», а «смирение и труд все перетрут». И **извините**, у нас «без труда не выловишь и рыбку из пруда», и вот таких вот единиц, где говорится... (Запись дискуссии 2008).*

А в контексте (34) *У нас в Москве множество названий, которые выполняют, **уж простите**, примерно ту же функцию, что и соя в докторской колбасе (ЛГ. 2012, № 27. С. 9) «извинение небеспричинное, но уже семантически ослабленное и прагматически нагруженное другими, не собственно «извинительными» смыслами: во-первых, это извинение за сравнение, во-вторых, у него сугубо стилистическая, жанровая мотивация (проекция городских названий на «низкий», бытовой объект – колбасу – с социально осуждаемой добавкой – соей), в-третьих, это ирония, которой, в-четвертых, говорящий хочет привлечь внимание читателей к важному обсуждаемому объекту (названиям улиц, площадей и, шире, городского ландшафта). Таким образом, собственно извинительная функция высказывания уходит на второй план, если и вовсе не затемняется, а причина, мотивация извинительного акта уступает место цели» [Чернейко, Юй 2017б: 1144].*

В примере (35) *Сдерживают простыню, камера наезжает, золотыми буквами написано, дословно: «Ни кто не забыт, ни что не забыто». Это не престижно и это не стыдно, понимаете. Это не то, что **прошу прощения**... я там послал статью, обнаружил, что я там запятую не поставил... идиот! Хожу, мучаюсь: подумают, что безграмотный, стыдно же такое, пропустил запятую... А эти, думаете, кто-нибудь волнуется? Да нормально, ну и чего, подумаешь! (запись дискуссии 2008) говорящий просит прощения за приведение в пример себя как безразличного к правилам орфографии и пунктуации человека, который переживает за пропущенную запятую и заботится о написании слов. Необходимо отметить, что извинительный смысл в этом контексте неочевиден, а извинительный акт,*

скорее всего, способствует выражению отношения субъекта речи к допущенной ошибке – разделительному написанию слов *никто*, *ничто*, а также выполняет функцию привлечения внимания адресата к значимости орфографических правил.

(36) *С перстеньком своим... хозяин расстался, подарив его на радостях нечаянному виновнику своего оживления – тому самому Шелухе, простите, ныне Тимофею Трофимовичу* (ЛГ. 2018, № 19. С. 2). В этом контексте извинение нагружено ироническим смыслом: речь идет о сельском забулдыге по прозвищу «Шелуха», совершившем необычайный поступок, вернувший ему его законное имя-отчество как знак уважения сельчан, но говорящий «героизма» в «нечаянном» поступке не видит и считает правильной кличку.

В контексте (37) *Извините, если в городе будет хреновая экология, то первый, кому будет хуже, он сам* (речь о владельцах промышленных комбинатов, которые, по справедливости, должны жить в городе, где этот комбинат находится, чтобы следить за экологией) (Эксперт. № 11, 2018. С. 53) извинение приносится за слово *хреновый*, которое имеет просторечный и даже грубый стилистический оттенок (трактуются в словаре С.И. Ожегова как ‘плохой, негодный’). Кроме того, извинительное высказывание в данной ситуации можно рассматривать и как «опережающий» знак возможного несогласия со стороны слушающего, поскольку говорящий уже выразил «сильно» свою эмоцию.

В бытовой речи так же, как и в публичной, можно обнаруживать десемантизированные извинения, например, в анекдоте (38) *Урок в школе. Вовочка обзывает Марь Иванну душой. Марь Иванна вызывает директора. Директор: – Так, Вовочка! Ну-ка сейчас же три раза скажи, что Марь Ивановна не дура, и извинись! Вовочка: – Ха - Марь Иванна не дура! Марь Иванна не дура?! Это Марь Иванна не дура?!!! Извините!* слово *извините* вовсе не извинение, а знак несогласия, оформленного определенной интонацией, превращающей его в оскорбление.

3.2. Квазиизвинения (Б)

«Квазиизвинение» – термин достаточно условный и под ним понимается извинение квазиреальное, т.е. так оцениваемое слушающим, который не усмотрел ни в действиях, ни в речах говорящего причины извинения и выразил в связи с этим свою оценку происходящего.

Как отмечает Л.О. Чернейко, метаизвинения, для которых нет ни лингвистических, ни логических, ни этических оснований, входят в круг извинений с характеристикой «ложной значительности» (словоупотребление Т.М. Николаевой [Николаева 1991]) [Чернейко 2014: 253]. Если говорить о современной российской публичной речи, то не будет преувеличением сказать, что в ней функционирует множество извинений за «фантомный вред». В определенных коммуникативных ситуациях извинения могут быть отнесены к разряду «фантомного, пустого множества» [Николаева 1999]. Причиненный коммуникативный ущерб, являющийся порождающим извинение фактором, можно определить, скорее всего, как «фантомный вред» [Там же]. Например:

(39) *Но в один прекрасный... простите, как раз наоборот – в один какой-нибудь трагичный день вы упадете оттуда и разобьетесь...* (В. Шукшин. Чередниченко и цирк). В этой ситуации «повод для извинения – употребление прилагательного *прекрасный*, которое является составной частью фразеологической единицы *в один прекрасный день* с достаточно общим значением ‘однажды, когда-нибудь’ [Федоров 2008: 188], но при этом с ограничением в сочетаемости, которого словари не отмечают, а именно: этот разговорный фразеологизм свободно сочетается с информацией о положительном и долгожданном событии или о событии нейтральном, например, *И вот в один прекрасный день собрались они на дачу; Так проходит время, пролетает год, другой, я уже подрастаю и в один прекрасный день делаю первый крупнейший шаг* (А. Толстой. Я лежу в траве). Высказывание *В один прекрасный день он умер* прочитывается либо как совершенно недопустимое, либо как ироничное (хотя ирония в подобных

случаях некорректна), либо как вводящее в констатирующее суждение (*Он умер*) точку зрения наблюдателя (нарратора, персонажа)» [Чернейко, Юй 2017б: 1142].

«В рассматриваемом контексте прилагательное-антоним *трагичный* вводит оценку говорящим возможного события как трагического, что расширяет семантический объем фразеологизма за счет придания ему статуса свободного сочетания (день может быть *прекрасным, трагичным, скучным, веселым* и т.д.). Извинение вызвано осознанием говорящим прагматической нестыковки фразеологизма с негативной информацией прогнозируемого им трагического события. Можно сказать, что извиняется говорящий за приверженность языковым клише, за свою речевую инерционность. Кроме того, коммуникативным следствием употребления слова с негативным смыслом (*трагичный*) может быть прогнозируемая говорящим негативная эмоциональная реакция слушающего. Так что говорящий приносит извинение и для того, чтобы редуцировать негативное воздействие своего пессимистичного прогноза на психическое состояние адресата» [Чернейко, Юй 2017б: 1142].

(40) *И если бы не страстная неделя, неделя страстей, – я не попала бы в эту сегодняшнюю жизнь, потому что сюда можно въехать только на билет, купленный ценою страданий. Ибо одни страдания заставляют душу трудиться и созидать, **извините за пышное слово*** (В. Токарева. Второй день). В данном высказывании извинение вызвано применением «пышного слова» *созидать*, которое по значению равно слову *создавать*, но имеет высокую стилевую окраску. Его употребление свидетельствует о переходе от обыденного разговора, в котором не принято использовать высокие с точки зрения стиля языковые средства, к другому речевому жанру – официальному, и тем самым может задеть языковое чувство слушающего, нарушая изложенное Т.В. Шмелевой правило речевого поведения – «придерживайся одного способа ведения беседы, одного жанра» [Шмелева 1983: 76].

В высказывании (41) *С хорошим, **простите меня за это слово,***

человеческим материалом мы сможем сделать очень много (ТВ. 20.03.2018) причина извинения – употребление слова *материал*, трактуемого С.И. Ожеговым как ‘предметы, вещества, идущие на изготовление чего-н.’, которое по семантике не сочетается с прилагательным *человеческий*, что нарушает правило «говори согласно норме и как принято» [Шмелева 1983: 76] и потому может задеть языковое чутье слушающих в силу некодифицированности данного словосочетания в литературном языке.

В примере (42) *Вчерашний сугроб немедленно превращается в неприступный ледник, я извиняюсь, глетчер. Так не надо сугроб доводить до состояния глетчера: его надо убирать* (ЛГ. 2003, № 5. С. 5) говорящий извиняется за заимствованное и совсем новое в обыденной речи (тем более что речь идет о службе уборки города) слово *глетчер*, обозначающее ‘то же, что ледник’ (по словарю С.И. Ожегова).

(43) *Простите за высокие слова, но всегда считала, что нужно жить на своей родине и по возможности приносить ей пользу. К тому же, не было повода, не было человека, за которым бы я туда поехала* (Огонёк. 2016, № 40. С. 35). В этой ситуации извинение приносится за высокие слова, которые, являясь возвышенными и торжественными по стилевой окраске, отступают от узуса, а по содержанию сходны с банальностью.

(44) *Меры, которые были бы приемлемы, извините за тавтологию, относим к неприемлемым действиям* (ТВ. Вечер с Владимиром Соловьев, 05.09.2016). Поводом для извинения в этом примере является употребленная в речи тавтология – «содержательная избыточность высказывания, проявляющаяся в смысловом дублировании целого или его части» [Языкознание 1998: 501], а также в повторении однокоренных слов или морфем в пределах одной фразы, одного текста. В публичной речи не принято употреблять тавтологию, которая не входит в систему и норму языка, свидетельствуя обычно о недостаточной логической и языковой грамотности говорящего (при условии, что тавтология допущена неосознанно, не как стилистический прием).

В примере (45) *То, что ты совершенно неожиданно (и – **извини** – гениально) сказала при встрече – о нашем всеобщем зацеперстве, меня просто поразило* (из СМС – переписки – архив Л.О. Чернейко) причина извинения – употребление слова *гениально*, поскольку в русской культуре не принято в глаза говорить собеседнику такие «крайние» по своей напряженности хвалебные слова.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что квазиизвинение (извинение за «фантомный вред») является особого рода метаоценкой, в которой отражается в первую очередь представление говорящего о словах и о языке. «В фокусе внимания говорящего – само высказывание, а в комментариях к словам отражается взгляд “стихийного, наивного лингвиста”, воплощающий его метаязыковое обыденное сознание» [Чернейко 2016: 198].

(46) *Я думаю, это номер один проблема, которую они будут обсуждать. Ну, кроме Сирии. Кроме, **извините**, Северной Кореи* (Эхо Москвы, 04.09.17); (47) – *А у нас, по крайней мере, в русской культуре вообще ситуация очень сложная, потому что фактически мы слабо осознаем себя как представителей русской культуры... – Я бы не сказал... **извините**. Это актуальный пример. Вчера по телевизору показывали дагестанскую школу, пятиязычную, где обучают на этом, том, третьем...и русском языках* (запись дискуссии 2008).

В ситуации (46) говорящий просит о прощении по причине упоминания негативной, с точки зрения говорящего, информации, которая фактически не затрагивает интересы слушающего. В контексте (47) извинение вызвано несогласием говорящего с суждением собеседника и необходимостью, с точки зрения говорящего, приведения актуального примера в оправдание своего мнения. В данном случае пресуппозицией извинения является несогласие с оппонентом, но извинение выдает позицию извиняющегося, в картине мира которого нормой научного диалога является единомыслие. А эта позиция в принципе не соответствует специфике научного общения.

(48) *Вы ставите сейчас Достоевского – «Братьев Карамазовых». **Вы***

уж простите, но Достоевский не может нам помочь разобраться в том, что происходит именно с нами и именно сейчас (Огонёк. 2018, № 44. С. 32).

В этом контексте представлено извинение за собственное мнение, с которым вряд ли согласится слушающий. А за собственное мнение, идущее вразрез с мнением другого, приносится квазиизвинение, которое подчеркивает важность предмета разных мнений.

(49) *Поэтому я, извините, не буду нисколько оригинален. Надо идти, надо проголосовать, надо выбрать, чтобы в будущем не работал или работал более вменяемым образом муниципальный фильтр* (Эхо Москвы, 08.09.2017). В данной ситуации извинение приносится за неоригинальность слов, т.е. за цитирование чужой мысли, что нарушает коммуникативное правило в публичной дискуссии: надо предлагать свое собственное мнение либо информацию.

(50) *Это утверждение (о становлении новой парадигмы исследований в начале XXI в. – Ю.И.) уже давно стало трюизмом, так что приношу свои извинения читателю за определенную банальность* (В. Красных. Словарь и грамматика лингвокультуры, 2016. С. 7). В этом примере представлено извинение с двойной эксплицированной мотивацией – развернутой в предложно-падежной конструкции *за банальность* (винительный падеж в значении причины) и свернутой в слове *трюизм*. Нет никаких нарушений установленной конвенции, поскольку никаких писанных правил нет. Тогда этот извинительный акт можно интерпретировать следующим образом: либо существуют в научном сообществе неписанные конвенции, а такого рода извинения открывают завесу над ними, либо у говорящего есть субъективное представление о банальности как о недолжном.

Т.В. Шмелева отмечает, что в модусе высказывания заключается целый круг смыслов оценок, из которых выделяется параметр «тривиальность содержания». Правило нетривиальности высказывания запрещает сообщать очевидное и общеизвестное, не допускает появления такой информации в качестве утверждения, при этом данные сведения вполне могут быть

размещены в пресуппозиции предложения. «Невыполнение этого правила грозит говорящему создать репутацию человека, говорящего банальность» [Шмелева 1988: 196].

А цель экспликации метасмысла ‘тривиальность информации’ в высказывании не разъяснить, а извиниться за нее: дав понять, что говорящий отдает себе отчет в тривиальности информации, он как бы снимает с себя ответственность за нарушение данного правила [Шмелева 1988: 197]: (51) *Таково, к сожалению, тривиальное понимание философского наследия Макиавелли. И оно имеет мало общего с его истинным духом* (Эхо Москвы, 22.06.2018); (52) ***Вы знаете, ничего нового там абсолютно нет, и она действительно была заполнена мною далеко до того, как я пришел на службу в Росгвардию*** (Радио Свобода, 11.09.2018); (53) *Мне кажется, при оценках перспектив мы должны быть предельно, **повторю слово, предельно осторожны и аккуратны*** (РИА Новости, 18.07.2018); (54) *Это очень важная мотивация, она еще, **я повторяюсь, не является выбором в собственном смысле слова*** (Эхо Москвы, 19.09.2018); (55) *Как будто вся пластика в ее улыбке, в ее потрясающих глазах, во всем, это была пластика ее стихов, это был взгляд ее стихов, это была тональность ее стихов. Я сказала и **не боюсь повториться, ее тон действительно делал ее музыку*** (Радио Свобода, 01.12.2010).

Иногда одной извинительной акции не хватает, и говорящему приходится вводить (намекать на) некоторые оправдывающие или вынуждающие обстоятельства: (56) ***Как бы банально это ни звучало, но на такую масштабную работу потребуются дополнительные – и немалые – деньги*** (РИА Новости, 19.09.2018); (57) *Я считаю, что человек должен делать то, к чему у него есть страсть. И, наверно, они будут счастливы, если я буду счастлива. **Это звучит немножко тривиально, но это так*** (Радио Свобода, 27.01.2014); (58) ***Излишне говорить, что экономика Украины вошла в ступор, несмотря на то, что условия ее развития были достаточно благоприятны*** (Эхо Москвы, 14.07.2018).

А в примере (59) *Какая была необходимость приравнять близящуюся к окончанию поэму к части туалета – «гопна» (по-теперешнему – «юбка», а по-староитальянскому – в лучшем случае «плащ» или вообще «платье»), а себя уподоблять портному, у которого – **извините за выражение** – вышел весь материал?* (О. Мандельштам. Разговор о Данте. Ч. 4.) представлено квазиизвинение, мотив которого – неподходящее сравнение, вызванное осознанием говорящим несоответствия масштабов личности Данте, который является основным субъектом проекции, выраженной глаголом *уподоблять*, портному, служащему в качестве вспомогательного субъекта. Как пишет Л.О. Чернейко, «метаизвинения, для которых нет ни логических, ни этических оснований, уже не являются таковыми в строгом смысле термина, они вводят оценку (неприятие) говорящим того явления, за именование которого он извиняется и имя которого он цитирует» [Чернейко 2016: 197].

Следует отметить, что в квазиизвинениях отражается не только представление говорящего о словах и о языке, но и его точка зрения на любой компонент высказывания или даже любой объект, упомянутый в высказывании. Следовательно, в реальной речевой практике наблюдается немало извинений с диффузным (размытым) значением. Суть диффузности, по Д.Н. Шмелеву, состоит в том, что «отдельные значения, отчетливо отграничиваемые друг от друга в определенных позициях, в других позициях оказываются совместимыми, выступающими нераздельно». Но «диффузность значений может проявиться только в случае их тематической общности» [Шмелев 2008: 77]. Как полагает Л.О. Чернейко, «лингвистическая констатация “диффузности значений” многозначного слова отражает “лексикографическую” точку зрения на речевые взаимодействия смыслов, тогда как констатация семантической неопределенности высказывания, ведущей к его непониманию или неверному пониманию, ориентирована на перцепцию, на слушающего» [Чернейко 2012а: 38].

Приведем в качестве примера следующие контексты: (60) *Феномен криптовалют следует связывать с изменением жизненных ценностей*

с точки зрения материальных накоплений для граждан. Мы наблюдаем этот тренд, **извините**, когда новый смартфон – лучший подарок на мероприятия типа обручения (РИА Новости, 17.01.2018). В этом примере выявляется диффузная семантика извинения, которое приносится, во-первых, за новомодное слово *тренд*, а во-вторых, за несогласие с тем, что смартфон на обручении – уместный подарок. В ситуации (61) «*Не прыгайте так! Вы все подавите!*» – с тревогой бросаются к нахлынувшей толпе гостей ученые, покинув свои (**простите**) могилы (МК. 20.07.2018. С. 5) речь идет о раскопках археологами старых захоронений. Говорящий извиняется за обиденное слово *могила*, создающее каламбур (*свои могилы*). Выражение *свои могилы* является двусмысленным: 1. могилы, в которых захоронен кто-то; 2. могилы, из которых встают мертвецы; 3. могила как объект археологического интереса. В языке археологов аналог этого слова – возвышенное слово **захоронение**. Извинение приносится за возможные неприятные ассоциации у собеседника.

Что касается мотивации извинения в примере (62) *Звучит не только человек, но и быт. Звучит, **извините**, и обиход* (спектакль «Необыкновенный концерт»), то возможными представляются три решения: 1) полная десемантизация и превращение извинения в междометие типа современного блин, выражающего досаду; 2) извинение за своего рода оксюморон (каламбур) в связи с тем, что слово **обиход** обозначает привычную, рутинную жизнь, как, впрочем, и **быт**; 3) извинение выступает как вводное слово, как способ привлечения внимания к предмету речи. В приведенном контексте представлены все указанные смыслы одновременно, нельзя отдать предпочтения никакому из них.

Особый интерес представляют извинения неявные, завуалированные, имплицитные. Вводятся они такими синтаксическими оборотами, как, например, **не хочу никого обижать, но**: (63) *Там выступают звёзды, собранные Олегом Табаковым, как редкая коллекция бабочек у Владимира Набокова. **Не хочу никого обижать, но** слово “бабочка” пришло на ум в*

связи с тем, что большинство знаменитостей чеховского МХТ постоянно порхают между историческими подмостками и съемочными площадками или улетают на собственные “поляны” (ЛГ. 2012, № 29. С. 8); если можно так сказать: (64) *Я считаю, что продажа бизнеса все же решает вопрос акционеров, но она не решает вопросы самого бизнеса, потому что из позиции, если можно так сказать, оператора процесса ты переходишь в позицию самого процесса, и тобой уже управляют* (Эксперт. 2009, № 26. С. 9); не побоюсь этого слова: (65) *И у нас были дисциплины, изучая которые, мы растеряли свой тезаурус, не побоюсь этого слова* (ТВ. Вечер с Владимиром Соловьев, 23.11.2016).

Аналогичные извинения могут реализовываться через «специальное метатекстовое средство, маркирующее номинацию» [Дементьева 2013: 187], так называемый, которое оправдывает введение штампа: (66) *Кто хорошо знал эту замечательную женщину и часто общался с ней в так называемом политическом поле, у того нет сомнений, что ее добровольный уход из жизни был «последней рукопаиной»* (ЛГ. 2016, № 46. С. 5); выражение как принято сейчас говорить, обосновывающее использование модного слова тренд, которое все больше распространяется в современной русской речи: (67) *Только вот трендом, как принято сейчас говорить, эта позиция не стала* (ЛГ. 2018, № 3–4. С. 2); выражение извиняют меня (не перформатив, а косвенный извинительный акт): (68) *Надеюсь, читатели «ЛГ» извиняют меня за то, что я несколько переименовал название фильма, в котором я недавно снимался* (ЛГ. 2018, № 11. С. 11).

Русский анекдот с извинительным актом был предложен для интерпретации носителям русского языка, которым был задан один вопрос: «За что извиняется учитель ОБЖ перед учеником?» Текст анекдота: (69) *Идет по школьному коридору ученик, вертит в руках зажигалку. Навстречу ему – учитель ОБЖ: – Я тебя отучу курить, паразит! – Иван Иванович, честное слово, я не курю! – А зачем тогда тебе зажигалка? – А я поджигаю петарды и бросаю их в кабинет химии. –...Тогда извини!* Были получены

разные ответы: (1) комический эффект проистекает из несоответствия произнесенного извинения всей ситуации: извинение выдает позицию учителя, состоящую в том, что курить ученику нельзя, а бросать петарды в кабинет химии можно. Создается впечатление, что курение одного человека более опасно для жизнедеятельности социума, чем метание петард в класс химии (Л.О. Чернейко); 2) в данном случае извинение приносится за то, что учитель заподозрил ученика в курении и тем самым нанес ему ущерб (О.Ю. Дементьева); 3) по мнению учителя ОБЖ, курение – это настолько плохо, что бросать петарды в кабинет химии – не так уж страшно, это нормально. Причина принесения извинения состоит в том, что учитель думал, что ученик курит, а это не так, ученик на самом деле не курит (русская девушка); 4) учитель ОБЖ извиняется либо за то, что он не любит химию, либо за то, что для него главное, чтобы ученики не курили, а остальное не важно (русский молодой человек 1); 5) учитель извиняется за то, что помешал ученику, – ведь он не курит, а всего лишь бросает петарды (русский молодой человек 2). Из ответов опрошенных видно, что причина извинения далеко не всегда очевидна, а часто выражена имплицитно. Она может быть интерпретирована по-разному.

А извинением в анекдоте (70) *Милый, прости, что мы так часто ссоримся на пустом месте из-за того, что ты дебил* обыгрывается ситуация, в которой извиняются не за то, за что следовало бы извиняться. Такое «ироническое» извинение вскрывает сложившиеся в сознании говорящего представления о норме поведения, речевого в том числе: за «дебила» извиняться не нужно, хотя это оскорбление, а вовсе не «пустое место». Но для говорящего (женщины) «дебил» не оскорбление, выражающее ее мнение, а простая констатация «очевидного» факта.

Необходимо отметить, что в бытовой речи часто обнаруживаются квазиизвинения (извинения ни за что):

(71) *Никому не нужна я. Никто не любит. Все хорошие, а я плохая одна. В комнатах бардак – я виновата. Они все молодцы, а я – не молодец*

(Н. Коляда. Букет);

(72) *Так верите, стыдно сказать, я смерть тещи меньше переживал. Правда, мы жили в разных городах... – как бы **извинился** Нисневич* (В. Токарева. Старая собака).

В примере (71) говорящий как будто бы берет на себя вину за полный беспорядок и развал в доме (так толкуется слово *бардак* в словаре С.И. Ожегова). Но это извинение мнимое, квазиизвинение, потому что героиня пьесы цитирует оценку ее поведения другими людьми, которые считают ее виноватой во всём, тогда как она сама за собой вины не признает. В примере (72) извинительный речевой акт отсутствует, но оправдание говорящего воспринимается со стороны как извинение. В таких извинительных высказываниях извинительный замысел отсутствует.

4. Ответственность говорящего в сфере извинения⁸

Извинение является результирующим речевым действием, часто метатекстом. При этом ущерб, нанесенный словом или поступком, может рассматриваться как коммуникативная или поведенческая неудача, которая обладает текстопорождающим потенциалом. «В качестве способа компенсации ущерба и редуцирования нежелательных последствий извинение представляет собой такой микротекст, который снимает коммуникативную неудачу, поправляет тему разговора и/или регулирует тональность речевого общения» [Юй 2017б: 348].

Приведем в качестве примера следующие контексты из обиходно-бытового речевого общения:

(1) – *Неужели вы думаете, что деньги – это самое главное в жизни? – Напрасно это мне говоришь, доченька. Мы до денег не жадны, просто они нам трудно достаются, поэтому привыкли дорожить. Видишь, у меня руки-то какие? – **Простите** (к/ф «Отчий дом»).*

---

⁸ При написании параграфа использовались материалы статей автора диссертации: **Юй Иснн**. Коммуникативные неудачи как текстопорождающий фактор в сфере речевого этикета (обращение и извинение) // Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: норма и вариант: VI Международная научная конференция: сборник научных статей. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 345-351. **Юй Иснн**. Формы русского речевого этикета в свете этики ответственности // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 2. С. 150-159.

Коммуникативная неудача в контексте (1) порождена вопросом дочери о значимости денег, в котором мать усмотрела упрек и объяснила причину своего бережливого отношения к деньгам. Неловкую и даже конфликтную ситуацию в процессе общения изменила дочь извинением. Как отмечает Л.О. Чернейко, «поскольку пейоративные аксиологические суждения (с явно выраженным перлокутивным эффектом) являются социально небезопасными речевыми действиями, постольку субъект оценки ищет языковые возможности редуцировать нежелательные последствия или вовсе их избежать» [Чернейко 2014: 252]. А упреки, явные или завуалированные, вполне подходят под категорию «социально небезопасных речевых действий», которые и требуют компенсации в виде извинения [Юй 2017б: 349].

В ситуации (2) – *Миша, бог знает что... вы меня испугали... Я и так расстроен, а вы еще с глупыми шутками... Испугал и радуется... – Ну, ну... виноват, виноват. Не буду больше, не буду...* (А. Чехов. Иванов) извинительный акт обусловлен явным упреком со стороны испуганного и расстроенного собеседника. Говорящий пытается снять коммуникативную неудачу, связанную со своими неуместными шутками, и поддержать хорошие взаимоотношения с адресатом учтивым вариантом извинения *виноват* и обещанием того, что подобный некорректный поступок больше не повторится.

Уместно отметить, что отрицательная эмоция (зависть, обида, гнев и т.п.), вызванная ею неприятная тональность и даже грубость в речевом общении, как представлено в примере (3) – *Нет, я не знаю, знаешь ли ты, или нет, но мне все равно. И я скажу тебе, – я сделал предложение и получил отказ, и Катерина Александровна для меня теперь тяжелое и постыдное воспоминание. – Отчего? Вот вздор! – Но не будем говорить. Извини меня, пожалуйста, если я был груб с тобой* (Л. Толстой. Анна Каренина), часто приводят к возникновению коммуникативной неудачи, которая проявляется в негативной реакции собеседника (в том числе речевой реакции). В таком случае принесение говорящим извинения и признание вины служат

средствами, пригодными для смягчения конфликтной ситуации и устранения возможных нежелательных последствий.

(4) *Успокойтесь, княгиня. Вам это кажется, потому что, я вас уверяю, я сам испытал...отчего...потому что... Нет, **извините**, чужой тут лишний...* (Л. Толстой. Война и мир); (5) – *Хватка у вас дай бог каждому. – **Вы извините**, что что-нибудь там не так* (к/ф «Простая история»).

В примере (4) повод для извинения заключается «в упоминании говорящим своего ощущения и испытания, которые не имеют непосредственной связи с адресатом, что в какой-то степени нарушает коммуникативные постулаты Грайса (в частности, «постулат количества» и «постулат отношений») [Грайс 1985]» [Юй 2017б: 349]. А в контексте (5) причина извинения заключается в выявлении говорящим факта, который идет вразрез с ожиданием собеседника.

В ситуации (6) – *Вы меня определили в старшую группу, а там одни бабки собираются. – Но вы, **извините**, тоже не мальчик* (к/ф «Москва слезам не верит») «причина извинительного речевого акта состоит в обозначении реального статуса мужчины-собеседника по возрасту, что, по мнению говорящего, может вызвать его недовольство. Важно отметить, что разногласие между партнерами по коммуникации предопределено различиями в точке зрения на индивидуальные (психические и физические) свойства одного из коммуникантов: один считает себя еще молодым и допускает возможность жениться на молодой девушке, а другой думает, что собеседник должен выбрать свою будущую жену или подругу из равных себе по возрасту. При помощи извинения говорящий пытается избежать возможного нарушения принципа вежливости – «не обидь» [Чернейко 1996: 53], а также и «принципа кооперации», которые играют значительную роль в достижении коммуникативной удачи» [Юй 2017б: 349–350].

В примере (7) *Вы скоро стали для меня почти невыносимы... Не подыщу более мягкого слова, **извините**...* (А. Чехов. Безотцовщина) говорящий прогнозирует возможную коммуникативную неудачу,

обусловленную выбранным им словом с явно отрицательной оценкой *невыносимый*, которое в словаре С.И. Ожегова истолковано как 'превышающий терпение, с трудом переносимый'. Извинением и оправданием выбора слова субъект речи пытается освободиться от ответственности за употребление этой лексемы, которая может с легкостью вызвать у адресата негативную психическую и, возможно, речевую реакцию. Однако надо отметить, что за извинительным высказыванием в данной ситуации скрывается критика по отношению к собеседнику.

В высказывании (8) *И украинцы на самом деле...это мне украинцы говорили, преподаватели украинского языка там...на Украине... **извините**, я «на Украине» говорю...* (запись дискуссии 2008) извинение приносится за употребленное по привычке неправильное предложное сочетание *на Украине*. В этом проступке усматривается возможность задеть не только языковое чувство адресата, но и патриотизм возможного украинского слушающего, так что сказанная фраза может превратиться в коммуникативную неудачу, ответственность за которую говорящий пытается снять признанием своей речевой ошибки, а также извинительным актом.

В студии В. Соловьева Е.Я. Сатановский, обращаясь к своему американскому оппоненту, извиняется за слово *имитация*, которое он употребил при характеристике деятельности американских властей. В. Соловьев, обращаясь к Е.Я. Сатановскому: (9) *Вы извиняетесь перед Майклом за слово «имитация»? Майкл тут такого от Вас наслушался, а **Вы за слово извиняетесь*** (ТВ. 23.10.16). Данный комментарий привлекает к себе внимание. По мнению ведущего, Е.Я. Сатановскому следует извиниться перед американским оппонентом не за конкретное слово *имитация*, а за высказанное им мнение по поводу деятельности правительства США, в котором заключается много негативной информации и явно отрицательная оценка, которая может помешать партнерам по общению достичь коммуникативной успешности.

(10) – А: *Любой воспитанный, интеллигентный человек никогда не*

назовет человека в глаза или даже за глаза убогим, калекой, слепым, горбатым, хромым. И мне кажется, что вот этот языковой инструмент, который нам предлагают, он рассчитан просто, **извините**, на безмозглых людей... – Б: Граждане, **прошу прощения**, но он рассчитан на ту демократизацию или вульгаризацию, о которой вы все сейчас печетесь! (запись дискуссии 2008). В данной ситуации А «приносит извинение участникам дискуссии за свое «непарламентское» выражение, смягченное его не прямой направленностью на адресата (именная группа *безмозглые люди* употреблена в данном контексте обобщенно референтно). Словарь С.И. Ожегова дает слову *безмозглый* такое толкование: ‘очень глупый, тупой’. Естественным коммуникативным следствием употребления любого стилистически сниженного слова с очевидной пейоративной оценкой может быть не только эмоциональная реакция адресата в виде обиды, но и его ответные действия, возможно, не только речевые. Так что в зону ответственности говорящего (адресанта) входит прогноз реакций адресата, если только говорящий не ставил своей целью нанести оскорбление адресату. С помощью своего извинения А пытается редуцировать отрицательные последствия, спровоцированные некультурным выражением, или вовсе их избежать» [Юй 2017e: 157].

«Б извиняется перед всеми присутствующими, но причина его извинения не лежит на поверхности. Данное извинение может быть отнесено к разряду «фантомного пустого множества», поскольку оно является «средством псевдоинтериоризации, характерным для начала коммуникации» в интеллигентной речи [Николаева 1999: 712]. Оно реализуется в той модели, которая основана на презумпции причинения «фантомного вреда» коммуниканту. Однако, если вчитаться в реплику Б, то вред от нее отнюдь не «фантомный», поскольку характеристику *безмозглый* он обращает к той группе лиц, кто ратует за демократию и куда попадает А» [Юй 2017e: 157].

Кроме того, пристального внимания заслуживают следующие десемантизированные извинения:

(11) *Во-первых, это во всем мире такая практика есть и, простите, и в Западной Европе, и в Германии, и так далее Рождество – это до сих пор выходной день* (Эхо Москвы, 25.08.2017); (12) **Простите**, я процитирую следующие сроки, которые приводят в книжке Маши Тендряковой «Охота на ведьм» (Эхо Москвы, 03.09.2017).

В высказывании (11) говорящий извиняется за напоминание о том факте, который, по его представлению, слушающий совсем не знает либо уже забыл. А в примере (12) поводом для извинения служит цитирование. Нужно подчеркнуть, что извинение за напоминание предполагает неосведомленность адресата в чем-либо. А когда/если извинение приносится за цитирование (особенно стихов), то у говорящего вырисовывается портрет адресата как совокупно необразованного человека. Однако надо отметить, что извинения такого типа не показывают незнающего образа адресата, а наоборот, вычерчивают штрихи к портрету адресанта, позиционирующего себя выше собеседника по знанию или компетентности.

Такого типа извинения представляются неуместными, и скорее могут считаться «пресуппозитивными неправильностями», которые являются «характеристикой неправильностей по месту, где происходит отклонение от нормы» [Крысин 1989б: 163]. В отличие от собственно языковых неправильностей и логических аномалий, пресуппозитивные неправильности обозначают «высказывания, в которых нарушено представление о нормальных отношениях между субъектом и адресатом действия, обозначаемого глаголом, формирующим высказывание» [Там же]. Такие неправильности по природе являются прагматическими. Так, можно сказать, что если этикетными извинениями говорящий возмещает нанесенный ущерб в процессе общения и тем самым устраняет коммуникативные неудачи, то квазиизвинением говорящий выдает себя, тогда как пустой извинительный акт, десемантизированный (нет должного мотива ни с позиции говорящего, ни, тем более, слушающего) прагматически насыщен и семантически перезагружен.

Следовательно, исходя из позиции коммуникативной ответственности, «говорящему необходимо осознавать причину, по которой он приносит извинение. В противном случае сама этикетная форма извинения семантически опустошается» [Юй 2017e: 158] и в тех или иных случаях становится прагматически нагруженной такими смысловыми компонентами, которые можно рассматривать как потенциальный повод для возникновения коммуникативной неудачи.

5. Основные выводы

1. Изучение мотивации извинения предполагает наличие пресуппозиции в речевой коммуникации. Пресуппозиция может рассматриваться как набор правил речевого поведения, которые обеспечивают достижение партнерами по общению коммуникативной успешности. А раскрытие причин извинительных высказываний в разных речевых жанрах в свою очередь способствует прояснению поведенческих правил в различных ситуациях и пополнению их реестра.

2. В процессе общения текстопорождающий потенциал часто находится «в руках» у коммуникативной неудачи, которая может стать поводом для извинительного высказывания – реальным или «фантомным». Во избежание коммуникативной неудачи в реальном речевом общении надо придерживаться «принципа вежливости» и «принципа кооперации», базирующихся на коммуникативной ответственности, и редуцировать нежелательные последствия при помощи извинения.

3. Существует формально два типа извинительных высказываний: с эксплицированным мотивом извинения и без его экспликации. В рамках извинительного высказывания возможна экспликация мотива извинения, т.е. у мотивации извинения есть означающее – своя грамматическая форма. По параметру «характер причины извинения» все извинительные высказывания могут быть разделены на две большие группы: извинения за действия (извинения «по существу» и конвенциональные извинения), извинения за речевые действия, или метаизвинения (семантически мотивированные и

десемантизированные, наполненные субъективной модальностью). По параметру «реальность причины извинения» извинительные высказывания делятся на два типа – реальные извинения и квазиизвинения (за так называемый «фантомный вред»).

4. В публичной речи в большей степени, чем в бытовых ситуациях, извинение выходит за рамки этикетности, приобретая черты «ложной значительности» и даже обретая статус эквивалентов модальных слов, поскольку в публичной речи повод для извинения либо довольно незначителен, либо абсолютно незаметен. Функционирование десемантизированных метаизвинений и квазиизвинений свидетельствует о семантической «перезагрузке» как тенденции его развития в современной русской речи. Критерий разграничения данных двух типов извинений – это наличие иной, чем собственно извинительная, цели (в десемантизированных метаизвинениях) и наличие по-разному оцениваемой говорящим и слушающим причины (в квазиизвинениях): квазиизвинения имеют место, когда причина есть для говорящего, но ее может не быть для слушающего, а десемантизированные метаизвинения произносятся вовсе не ради извинения, а ради других целей, иногда не осознаваемых самим говорящим. Поэтому всякое десемантизированное извинение является квазиизвинением, но квазиизвинение как мотивированное для говорящего не является десемантизированным.

5. Собственно извинительный речевой акт требует мотивации («по существу», конвенциональной или метаязыковой), что требует от говорящего осознания причины принесенного извинения. В противном случае в этикетной форме извинения происходит «перезагрузка» содержания. Если этикетными извинениями говорящий компенсирует причиненный в процессе общения ущерб и тем самым устраняет коммуникативные неудачи, то освобожденное от этикета извинение (неэтикетное, десемантизированное) дает информацию о говорящем. Пустой (немотивированный) извинительный акт оказывается прагматически насыщенным.

Заключение

Задача рассмотрения речевого этикета как составляющей общих норм и правил общежития, которыми ведает этика, в аспекте прогнозируемых последствий сказанного слова и предупреждения возможных речевых неудач имеет свою лингвистическую значимость. Решение данной задачи требует изучения коммуникативного уровня языка, описание которого базируется в первую очередь на соотношении позиций говорящего и слушающего, а также текущей речевой ситуации. В реальном речевом общении коммуникативная удача сопутствует не только тому, кто придерживается «принципа вежливости» и «принципа кооперации», но и тому, кто умеет прогнозировать исход коммуникативной деятельности, т.е. наделен таким социально и психологически значимым параметром, как ответственность за свое речевое поведение.

Обращение является одной из самых важных форм речевого этикета как контактоустанавливающее и контактоподдерживающее средство коммуникации. В русскоязычном культурном социуме говорящий обращается к собеседнику в соответствии с его социальным статусом – возрастом, полом, профессией – и с учетом такого важного параметра речевой ситуации, как ее официальность/неофициальность, а также с учетом той социальной дистанции, которая существует между коммуникантами, а она особенно значима в неофициальной сфере общения. Некорректное употребление формы обращения нередко влечет за собой коммуникативную неудачу, в частности недовольство или обиду адресата, а также является текстопорождающим фактором, вызывающим микротекст вокруг ошибки.

В сфере извинения всегда имеет место ущерб (реальный или так квалифицируемый извиняющимся), нанесенный действием или словом (а это тоже действие, но речевое). Этот ущерб может рассматриваться как коммуникативная или поведенческая неудача, которая так же, как и неверно выбранная форма обращения, обладает текстопорождающим потенциалом. В качестве способа компенсации ущерба и/или редуцирования нежелательных

последствий речевого действия извинение представляет собой такой текст, который способен нейтрализовать коммуникативную неудачу сменой темы разговора или тональности речевого общения. В публичной сфере общения извинение часто является результативным речевым действием, поэтому оно имеет метатекстовый характер.

В настоящем исследовании на материале разножанровых текстов современного русского языка (СРЯ) были изучены лексический состав обращения и языковые средства реализации извинения, разграниченные по их семантико-прагматическим параметрам; проведен анализ особенностей функционирования форм обращения и извинения в разных речевых жанрах; подробно проанализирована связь между выбором субъектом речи формы обращения с иллокутивной целью высказывания и с перлокутивным эффектом (репликой-реакцией адресата); предложен вариант классификации извинений по таким разным параметрам, как «языковая форма представления вызывающих их причин» (эксплицитная и имплицитная) и «реальность причин извинения». Выявлена тенденция развития извинения в современной русской речи в направлении его семантической «перезагрузки».

Изучение употребления речевых этикетных форм обращения и извинения в свете этики ответственности открывает перспективу междисциплинарного (лингвофилософского) исследования современной (особенно публичной) русской речи, поскольку в основе коммуникативного акта лежит свобода выбора говорящим языковых форм, ограниченная единственным условием – необходимостью предвидеть последствия этого выбора в той или иной коммуникативной ситуации. Такой подход к анализу речи позволяет считать ответственность не только важнейшим социальным параметром, но и фундаментом успешной коммуникации.

Для решения поставленных в диссертации задач было необходимо в первую очередь проанализировать связь вариативных форм обращения, которые предлагает система русского языка, с характером коммуникативной ситуации, то есть выявить закономерности их позиционного

(конситуативного) распределения. Если говорить об извинении, то на первый план выходит недостаточная изученность мотивации извинительного речевого акта в бытовых и публичных ситуациях. Именно этот аспект изучения извинения позволяет обнаружить ставшую устойчивой в современной публичной речи тенденцию к десемантизации извинения и переходу извинительных форм в разряд модальных слов. Если извинение теряет свою мотивировку (с точки зрения адресата), его предложено квалифицировать как квазиизвинение. Однако в деэтикетизированных извинениях (десемантизированных метаизвинениях и квазиизвинениях) происходит семантическая «перезагрузка», поскольку они наполняются иными смыслами и часто не только выдают позицию говорящего в данной ситуации, но и являются штрихами к портрету его как языковой личности.

Анализ языкового материала в аспекте обнаружения коммуникативных неудач, связанных с использованием единиц обращения и извинения в различных речевых жанрах, позволяет обнаружить текстопорождающие факторы коммуникативной непрозорливости говорящего, проистекающей из его неумения предвидеть негативные последствия своего речевого поведения как в сфере обращения, так и в сфере извинения. Особый акцент был сделан на рассмотрении роли понятия «ответственность» в функционировании русского речевого этикета, тем более что в современной российской жизни очевиден запрос на ответственность как на один из наиболее важных социальных факторов.

Библиография

I. Статьи и монографии

1. Агаркова О.А., Путилина Л.В. Прагмалингвистические особенности формул извинения в современном русском языке // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017, № 6 (206). С. 32-37.
2. Апресян Р.Г. Этика // Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 597-598.
3. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1986, № 3. С. 208-233.
4. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 53-293.
5. Артамонова Е.В. Жанры русской речи: исповедь, просьба о прощении, принесение извинений: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Казань, 2008. 192 с.
6. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. Серия лит. и языка. Т. 32. 1973, № 1. С. 84-89.
7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
8. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. Т. 40. 1981, № 4. С. 356-358.
9. Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 175-189.
10. Арутюнова Н.Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992а. 281 с.
11. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992б. С. 14-23.
12. Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 106-116.
13. Арутюнова Н.Д. Логико-коммуникативная функция и значение слова //

- Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999а. С. 1-94.
14. Арутюнова Н.Д. Дескрипции и дискурс. От текста к смыслу // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999б. С. 95-129.
15. Арутюнова Н.Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999в. С. 130-274.
16. Байкулова А.Н. Семейная беседа // Хорошая речь / Под ред. М.Л. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Изд. стереотип. М.: ЛИБРОКОМ, 2015. С. 151-163.
17. Балли Ш. Французская стилистика. М.: УРСС, 2001. 392 с.
18. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992, № 2. С. 84-99.
19. Бартон В.И. Сравнение как средство познания. Мн.: Изд-во БГУ, 1978. 127 с.
20. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества: Проблема речевых жанров. М.: Искусство, 1979. 424 с.
21. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. М.: Наука, 1986. С. 80-160.
22. Болотов В.И. К вопросу о значении имен собственных // Восточнославянская ономастика / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1972. С. 333-345.
23. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
24. Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М.: Издательство Московского университета, 1963. 308 с.
25. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Оценочные акты «извне» и «изнутри» // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 49-59.
26. Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 1993. 501 с.
27. Ван Я. Изменение общества и изменения в русском языке (Шэхуй Бяньцянъ Хэ Эюй Юйянь Дэ Бяньхуа). Хэйлонцзян: Хэйлонцзянское народное издательство, 2008. 355 с.
28. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

29. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 251-275.
30. Вежбицка А. Толкование эмоциональных концептов // Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 201-375.
31. Вежбицка А. Речевые жанры (Перевод В.В. Дементьева) // Жанры речи. Саратов: Государственный учебно-научный центр «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99-111.
32. Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
33. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 238-250.
34. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
35. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980. 237 с.
36. Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 5-29.
37. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Вступ. ст. Н.Д. Арутюновой, И.И. Чельшевой. Изд. стереотип. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 284 с.
38. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. М.: Искусство, 1991. 367 с.
39. Гак В.Г. К проблеме сопоставительно-типологического анализа речевого акта и текста // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М.: Наука, 1987. С. 37-48.
40. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-

прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 158-218.

41. Голанова Е.И. Устная публичная речь. Жанр публичной лекции // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 137-157.

42. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 11-57.

43. Голев Н.Д. О метаязыковом компоненте обыденного языкового сознания носителей русского языка // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистические и когнитивные аспекты: сб. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. Вып. 2. С. 36-44.

44. Голев Н.Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008, № 3(4). С. 5-17.

45. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 23-34.

46. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы / Под ред. Л.И. Баранниковой. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009а. 136 с.

47. Гольдин В.Е. Этикет и речь. Изд. 3-е, доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009б. 120 с.

48. Гофман И. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / И. Гофман. М.: Смысл, 2009. 319 с.

49. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217-237.

50. Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи. М.: издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. С. 560.

51. Давыдов Ю.Н. Этика убеждения и этика ответственности: Макс Вебер и Лев Толстой // Этическая мысль. Вып. 7. М.: ИФ РАН, 2006. С. 83-109.

52. Дементьев В.В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1.

С. 34-44.

53. Дементьева О.Ю. Контексты названия: семантика и лингводидактика // Сборник научных статей, посвященный юбилею заслуженного профессора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Майи Владимировны Всеволодовой. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 186-199.

54. Дементьева О.Ю. Средства выражения количества в русском языке // Иноязычное образование в современном мире. Сборник научно-методических статей. В 2-х частях, том 1. М.: МПГУ, 2014. С. 99-105.

55. Дзюба А.В. Обращение как компонент коммуникации в художественном тексте (на материале художественной прозы А.П. Чехова) https://allbest.ru/otherreferats/literature/00703327_0.html.

56. Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 30-64.

57. Земская Е.А., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. С. 121-152.

58. Земская Е.А. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 131-136.

59. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. Учеб. для студентов филол. спец. фак. ун-тов и пед.ин-тов. М.: Просвещение, 1983. 399 с.

60. Иванова-Лукьянова Г.Н. Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм: Учеб-пособие. 6-е изд. М.: Флинта: Наука, 2004. 200 с.

61. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 8-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2017. 308 с.

62. Йонас Ханс. Принцип ответственности: Опыт этики для технологической

- цивилизации; пер. И.И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2004. 479 с.
63. Калинин Л.А. О нравоцентричности трансцендентальной антропологии Канта, или о роли морали в природе человека // Кант. сб. 2010, № 34. С. 21-33.
64. Канке В.А. Современная этика: университетский учебник. М.: Омега-Л, 2009. 394 с.
65. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Сочинения. В 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 107-437.
66. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Собр. соч.: в 8 т.: пер. с нем. М.: Чоро, 1994. Т. 8: Статьи. Лекции. Избранные письма. Из рукописного наследия. С. 12-29.
67. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
68. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. 396 с.
69. Кифер Ф. О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М.: Прогресс, 1978. С. 337-369.
70. Клобуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке / Е.В. Клобуков. М.: Изд-во МГУ, 1986. 117 с.
71. Клубков П.А. Говорите, пожалуйста, правильно. СПб.: Норинт, 2004. 192 с.
72. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. С. 7-21.
73. Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 52-61.
74. Кожухова Л.В. Речевой акт обращения // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007, № 48. С. 80-85.
75. Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. Л.: Лениздат, 1988. 271 с.
76. Корнилова Е.Е. Культура телевизионной речи // Филология и журналистика в контексте культуры: материалы Всерос. науч. конф. Вып. 2.

Рост. гос. ун-т. Ростов-н/Д., 1998. С. 44-45.

77. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-пресс, 1994. 248 с.

78. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. М.: Гнозис, 2016. 496 с.

79. Кронгауз М.А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. С. 124-133.

80. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Астрель; CORPUS, 2012. 480 с.

81. Крылова Т.В. Наивно-языковые представления о вежливости и обслуживающая их лексика // Языковая картина мира и системная лексикография / под ред. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 241-404.

82. Крысин Л.П. Социальный аспект владения языком // Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Отв. ред. Ю.Д. Дешериев. М.: Наука, 1989а. С. 120-144.

83. Крысин Л.П. Социальные ограничения в семантике и в употреблении языковых единиц // / Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка; Отв. ред. Ю.Д. Дешериев; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1989б. С. 145-172.

84. Лаптева О.А. Современная русская публичная речь в свете теории стиля // Вопросы языкознания. 1978, № 1. С. 18-37.

85. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 519 с.

86. Латина О.В. Идиомы и экспрессивная функция языка // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1999. С. 136-156.

87. Левонтина И.Б. Пустое “вы” сердечным “ты” // О чем речь / И. Левонтина.

М.: АСТ: CORPUS, 2016. С. 179-183.

88. Ленерт У. Проблемы вопросно-ответного диалога // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Наука, 1988. С. 258-280.

89. Лукоянова Ю.К. Основные изменения в русском речевом этикете на рубеже XX – XXI веков // Учёные записки Казанского университета. 2011, Том. 153, № 6. С. 227-233.

90. Ляпун С.В. Этика газетного заголовка. // Филология и журналистика в контексте культуры: материалы Всерос. науч. конф. Вып. 4. Ростов-н/Д. (Северо-Кавказские чтения / Рост. гос. ун-т), 1998. С. 48-49.

91. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

92. Милль Дж. С. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. Пер. с англ. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2011. 832 с.

93. Москвин В.П. К соотношению понятий “речевой жанр”, “текст” и “речевой акт” // Жанры речи. Саратов: Колледж, 2005. Вып. 4. С. 63-76.

94. Николаева Т.М. О принципе «не-кооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 225-235.

95. Николаева Т.М. Социолингвистический портрет и методы его описания / Т.М. Николаева // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Часть 2. М., 1991. С.73-75.

96. Николаева Т.М. Речевая модель «обывателя» и идеи Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона об оппозициях и «валоризации» // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию В.В. Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 704-720.

97. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.

98. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. С. 22-

129.

99. Остин Дж. Избранное. Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.

100. Остин Дж. Принесение извинений // Три способа пролить чернила: Философские работы. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. С. 200-231.

101. Пахомова И.Н. Новые явления в русском речевом этикете (на материале средств массовой информации): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2008. 188 с.

102. Пеньковский А.Б. Русские личные именованья, построенные по двухкомпонентной модели «имя + отчество» // Ономастика и норма. М.: Наука, 1976. С. 79-107.

103. Пешковский А.М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы // Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.-Л.: Госиздат, 1930. С. 33-161.

104. Проничев В.П. Синтаксис обращения: (На материале рус. и сербохорват. яз.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. 88 с.

105. Путилина Л.В. Функционирование формул извинения в речевом поведении студентов-филологов ОГУ // Языковая норма и речевая практика в Оренбургском регионе. Материалы Международной научной конференции. Оренбург: Оренбургская книга, 2016. С. 113-116.

106. Ратмайр Р. Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2003. 272 с.

107. Русская грамматика / Редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. в 2-х томах. Т. 2. М.: Наука, 1980. 710 с.

108. Русский язык в условиях языковой и культурной полифонии: сб. науч. статей / Под ред. В.В. Красных. М.: Азбуковник, 2011. 375 с.

109. Рыжова Л.П. Обращение как компонент коммуникативного акта: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Калинин, 1982. 148 с.

110. Рябцева Н.К. Мысль как действие, или риторика рассуждения // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 60-69.

111. Савельев В.С. Функции обращений в прямой речи героев «Повести временных лет» (статья 1) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2018а, № 1. С. 43-73.

112. Савельев В.С. Функции обращений в прямой речи героев «Повести временных лет» (статья 2) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2018б, № 2. С. 35-60.

113. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917-1926). Изд. 2-е, стереотип. М.: УРСС, 2003. 248 с.

114. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986а. С. 170-194.

115. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986б. С. 151-169.

116. Спиноза Б. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957а. 631 с.

117. Спиноза Б. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957б. 727 с.

118. Спиноза Б. Этика. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2001. 336 с.

119. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.

120. Стернин И.А. Русский речевой этикет. Воронеж: ВОИПКРО, 1996. 125 с.

121. Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 129-154.

122. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике: Вып.17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с

англ. М.: Прогресс, 1986. С. 131-150.

123. Суперанская А.В. Ономастические универсалии // Восточнославянская ономастика / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1972. С. 346-356.

124. Супрун В.И. Особенности использования вокативных единиц в современном русском языке // Грани познания. 2010, № 5. С. 47-52.

125. Тарасенко Т.В. Этикетные жанры русской речи: Благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Красноярск, 1999. 169 с.

126. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 14-56.

127. Ткаченко Г.А. Формирование этических идей в Китае // Этическая мысль. Вып.1. М.: ИФ РАН, 2000. С. 16-30.

128. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты. Семантический, прагматический и грамматический анализ. Монография. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.

129. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М.: УРСС, 2002 (1974). 205 с.

130. Федорова Л.Л. Механизмы изменения дистанции в речевом взаимодействии // Московский лингвистический журнал. Вып. 7. 2003, № 2. С. 21-40.

131. Федосюк М.Ю. В каком направлении развивались стили русской речи XX века // Филология и журналистика в контексте культуры: материалы Всерос. науч. конф. Вып. 4. Ростов-н/Д., 1998. С. 3-4.

132. Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета. Изд. 2-е. М.: Русский Язык, 1984. 196 с.

133. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский Язык, 1987. 158 с.

134. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.

135. Формановская Н.И. Ритуалы вежливости и толерантности //

Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та., 2003а. С. 345-362.

136. Формановская Н.И. Социально-культурная сущность речевого этикета // Московский лингвистический журнал. Вып. 7. 2003б, № 2. С. 9-21.

137. Формановская Н.И. Нужно ли русскому человеку отчество? // Русская речь. 2004, № 5. С. 67-76.

138. Формановская Н.И. Эмоции, чувства, интенции, экспрессия в языковом и речевом выражении // Эмоции в языке и речи. Сб. науч. тр. М.: РГГУ, 2005. С. 106-116.

139. Формановская Н.И. Имя-отчество как русский национальный обычай и современные средства массовой информации // Избранные статьи разных лет (юбилейный сборник). М.: Гос. ин-т русского яз. им. А.С. Пушкина, 2007а. С. 108-121.

140. Формановская Н.И. Интенция и интонация (к юбилею Е.А. Брызгуновой) // Избранные статьи разных лет (юбилейный сборник). М.: Гос. ин-т русского яз. им. А.С. Пушкина, 2007б. С. 122-133.

141. Формановская Н.И. О речевом общении и правилах речевого поведения Ты- / Вы- формы общения в сочетании с обращениями / Избранные статьи разных лет (юбилейный сборник). М.: Гос. ин-т русского яз. им. А.С. Пушкина, 2007в. С. 249-269.

142. Фролова О.Е. Ответственность как диалог // *Etnolingwistyka. Problemy Języka i kultury*. Т. 21. Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Słkowskiej, Lublin (Polska), 2009а. С. 139-152.

143. Фролова О.Е. Семантика ответственности // *Europa und seine Werte. Akten der internationalen Arbeitstagung «Nomen- und Wertbegriffe in der Verständigung zwischen Ost- und Westeuropa»* 3/4. April 2008 in Lublin, Polen. / Hrsg. Jerzy Bartminski, Rosemarie Luhr / Frankfurt am Main, Peterlang, 2009б. С. 213-225.

144. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. 415 с.

145. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.:

Наука, 2001. 377 с.

146. Харченко В.К. Современная повседневная речь. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ЛКИ, 2010. 184 с.

147. Хесед Л.А. Типы вежливости и невежливости поведения и их знаковые характеристики: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2013. 26 с.

148. Червинский П. Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2012. 204 с.

149. Чернейко Л.О. Оценка в знаке и знак в оценке // Филологические науки. 1990, № 2. С. 72-82.

150. Чернейко Л.О. Порождение и восприятие межличностных оценок // Филологические науки. 1996, № 6. С. 42-53.

151. Чернейко Л.О. Имя собственное как результат индивидуального творчества и как объект авторского права // Изобретательство. 2002а, № 8. С. 23-25.

152. Чернейко Л.О. Смысловая структура художественного текста и принципы ее моделирования // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. Сборник в честь Г.А. Золотовой. М.: УРСС, 2002б. С. 449-460.

153. Чернейко Л.О. Перцептивные парадигмы художественного текста // Пушкинские чтения-2002: материалы конференции. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2003. С. 15-28.

154. Чернейко Л.О. Асимметричный языковой знак в речи: к вопросу о взаимодействии смыслов в разных условиях их реализации // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2012а, № 2. С. 7-40.

155. Чернейко Л.О. Семантическая деривация на службе у поэтической функции языка // Русский язык сегодня. Вып. 5: Проблемы речевого общения: сб. докладов / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М.: Наука, 2012б. С. 424-439.

156. Чернейко Л.О. Культура речи в свете этики ответственности // Труды института Русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 2. М., 2014. С. 245-260.
157. Чернейко Л.О. Мера ответственности субъекта речи в медиапространстве // Учимся говорить по-русски. Речь электронных СМИ в контексте медиастилистики: коллективная монография. М.: НП «Партнерство фак. журналистики», 2016а. С. 161-171.
158. Чернейко Л.О. Обыденное сознание: его границы и формы речевого воплощения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016б, № 3. С. 194-202.
159. Чернейко Л.О. Как рождается смысл. Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования: пособие по спецкурсу для студентов. М.: Гнозис, 2017а. 208 с.
160. Чернейко Л.О., Юй И. К вопросу о функционировании извинения в бытовом и публичном типах речи // Вестник Башкирского университета. 2017б, № 4. С. 1141-1146.
161. Чернышева А.Ю. Речевой жанр «Извинение» // Человек, язык, искусство. М.: Изд-во МПГУ, 2002. С. 110-111.
162. Чжу Ц. Конфуцианская этика ответственности и ее современное переосмысление // Мораль и Цивилизация (Даодэ юй Вэньмин). 2014, № 6. С. 21-28.
163. Чинова Л.Н. Просьба о прощении и принесение извинения // Жанры речи. Саратов: Государственный учебно-научный центр «Колледж», 1999. С. 278-281.
164. Шаронов И.А. Столкновение этикетных норм: церемонность и простота обращения // Московский лингвистический журнал. Вып. 7. 2003, № 2. С. 151-175.
165. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 2008. 280 с.
166. Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983, № 1. С. 72-77.

167. Шмелева Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики / Под ред. В.А. Белошапковой, И.Г. Милославского. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 168-202.
168. Шмелева Т.В. Повседневная речь как лингвистический объект // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1992. С. 5-15.
169. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Государственный учебно-научный центр «Колледж», 1997. С. 88-99.
170. Шукшин. В.М. Охота жить: рассказы / Василий Шукшин. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 352 с.
171. Щербакова И.А. Стандартные формулы в речевом акте извинения в русском языке // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2012, № 151. С. 146-154.
172. Юй И. Имена нарицательные в функции обращения (на материале пьес А.П. Чехова) // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2017», серия «Филология». М.: Макс Пресс, 2017а. [Электронный ресурс].
173. Юй И. Коммуникативные неудачи как текстопорождающий фактор в сфере речевого этикета (обращение и извинение) // Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: норма и вариант: VI Международная научная конференция: сборник научных статей. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017б. С. 345-351.
174. Юй И. Направление развития современного русского обращения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2017в, № 4. С. 58-67.
175. Юй И. Парадигма личного имени в структурном и функциональном аспектах // Ономастика Поволжья: материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 50-летию первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора В.А. Никонова / под ред. С.В. Рябушкиной и др. Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2017г. Том 2. С. 188-193.

176. Юй И. Формы обращения и вокативные функции имен нарицательных (на материале текстов художественной литературы) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017д, № 3. С. 217-222.
177. Юй И. Формы русского речевого этикета в свете этики ответственности // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017е, № 2. С. 150-159.
178. Юй И. Функционирование извинения в публичной речи // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2018», серия «Филология». М.: Макс Пресс, 2018. [Электронный ресурс].
179. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм – «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.
180. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.
181. Янко Т.Е. Интонация обращений // Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 98-107.
182. Янко Т.Е. Русские обращения: словарная информация и вокативные конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2009. С. 574-580.
183. Янко Т.Е. Обращения в структуре дискурса // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных культурах. М.: Индрик, 2010. С. 456-468.
184. Янко Т.Е. Лексическая семантика обращений: семантические особенности русских антропонимов и других имен, обозначающих людей // Язык и речевая деятельность. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. С. 239-255.
185. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. 345 p.
186. Fingarette H. On responsibility. New York: Basic Books, 1967. 181 p.

187. Hart H.L. Punishment and Responsibility. New York: Oxford Academ, 2008. 336 p.
188. Kecskes I. Intercultural impoliteness // Journal of Pragmatics. 2015, № 86. pp. 43-47.
189. Leech J. Principles of Pragmatics. London, New York: Longman, 1983. 257 p.
190. Nuyts J. Qualificational meanings, illocutionary signals, and the cognitive planning of language use // Annual Review of Cognitive Linguistics. 2008, № 6. pp. 185-207.
191. Searle J. Ausdruck und Bedeutung. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1982. 211 p.

II. Словари

192. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета: Формы доброжелат. обхождения: 6000 слов и выражений. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 670 с.
193. Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
194. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
195. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. Около 2600 имен. М.: Советская Энциклопедия, 1966. 384 с.
196. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный словарь по классам слов и значений / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Том. I: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Все живое. Земля. Космос). М.: РАН Ин-т рус. яз., 2002. 800 с.
197. Словарь-тезаурус синонимов русского языка / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: Словари XXI века, 2017. 448 с.
198. Словарь фразеологизмов русского языка онлайн <https://phraseology.academic.ru/>.
199. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.

200. Суперанская А.В. Словарь народных форм русских имен. Изд. стереотип. М.: ЛИБРОКОМ, 2017. 368 с.
201. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. / Пер. с нем. О.Н. Трубачева. 2-е изд. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
202. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
203. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. Изд. 2-е, стереотип. М.: Советская Энциклопедия, 1968. 543 с.
204. Языкознание. Большой лингвистический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
205. ССКЯ (Современный словарь китайского языка) / Отв. ред. Люй Шусян, Дин Шэншу, 6-е изд. Пекин: Шаньбу иньшугуань, 2012. 1363 с.
206. СЭ (Словарь по этике) / Под ред. И.С. Кона, 4-е изд. М.: Политиздат, 1981. 430 с.